

В. В. ШЕЛОХАЕВ

**ЛИБЕРАЛИЗМ
В РОССИИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Валентин Шелохаев

**Либерализм в России
в начале XX века**

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Шелохаев В. В.

Либерализм в России в начале XX века / В. В. Шелохаев —
Автономная некоммерческая организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2019

ISBN 978-5-8243-2306-1

В монографии показана диалектика процессов дифференциации внутри российского либерализма и одновременно консолидации его основных направлений и течений, которые в период Первой российской революции трансформировались в политические партии. В книге в сравнительном аспекте дан анализ содержания либеральных субмоделей преобразования России, а также законодательного творчества либеральных думских фракций. Большое внимание уделено рассмотрению сложных и противоречивых взаимоотношений между либеральной оппозицией как с властью, так и с массами; выявлены причины слабой «укорененности» либеральных идей и практик в российскую реальность. Книга рассчитана на широкие круги представителей гуманитарного знания, преподавателей, студентов вузов, а также всех тех, кто интересуется историческим прошлым нашей страны.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

© Шелохаев В. В., 2019

ISBN 978-5-8243-2306-1

© Автономная некоммерческая
организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2019

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	14
1. Доктрины и программы: общее и особенное	16
2. Либеральные тактики: созвучия и диссонансы	39
3. Дискуссии о типе либеральной партии	58
Глава вторая	67
1. Самоопределение в системе многопартийности	68
2. Динамика численности и состава	78
3. Либеральные думские фракции	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

В. В. Шелохаев

Либерализм в России в начале XX века

Предисловие

Русский либерализм на рубеже XIX–XX вв. продолжал оставаться многослойным (в социальном отношении) и сложносоставным (в идеологическом и политическом смыслах) историческим явлением. Наряду с традиционной корневой мировоззренческой и идеологической основой (западничество в его российской интерпретации) в пореформенный период стали появляться новые молодые побеги социального и демократического либерализма, которые по мере своего укрепления и разветвления стали оказывать определенное влияние и на дальнейшую эволюцию либерализма. Однако процесс трансформации российского либерализма так и не завершился к 1917 г., когда его эволюция была насильственно прервана в результате большевистского переворота.

Наслоение и переплетение разных стадий в российском либерализме вызывало и продолжает вызывать в отечественной и западноевропейской историографии дискуссии о типе(ах) русского либерализма, его реформаторском потенциале, причинах неэффективности в конкретных российских исторических условиях¹. Суть этих дискуссий состоит прежде всего в том, что в отличие от либерализма развитых европейских стран, где каждая очередная его стадия (интеллектуальная, экономическая, политическая, демократическая, социальная) последовательно сменяла предшествующую, российский либерализм (в силу специфики исторического развития страны) эволюционировал по другой схеме. Особенность генезиса и эволюции либерализма в России состояла в том, что его становление осуществлялось в условиях неограниченного самодержавного режима, на протяжении веков удерживающего монополию на определение вектора исторического развития страны и игнорирующего общественное мнение. Самодержавный режим либо жестко пресекал любые проявления общественных инициатив, включая либеральные, либо предпочитал держать их под своим жестким контролем. Поэтому либерализм как одна из теоретически возможных альтернативных моделей общественного преобразования не только не вписывался в традиционную идеологию самодержавия, но объективно был обречен на конфликты с ним. Самодержавная власть могла сотрудничать (и сотрудничала) с либералами исключительно на персональном уровне, приглашая их в качестве «сведущих лиц» для обсуждения тех или иных объективно назревших проблем, но не допускала их самостоятельной самоорганизации, объединения в союзы, а тем более в политические партии.

---

¹ Оживленные дискуссии среди российских гуманитариев о прошлом, настоящем и будущем русского либерализма начались в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и были обусловлены распадом советской коммунистической системы и марксистско-ленинской парадигмы прочтения российского исторического процесса. Именно в это время автором монографии был опубликован ряд статей, в которых содержалась попытка комплексного анализа историографических проблем русского либерализма, см.: Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–42; Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // Консерватизм в России и мире. Ч. 1. Воронеж. 2004. С. 58–62; Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–17. В эти же годы по инициативе автора были проведены три научных конференции, см.: Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы Международной конференции. Москва, 27–29 мая 1998 г. М., 1999; Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы Международной конференции. Москва, 26–27 мая 1999 г. М., 2000; Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 25–26 мая 2000. М., 2001. Подробный анализ отечественной и зарубежной историографии русского либерализма дан в монографиях моих учеников, см.: Егоров А. Н. Очерки историографии российского либерализма конца XIX – первой четверти XX в. (дореволюционный и советский периоды). Череповец, 2007; Он же. Российские либералы начала XX в. и власть. Историографические дискуссии. Череповец, 2007; Макаров Н. В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М., 2015.

Примеры такого рода сотрудничества власти, прежде всего с земскими либералами, подробно изучены в отечественной и зарубежной историографии.

До середины XIX в. русский либерализм по преимуществу «подпитывался» идеями и опытом передовых западноевропейских стран, которые разделялись и «импортировались» в Россию представителями образованного класса, проходившими обучение в европейских университетах. Со второй половины XVIII в. идеи и практики западноевропейского либерализма довольно живо обсуждались в правительственных кругах (например, в окружении Екатерины II, Александра I и Александра II), светских салонах, периодической печати, научных трудах и художественных произведениях. Это было время интеллектуальной «обкатки» западноевропейских либеральных идей в довольно узких кругах русской образованной элиты, которая искренне стремилась перенести их на русскую почву, убедив самодержцев в полезности привлечения на свою сторону западноевропейского общественного мнения. Одновременно шел подспудный процесс переосмысления западноевропейских либеральных идей применительно к российской исторической специфике (западники и славянофилы), что первоначально не могло не порождать (и, естественно, порождало), по мнению отечественного философа В. Ф. Пустарнакова, квазилиберальные или паралиберальные формы их проявления². Отсутствие объективных предпосылок и условий для возникновения национального типа либерализма продуцировало появление его «превращенных форм», что имело место не только в России, но и в других (в том числе европейских) странах. Либерализм как универсальная мировоззренческая система начинает пускать свои корни в национальных исторических средах, с тенденцией ее последующей трансформации в соответствующем этой системе направлении. Применительно к российским реалиям адаптация либерализма к национальной почве началась с середины XIX в.

Логика пореформенного развития России и формирования основ нового типа общественных отношений объективно вела к возникновению нового интеллектуального, политического, экономического, социального пространства, что, в свою очередь, предоставляло либералам реальную возможность более четко и определенно осознать свою роль в капиталистической модернизации страны. Реформы 1860-х – 1870-х гг. постепенно формировали условия, которые позволяли интеллектуальным носителям либеральных идей, жаждавшим самореализации, принимать активное участие в земских и судебных органах, печати соответствующего направления. Практическая деятельность либералов второй половины XIX в. с логической неизбежностью сталкивалась с все более разительными противоречиями между разным пониманием перспектив развития страны со стороны власти и общества. Все это заставляло теоретиков либерализма раздвинуть горизонты интеллектуального поиска, включив в него вопросы политического и социального характера, приступить к моделированию собственного варианта исторического развития России, а также его общественной презентации.

Сложный состав российского либерализма предопределил и вариативность либеральных моделей преобразования России. Разное понимание ключевых проблем (структура политической системы, объем гражданских прав и политических свобод, отношение к собственности и т. д.), реализация которых мыслилась как создание предпосылок и условий для реализации потенциальных возможностей личности, порождало конкуренцию между направлениями и течениями в либерализме. Мировоззренческие, идеологические, политические, экономические, социальные, национальные, конфессиональные «расстыковки» между этими направле-

---

² Подробно об этом см.: Пустарнаков В. Ф. Либерализм в России. Казань, 2002. В книгу вошли статьи и доклады, посвященные проблемам историографии русского либерализма, его периодизации, его философским источникам, конкретным формам проявления на различных этапах российского исторического процесса, начиная со второй половины XVIII и до начала XX в. Высказанные В. Ф. Пустарнаковым идеи вызвали бурные дискуссии и будили творческую мысль (См.: Либерализм в России. М., 1996).

ниями и течениями не позволяли либералам создать ни единую теоретическую модель модернизации страны, ни единую организацию для ее осуществления.

Подобное состояние либерализма, как, впрочем, и всех направлений российской общественной мысли и общественного движения, обусловленное особенностями исторического развития, вызывало и продолжает вызывать дискуссии среди отечественных и зарубежных исследователей. Прежде всего речь идет об отсутствии единого подхода к определению понятия «либерализм». Так, например, в литературе широко используются такие квазипонятия, как «самодержавный либерализм», «правительственный либерализм», «бюрократический либерализм», «земский либерализм», «интеллигентский либерализм», «старый либерализм», «новый либерализм», которые не раскрывают сущностного содержания самого понятия³. Разумеется, отдельные бюрократы, земские деятели, представители интеллигенции могли использовать и использовали отдельные элементы либеральной идеологии и политики, но это еще ни в коей мере не означало, что они разделяли мировоззренческую либеральную систему как целое, а тем более стремились реализовать ее на практике. Различные интерпретации понятия «либерализм» имели место и среди различных направлений и течений в российском либерализме (например, октябристы, прогрессисты, кадеты). По сути, в российской действительности еще далеко не завершился процесс осознания сущности содержания самого понятия «либерализм» как единой и целостной мировоззренческой системы, инвариантным ядром которой является Личность, во имя реализации потенциальных возможностей которой и предлагалось практически осуществить модель либерального преобразования России. В этом смысле начало XX в. стало переломным моментом в истории эволюции российского либерализма. Но чтобы либерализм в России трансформировался в иное качественное состояние, потребовались длительные стадии его эволюции. Ведущая роль в этом процессе принадлежала тем представителям русской интеллектуальной элиты, которая разделяла исходные универсальные мировоззренческие принципы либерализма.

В логической связи с различной интерпретацией понятия «либерализм» возникла и вторая дискуссионная проблема – о времени возникновения либерализма в России: одни исследователи относят его к периоду второй половины XVIII в., другие – к началу XIX, третьи – к пореформенному времени. Такой временной «разброс» генезиса либерализма в России, на мой взгляд, обусловлен также отсутствием четких критериев. Если за основу периодизации взять стадиальную идею генезиса, формирования и эволюции западноевропейского либерализма, то исходный момент появления идей либерализма в России можно отнести к середине XVIII в., когда сравнительно небольшой круг представителей формирующегося просвещенного русского общества стал трансплантировать их из ведущих европейских стран⁴. Это интеллектуальная стадия заимствования западноевропейских либеральных идей совпала с подготовкой и проведением Екатериной II целого комплекса реформ, способствующих развитию России в западноевропейском русле. Причем сам «отбор» западноевропейских либеральных идей был весьма «дозированным» и ограничивался областью культурно-технологического, экономического, правового и административного характера, не затрагивая при этом ни основ политической системы, ни такой кардинальной важности социальной проблемы, как отмена крепостного права. Именно две последние проблемы и являлись «лапшевой бумажкой» для понимания

³ Плодотворную попытку анализа понятия «либерализм» применительно к началу XIX в. предпринял отечественный историк Д. В. Тимофеев (См.: Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011).

⁴ Подробно об этом см.: Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995; Секиринский С. Т., Филиппова Т. Родословная российской свободы. М., 1993; Приленский В. И. Опыт исследования ранних русских либералов. Ч. 1. М., 1995; Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М., 1972; Он же. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004; Коршунова Н. В. «Либеральная диктатура» Александра I: Реформы в России в первой четверти XIX века. М., 2002; Шнейдер К. И. Между свободой и самодержавием: История раннего русского либерализма. Пермь, 2012.

как самого принципа «отбора» западноевропейских идей представителями образованного русского общества, так и пределов их применения на российской почве, которая в данный период была далека от готовности к самозарождению национального варианта либерализма⁵.

В первый период царствования Александра I, воспитанного в духе идей Просвещения, интеллектуальная стадия заимствования западноевропейских либеральных идей и их адаптация на русской почве была продолжена близкими друзьями императора и некоторыми представителями бюрократических кругов, осознававшими объективную необходимость приступа к отмене крепостного права и реформирования центрального государственного аппарата. Однако после опалы одного из «генераторов» реформ в либеральном духе М. М. Сперанского преобразовательные порывы стали постепенно затухать. Правда, некоторые идеи либерализма (но не его мировоззренческая система как целое) уже «укоренились» в сознании отдельных передовых представителей образованного русского общества, с одной стороны, сохраняя их западноевропейский источник (западничество), а с другой – формируя собственную основу для их интеллектуального воспроизводства (славянофилы).

Пореформенная практическая деятельность либералов в общественных структурах (прежде всего в органах земского самоуправления) порождала у определенной их части идею о возможности достижения некоего консенсуса между самодержавием и обществом через систему «прорастания» конституционных идей «снизу» (местное самоуправление) «доверху» (созыв Земского собора самодержцем). Такая иллюзорная конструкция трансформации политической системы (минуя западноевропейский парламентаризм, заведомо неприемлемый для самодержавия) зародилась на основе земского опыта. Эта идея активно внедрялась в общественное мнение представителями интеллектуальной среды, тесно связанной с земскими кругами. Рассчитывая на мирную эволюцию самодержавия в качественно иную политическую систему конституционного характера, ее авторы и адепты надеялись в перспективе довести до логического конца решение проблемы гражданских прав и политических свобод, обеспечивавших реализацию потенциальных возможностей личности. Однако проходило одно пореформенное десятилетие за другим, но ожидания либералов-эволюционистов так и не оправдались. Более того, после убийства Александра II народовольцами-террористами правящий самодержавный режим ужесточил административный контроль над общественными структурами, а его консервативные идеологи приложили немало усилий к тому, чтобы «развенчать» былые «либеральные увлечения» предшествующего царствования.

На рубеже XIX–XX вв. в России зарождается и стремительно набирает силу либерализм нового типа – социальный и демократический, который более соответствовал вызовам новой исторической эпохи. Стихийные массовые движения, перераставшие в народные революции, потребовали от российских либералов коренного пересмотра своих программных и тактических идей о возможных путях модернизации России. Представители нового либерализма стали тем «локомотивом», который потянул за собой все остальные направления и течения в российском либерализме. Не случайно для этого периода стал характерным процесс размежевания внутри либерализма и формирования более зрелых форм его самоорганизации, разработки программ и тактик, создания политических партий. Учитывая опыт своих предшественников, эта генерация либералов, усвоившая новации, имевшие место в западноевропейском либерализме, приступила к созданию собственного варианта модернизации страны, который более адекватно отражал, с одной стороны, тенденции общемирового развития, а с другой – учитывал качественно иную расстановку общественных сил в самой России. Либералы новой генерации ставили перед собой двуединую задачу: во-первых, попытаться использовать те резервы (зем-

⁵ См.: Загородников А. Н. Западный либерализм в прошлом и настоящем. М., 1993; Олейников Д. И. Классическое российское западничество. М., 1995; Согрин В. В., Патрушев А. И., Токарева Е. С., Фадеева Т. М. Либерализм Запада XVII–XX веков. М., 1995; Селезнева Л. В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов-на-Дону, 1995; Классический французский либерализм. М., 2000.

ские кадры, финансы), которые были накоплены их предшественниками; во-вторых, привлечь на свою сторону демократические массы, убедив их в предпочтительности мирного пути разрешения политических и социальных конфликтов. Учитывая состояние освободительного движения в России, либералы новой генерации питали надежду, что им удастся завоевать гегемонию в освободительном движении, не допустить его развития в неприемлемом для них русле. Не отрицая возможности политической революции в России, либералы новой генерации выражали готовность использовать ее потенциал в качестве дополнительного давления на самодержавие для достижения конституции и парламентаризма.

В отечественной и зарубежной историографии история русского либерализма начала XX в., как убедительно показали А. Н. Егоров и Н. В. Макаров, стала разрабатываться буквально «по свежим следам». Многочисленные журнальные и газетные статьи, первые популярны работы принадлежали самим участникам либерального движения. В них содержались оценки и самооценки деятельности всех направлений и течений в либерализме, что уже само по себе представляло и продолжает представлять ценный исторический источник, позволяющий лучше понять смысл их совместной борьбы и одновременно противостояния друг другу.

Свою лепту в освещение истории русского либерализма внесли и их политические противники, одни из которых не пожалели красок изобразить либералов как «скрытых революционеров», сторонников «распада империи», «пораженцев» в периоды русско-японской и Первой мировой войн (консерваторы), а другие – представить их как «пособников» существующего режима, стремящихся путем обмана народа пробраться к кормилу власти, скрытых «контрреволюционеров» (социалисты). Критический анализ представлений консерваторов и социалистов о деятельности русских либералов является полезным и для современных исследователей.

В советской историографии утвердились жесткие ленинские оценки позиции русских либералов. Однако это не мешало процессу накопления огромного пласта информации по истории русского либерализма начала XX в. С 1920-х гг. зародилась традиция перенесения акцента исследований на освещение деятельности либералов в представительных учреждениях, которая продолжилась в 1950–1970-е гг. В изучении данной проблемы были получены существенные результаты.

Одновременно в эти годы появились работы, в которых стали разрабатываться проблемы формирования либеральных структур (кружок «Беседа», «Союз освобождения», «Союз земцев-конституционалистов»), анализироваться их программы и тактика накануне и в период Первой российской революции. Большое внимание стало уделяться изучению процесса формирования и деятельности либеральных партий (прежде всего в Государственной думе).

В начале 1980-х гг. мной были изданы две монографии⁶, посвященные истории партий кадетов и октябристов в 1905–1907 гг. В начале 1990-х гг. также была предпринята попытка комплексного изучения деятельности либеральных партий в 1907–1914 гг.⁷ С этого же времени началась подготовка многотомного проекта «Политические партии России. Документальное наследие», в рамках которого было издано 11 томов документов и материалов об истории основных либеральных партий России, которые позволили подняться на качественно новый уровень их изучения.

Из отечественных исследователей считаю необходимым особо выделить труды историков старшего поколения – Е. Д. Черменского⁸, А. Я. Авреха⁹, Л. М. Спирина¹⁰, В. В. Комина¹¹, В.

⁶ См.: Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983; Он же. Партия кадетов в период первой российской революции. М., 1987.

⁷ См.: Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991.

⁸ См.: Черменский Е. Д. Земско-либеральное движение накануне революции 1905–1907 гг. // История СССР. 1975. № 5. С. 41–46; Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970; Он же. Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

⁹ См.: Аврех А. Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; Он же. Столыпин и Третья Дума. М., 1968; Он же. Царизм

Я. Лаверычева¹², К. Ф. Шацилло¹³, В. С. Дякина¹⁴, В. И. Старцева¹⁵, Н. М. Пирумовой¹⁶, А. Г. Слонимского¹⁷, В. Н. Селецкого¹⁸, Н. Г. Думовой¹⁹, в которых содержатся весьма продуктивные наблюдения и выводы об основных тенденциях эволюции русского либерализма в начале XX в.

Определенный вклад в дальнейшую разработку истории русского либерализма начала XX в. внесло среднее поколение, творчество которых пришлось на весьма сложный переходный период смены научных парадигм в конце 1980-х – начале 1990-х гг.²⁰. Что же касается новой генерации отечественных историков, то для их исследований характерен плюралистический подход в оценках деятельности либеральной оппозиции²¹.

История русского либерализма на протяжении многих десятилетий разрабатывалась многими поколениями зарубежных историков²². Ряд исходных теоретических и методологиче-

---

и IV Дума. М., 1981; Он же. Распад третьеиюньской системы. М., 1985; Он же. Царизм накануне свержения. М., 1989; Он же. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 17–31.

¹⁰ См.: Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977.

¹¹ См.: Комин В. В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. М., 1965.

¹² См.: Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967; Общая тенденция буржуазно-либерального движения в России в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1976. № 3. С. 46–65.

¹³ См.: Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация, программа, тактика. М., 1985.

¹⁴ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917. Л., 1967; Он же. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; Он же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.

¹⁵ См.: Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1907–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977.

¹⁶ См.: Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.

¹⁷ См.: Слонимский А. Г. Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975.

¹⁸ См.: Селецкий В. Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996.

¹⁹ См.: Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.

²⁰ Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны. Л., 1988; Алексеева И. В. Агония Сердечного Согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990; Толочко А. П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.). Томск, 1990; Медушевский А. Н. П. Н. Миллюков: ученый и политик // История СССР. 1991. № 4. С. 20–41; Вандалковская М. Г. П. Н. Миллюков, А. А. Кизеветер: История и политика. М., 1992; Вишневский Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994; Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Либералы. Новосибирск, 1995; Гоголевский А. В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX в. СПб., 1996; Он же. Русский либерализм в последнее десятилетие империи. Очерки истории, 1906–1912 гг. СПб., 2002; Осипов И. Д. Философия русского либерализма. XIX – начало XX в. СПб., 1996; Малинова О. Ю. Либеральный национализм (середина XIX – начало XX века). М., 2000; Петров Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. М., 2002; Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996; Шевырин В. М. Власть и общественные организации в России (1914–1917 гг.). М., 2003; Он же. Рыцарь российского либерализма: Граф Петр Александрович Гейден. М., 2007.

²¹ См.: Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003; Аронов Д. В. Законодательная деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). М., 2005; Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003; Он же. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2015; Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; Детков Н. И. Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005; Селезнев Ф. А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2006; Лавринович Д. С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912–1917 гг.). Могилев, 2006; Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. СПб., 2010; Шелохаев С. В. Д. Н. Шипов. Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010; Воронкова И. Е. Доктрина внешней политики конституционных демократов. М., 2010; Соловьев К. А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности, 1899–1905. М., 2009; Он же. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011; Хайлова Н. Б. Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века. М., 2013.

²² Balmut D. «The Russian Bulletin», 1863–1917: A liberal voice in Tsarist Russia. N. Y., 2000; Emmons T. The formation of political parties and the first national elections in Russia. Cambridge (Mass.); L., 1983; Fischer G. Russian liberalism: From gentry to intelligentsia. Cambridge (Mass.), 1958; Fröhlich K. The emergence of Russian constitutionalism: The relationship between social mobilization and the political group formation in pre-Revolutionary Russia. The Hague etc., 1981; Galai S. The liberation movement in Russia, 1900–1905. Cambridge (Mass.), 1973. 2^{ed}. Cambridge, 2002; Gleason W. Alexander Guchkov and the end of the Russian Empire // Transactions of the American philosophical society held at Philadelphia for promoting useful knowledge. 1983. Vol. 73. Pt.

ских установок в зарубежную историографию были заложены эмигрантами из России, в число которых входили лидеры либеральных партий (П. Н. Милюков, В. А. Маклаков), а также видные русские историки (М. М. Карпович, Г. В. Вернадский). Из зарубежных исследователей, внесших существенный вклад в разработку проблем русского либерализма начала XX в., следует назвать имена историков Д. Тредголда, Дж. Фишера, Л. Шапиро, Ш. Галая, Г. Фриза, К. Фрелиха, Т. Эммонса, Т. Рихи, Р. Пайпса, Р. Пирсона, Ц. Хасегавы, У. Розенберга, М. Стокдейл, У. Глисона, П. Холквиста, Дж. Путнема, Р. Маннинг, Дж. Циммермана, О. Файджеса, А. Эшера, Дж. Хоскинга, Дж. Уэста, П. Уолдрона, А. Рибера, М. Брэйнерда, Е. Бирта, Б. Ц. Пинчука, А. Валицкого, Д. Далммана и др.

Подчеркивая важность исследовательских работ отечественных и зарубежных предшественников по отдельным периодам, проблемам и сюжетам истории русского либерализма начала XX в., тем не менее следует обратить внимание на то, что до сих пор в историографии нет исследований обобщающего характера, в которых бы российский либерализм был изучен комплексно как единая целостная проблема. Именно такую задачу и ставлю перед собой в данной монографии.

Во-первых, в книге предполагается дать сравнительный анализ состояния основных направлений течений в российском либерализме в начале XX в. Выявляя общее и особенное, делаю акцент на тех подвижках, которые имели место в русском либерализме в данный период. Суть этих изменений состояла в качественно иных подходах представителей разных направлений и течений в либерализме к разработке ими идеологии и программы, стратегии и тактики, организационных принципов объединения. Тем не менее мировоззренческие и идеологические расхождения оказались столь глубокими, что это не позволило либералам создать ни единой модели преобразования страны, ни единой либеральной партии. И на новом, по сути, финишном, витке своей эволюции русский либерализм не стал единым. Выявление причин подобного рода дисперсности либерализма является одной из центральных задач исследования.

Во-вторых, в монографии большое внимание будет уделено характеристике различных типов либеральных партий (октябристов, мирнообновленцев, партии демократических реформ, прогрессистов и кадетов). При этом акцент будет сделан на сравнительно слабоизученных в историографии проблемах (организационная структура, динамика численности и социального состава). Такой подход позволит, как мне кажется, прояснить дискуссионный вопрос о том, следует ли считать октябристов либералами и, следовательно, включать (или не включать) их в общий исследовательский контекст. Большинство отечественных и зарубежных авторов включают октябристов в общую «либеральную семью». Вместе с тем отечественный историк

3; Hosking G. A. The Russian constitutional experiment: Government and Duma, 1907–1914. Cambridge, 1973; Levin A. The Third Duma: Election and profile. Hamden, 1973; Manning R. The crisis of the old order in Russia: Gentry and government. Princeton, 1982; Pearson R. The Russian moderates and the crisis of Tsarism, 1914–1917. L.; Basingstoke, 1977; Pinchuk B. C. The Octobrists in the Third Duma, 1907–1912. Seattle; L., 1974; Pipes R. Struve: Liberal on the left, 1870–1905. Cambridge (Mass.); L., 1970; Pipes R. Struve: Liberal on the right, 1905–1944. Cambridge (Mass.); L., 1980; Putnam G. F. Russian alternatives to Marxism: Christian socialism and idealistic liberalism in twentieth century Russia. Knoxville, 1977; Read C. Religion, revolution and Russian intelligentsia: The «Vekhi» debate and its intellectual background. L., 1979; Riha T. A. Russian European. Paul Miliukov in Russian politics. Notre Dame; L., 1969; Rosenberg W. G. Liberals in the Russian revolution: The Constitutional Democratic party, 1917–1921. Princeton, 1974; Stockdale M. K. Paul Miliukov and the quest for a liberal Russia, 1880–1918. Ithaca; L., 1996; Thurston R. W. Liberal city, conservative state: Moscow and Russia's urban crisis, 1906–1914. N. Y.; Oxford, 1987; Tormakoff G. P. A. Stopyin and the Third Duma: The appraisal of the three major issues. Washington, 1981; Treadgold D. Lenin and his rivals: The struggle for Russia's future, 1898–1906. N. Y., 1955; Walicki A. Legal philosophies of Russian liberalism. Oxford, 1987; Wartenweiler D. Civil society and academic debate in Russia, 1905–1914. Oxford; N. Y., 1999; Brainerd M. The Octobrists and the gentry, 1905–1907: Leaders and followers? // Haimson L., ed. The politics of rural Russia. 1905–1914. Bloomington; L., P. 67–93; Zimmerman J. E. Russian liberal theory, 1900–1917 // Canadian and American Slavic studies. 1980. Vol. 14. № 1. P. 1–20; Ascher A. P. A. Stolypin: The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford, 2001; Birth E. Die Oktobristen (1905–1913). Zielvorstellungen und Struktur. Stuttgart, 1974; Dahlmann D. Die Provinzwahl: Russlands Konstitutionell-demokratische Partei und die Dumawahlen, 1906–1912. Köln, 1996; Essays on Russian Liberalism. Ed. by Ch. Timberlake. N. Y., 1972; Haimson L. H. Russia's Revolution Experience, 1905–1917. Two essays. N. Y., 2005; Wcislo E. W. Reforming Rural Russia: State, local society and national politics, 1855–1914. New Jersey, 1990.

В. С. Дякин в своих трудах отстаивал иную точку зрения. Данная тема была предметом обсуждения в ходе нашей переписки²³. В письмах к В. С. Дякину я продолжал отстаивать свою точку зрения о принадлежности партии октябристов к «либеральной семье». С тех пор моя позиция не изменилась.

В-третьих, представляется важным дать сравнительный анализ, предлагаемых либеральными партиями, моделей преобразования России. При этом «наполнение» и «коррекция» программ либеральных партий рассмотрены в динамике и с учетом изменений политической ситуации в стране. На уровне анализа этих моделей хорошо просматриваются, с одной стороны, причины, обусловившие дифференциацию в либеральной среде, а с другой – совокупность факторов, сохранявших ее единство и предохранявших от распада. Как это на первый взгляд ни покажется парадоксальным, но дифференциация в либеральной среде давала возможность (в зависимости от соотношения политических сил) выходить на передний план то тому, то иному направлению в либерализме, тем самым сохраняя некую «резервную базу» в случае неуспеха деятельности одного из них.

В-четвертых, учитывая состояние историографического поля в изучении думской деятельности либеральных партийных фракций, большее внимание уделяю анализу содержания их законодательных проектов, что дает возможность проследить процесс трансформации программных положений в конкретные законодательные акты, затрагивавшие интересы различных социальных страт. Это направление законотворческой деятельности русских либералов в Государственной думе начал разрабатывать мой ученик Д. В. Аронов, результаты исследования которого учтены в соответствующей главе монографии.

В-пятых, в специальной главе монографии будет рассмотрена проблема взаимоотношений либералов с властью, что позволит определить «коридор» возможностей сторон найти «общий язык» и пойти на приемлемый компромисс. Отдельные аспекты данной проблемы, так или иначе, уже затрагивались в историографии (Е. Д. Черменский, А. Я. Аврех, В. С. Дякин, В. М. Шевырин, В. И. Старцев, Л. М. Спирин, Э. Вишневы, К. А. Соловьев, Ф. А. Гайда и др.). Свою же задачу вижу в «увязке» причин неудачи найти консенсус между властью и либералами в сущностных мировоззренческих и идеологических расхождениях между ними, что, по сути, и обусловило коренные различия в моделировании поисков выхода из системного кризиса теми и другими.

В-шестых, представляется не менее важным осветить вопрос о взаимоотношениях либералов с массами, а также показать средства, формы и методы воздействия либеральной идеологии на массовое сознание. Эта проблема уже ставилась в моих работах, в данном случае она будет рассмотрена комплексно.

В-седьмых, хронологические рамки монографии охватывают период с конца 1890-х гг. до февральско-мартовских событий 1917 г. За этот небольшой отрезок времени либерализм в России совершил огромную «пробежку», пройдя все основные стадии своей эволюции: от общих рассуждений идеологического и политического характера к выработке конкретных программных установок; от общих стратегических посылок к конкретным тактическим действиям; от аморфных протопартийных объединений к определенным политическим партиям. В ходе этой «скоростной пробежки», обусловленной быстрой сменой политической ситуации в стране, шли, набирая темпы, параллельно процессы размежевания между отдельными направлениями и течениями в либерализме и одновременно их качественно нового организационного объединения на основе более определенных программ и тактик. Переход от протопартийных структур к политическим партиям свидетельствовал о довольно быстром созревании российского либерализма, его способности соответствовать вызовам времени и стремлении активно включиться в борьбу за лидерство в освободительном движении. В ходе этого процесса

---

²³ См.: Шелохаев В. В. Самостояние. М., 2010. С. 178–180, 182–185, 191–199, 201–203, 204–210, 214–217, 223–224.

одни протопартийные и партийные структуры распадались и сходили с арены политической борьбы, другие адаптировались к динамично меняющейся исторической реальности.

Опыт комплексного изучения формирования и эволюции либеральных политических партий позволяет выявить определенную устойчивую тенденцию, суть которой состояла в том, что конкурентоспособной среди них в конечном счете оказалась конституционно-демократическая партия, сумевшая сублимировать в себе новейшие тенденции в либерализме как целого. Речь идет о том, что только кадетская партия наиболее адекватно соответствовала последней, пятой, стадии эволюции либерализма, когда он становится социальным и демократическим. Кадеты в наиболее концентрированном виде отразили трансформацию русского либерализма, который не только соответствовал западноевропейскому либерализму развитых капиталистических стран, но в выдвижении целого ряда требований опережал его (например, право на достойное человеческое существование). Февральско-мартовские события 1917 г. стали завершающей вехой в истории эволюции либерализма в России. В это время правый фланг и «центр» либеральной оппозиции сошли с политической арены, передав эстафету либерализма в руки конституционно-демократической партии, оказавшейся более приспособленной к выживанию в экстремальных условиях революции и войн²⁴.

Поставленные в монографии проблемы будут освещены на широкой базе разнообразных видов источников (документы и материалы либеральных партийных структур, либеральная печать, воспоминания видных лидеров либерального движения). Современные когнитивно-информационные методы исторического исследования позволяют проследить процессы переходов российского либерализма из одного качественного состояния в другое, выявить причины эффективности или неэффективности каждого из его направлений.

Выражаю искреннюю признательность моему другу Н. И. Канищевой за ценные советы и рекомендации, моему сыну С. В. Шелохаеву и моему ученику К. А. Соловьеву за помощь при подготовке рукописи монографии к печати.

---

²⁴ Послефевральский период истории кадетской партии подробно освещен в моей монографии, см.: Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.

Глава первая

Размежевание и самоопределение

Современное состояние историографического поля истории русского либерализма начала XX в.²⁵ позволяет, аккумулируя достигнутые предшественниками результаты, предложить собственную интерпретацию эволюции данного направления общественной мысли и общественного движения. Представляется бесспорным вывод отечественных и зарубежных исследователей о том, что русский либерализм в рассматриваемый период продолжал оставаться аморфным идейно-политическим течением общественной мысли, а также расплывчатым общественно-политическим движением. Тем не менее на рубеже веков в русском либерализме стала более или менее отчетливо проявляться тенденция к его переходу в качественно иное состояние.

Аморфное состояние либерализма было детерминировано, с одной стороны, спецификой пореформенной модернизации, инициируемой «сверху» и реализуемой под неусыпным контролем самодержавной власти, что тормозило формирование гражданского общества и его институтов. С другой стороны, пореформенные трансформационные изменения хотя и с трудом, но, тем не менее, начали оказывать известное стимулирующее влияние на рост общественной активности, способствовали расширению круга участников освободительного движения в целом и представителей либеральной оппозиции в частности. Вместе с тем формы и методы, в которых и с помощью которых осуществлялась пореформенная модернизация, объективно вели к нарастанию противостояния между традиционными властными политическими институтами и формирующимися новыми общественными структурами. Нарастание «разрыва» между властью и обществом, в свою очередь, стимулировало появление более сложных форм общественного движения.

Современный уровень исторического знания позволяет «вписать» проблемы истории русского либерализма в более широкий контекст формирования и функционирования новых общественных институтов и структур, взаимодействия и противостояния новых направлений общественной мысли и общественно-политических движений, включая их высшую фазу – формирование политических партий и организаций. Отсюда следует вывод: русский либерализм начала XX в. следует рассматривать как составную органическую часть единого процесса освободительного движения в России в системе других направлений общественной мысли и общественно-политических движений. Только такой комплексный подход позволит выявить и осмыслить общие закономерности и особенности эволюции каждого сегмента общественной мысли и общественного движения начала XX в.

К настоящему моменту в отечественной и зарубежной литературе обстоятельно показаны разные состояния сегментов русского либерализма (его базовые идейно-политические основы, стратегические и тактические установки, организационные формы), выявлен вектор их направленности. Речь идет о различных коммуникационных формах эволюции земского и интеллигентского либерализма, об общем и особенном в системе мировидения, мировоззрения и мироощущения их представителей. Существующий в литературе акцент на выявлении диссонансов между различными сегментами русского либерализма несколько затушевывает наличие характерного для либерализма общего «инвариантного ядра» – права и свободы лич-

---

²⁵ Подробный анализ состояния отечественного и зарубежного историографического поля русского либерализма см. в монографиях: Егоров А. Н. Очерки историографии российского либерализма конца XIX – первой четверти XX в. (Дореволюционный и советский периоды). Череповец, 2007; Он же. Российские либералы начала XX в. и власть: Историографические дискуссии. Череповец, 2007; Макаров Н. В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии.

ности, что, на мой взгляд, разумеется, с учетом исследовательских разночтений и разного рода оговорок, позволяет рассматривать эти сегменты в контексте понимания либерализма как единой научной проблемы.

В современной отечественной и зарубежной историографии считается общепризнанным, что переход русского либерализма в качественно новую стадию своей эволюции был зигзагообразным. В отличие от развитых европейских стран, где смена этапов эволюции либерализма заняла весьма продолжительное время, в России эта смена осуществлялась в более сжатые исторические сроки. Так, например, в Англии либерализм в своей эволюции последовательно прошел пять стадий (интеллектуальную, политическую, экономическую, демократическую, социальную), которые в общем и целом были так или иначе синхронизированы с этапами политического, экономического и социального развития страны. Принципиально иная ситуация сложилась в России, где либерализм, образно говоря, на долгое время «застрял» на интеллектуальной стадии, ибо конкретно исторические условия не позволяли ему стать повседневной практикой, привычным образом жизни.

Изучение опыта эволюции русского либерализма именно на его интеллектуальной стадии позволяет сделать вывод о том, что на теоретическом уровне либеральной интеллектуальной элите удалось сконструировать рациональную модель преобразования России. Причем эта интеллектуальная работа была оперативно проделана в предельно сжатые сроки в условиях нарастающего системного кризиса, активизации массовых движений, а также появления конкурентных моделей преобразования России, разработанных и представленных общественному вниманию представителями консервативных и социалистических направлений общественной мысли. В результате русский либерализм именно на теоретическом уровне совершил стремительную «пробежку» от первой до последней стадии, встав не только на один уровень с европейским либерализмом, но по целому ряду показателей опередив его.

Интеллектуальное наследие русского либерализма начала XX в. представляет собой причудливый сплав традиционных славянофильских идей с современными западными конституционными и социальными учениями. Зачастую программные положения одного сегмента либерализма повторяют положения другого сегмента. Представители разных сегментов либерализма входят в состав одних и тех же организационных структур. По сути, смена земского типа либерализма интеллигентским типом либерализма оказалась так до конца и незавершенной. Тот и другой типы либерализма одновременно взаимодействовали и противостояли друг другу. Более того, в конкретных российских реалиях было трудно или даже практически невозможно по многим параметрам отделить земского либерала от его коллеги-интеллигента, ибо тот и другой в принципе делали общее дело – стремились преобразовать свою страну в русле разработанной и предложенной ими обществу либеральной парадигмы.

Логику эволюции русского либерализма начала XX в. наиболее адекватно можно раскрыть на основе анализа процесса разработки его программы, тактики и новой формы объединения – политической партии. Первые два компонента аккумулировали исходные мировоззренческие представления русских либералов, и в то же время они стали основой их размежевания и самоопределения. В связке с разработкой программы и тактики в главе будет рассмотрен сложный и противоречивый поиск адекватных организационных форм объединения в рамках различных сегментов либерализма.

1. Доктрины и программы: общее и особенное

Одна из характерных, я бы сказал типичных, черт русского либерализма – его способность к интеграции представителей разных, казалось бы, не совместимых по мировоззренческим и доктринальным основаниям, течений и направлений общественной мысли: от приверженцев традиционных славянофильских идей (идеалистов) до сторонников современных западноевропейских философских, социологических, правовых и политических теорий (рационалистов). Такая мировоззренческая и доктринальная «всеядность» русского либерализма была, на мой взгляд, обусловлена незавершенностью процесса размежевания разных направлений русской общественной мысли. Подобная ситуация была характерна и для консервативного и для социалистического направлений общественной мысли.

В отечественной философской литературе уже не раз предпринимались попытки анализа теоретических основ русского либерализма²⁶. Характерно, что эти мировоззренческие основы, как правило, рассматриваются исследователями через призму анализа взглядов наиболее ярких и типичных представителей либеральной среды. Как показывает историографический опыт, на данный момент исследователям так и не удалось воссоздать единую целостную мировоззренческую либеральную картину мира. По всей видимости, это не удастся сделать и в ближайшей перспективе, ибо в научном сообществе интерес к либерализму, вызванный событиями конца 1980-х – 1990-х гг., уже прошел свой пик.

Сложность проблемы, на мой взгляд, состоит в том, что русский либерализм, как в теории, так в идеологии и политике был эклектичным, вобравшим в себя разные, нередко диаметрально противоположные, западноевропейские и отечественные философские, социологические и правовые доктрины. По сути, русская либеральная мысль представляла собой некую открытую мировоззренческую систему, вбирающую в себя как новейшие теоретические изыскания в области гуманитарных наук, так и результаты практического опыта в странах с различным уровнем политического, экономического и социального развития. Эта ситуация была обусловлена тем, что в странах, где либерализм еще не стал ни практикой, ни образом жизни, он обречен на бытование на интеллектуальном уровне, который позволяет конструировать самые различные модели преобразования действительности. С этой точки зрения русский либерализм представлял собой некий «интеллектуальный клуб», где в рамках общей и весьма широкой либеральной мировоззренческой ценностной системы можно было разрабатывать и транслировать общественному вниманию разные теоретически мыслимые модели реформирования России. Именно на интеллектуальном уровне теории и идеологии русского либерализма пытались разработать такие рациональные модели переустройства страны, которые могли быть восприняты дисперсным общественным сознанием.

Подчеркивая наличие «инвариантного ядра» у русского либерализма, следует обратить внимание на несходное понимание различными его течениями и направлениями предпосылок и условий для достижения каждым из них конечной стратегической цели – завоевание гарантированных конституцией прав и свобод личности, что позволило бы раскрыть ее потенциальные творческие возможности во всех сферах жизнедеятельности.

Рассмотрение данной проблемы целесообразно начать с понимания ее представителями правого сегмента русского либерализма, ярким представителем которого был видный общественный и политический деятель Д. Н. Шипов. Учитывая, что его взгляды обстоятельно про-

---

²⁶ См., например: Ерыгин А. Н. Философия истории русского либерализма второй половины XIX века. (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин). Ростов-на-Дону, 1992; Медушевский А. Н. История русской социологии. М., 1993; Осипов И. Д. Философия русского либерализма XIX – начала XX в. СПб., 1996.

анализированы в монографии С. В. Шелохаева²⁷, сосредоточу внимание лишь на некоторых исходных положениях мировоззрения Шипова, которые были положены в основу будущей программы и тактики правого сегмента русского либерализма.

Миропонимание, мировоззрение и мироощущение Шипова базировались на христианских православных ценностных идеях. Он был убежден в том, что смысл жизни каждой личности и человечества в целом заключается «в постепенном, но неуклонном движении по направлению к идеалу христианского учения – установлению Царства Божия на земле»²⁸. Шипов был уверен в том, что никакой действительный прогресс в судьбе отдельной личности и человечества в целом немыслим, «пока не произойдет необходимой перемены в основном строе образа мыслей большинства людей». При этом религиозно-нравственное «устроение личности» должно быть, по его мнению, синхронизировано с условиями развития общественной среды, ибо «только разумное согласование и параллельное осуществление этих двух начал и может обеспечить переустройство личной и общественной жизни, согласно требованиям высшей правды»²⁹.

Идея эволюционного и гармоничного развития духовной и общественной жизни являлась для Шипова базовой. С одной стороны, она была важна для понимания внутренней логики российского исторического процесса. С другой стороны, она могла быть использована для конструирования идеального варианта общественно-политического переустройства России. Этот идеальный конструкт и должен был заменить «современный строй общества и государства», которые, по мнению Шипова, как раз и противоречили христианскому учению. Основная роль в осуществлении этой замены отводилась самому человеку, который должен был «всеми силами содействовать постепенному обновлению общественного строя в целях устранения из него господства насилия и установления условий, благоприятствующих доброжелательному единению людей»³⁰.

Основную пружину развития социальной и государственной жизни Шипов усматривал в постепенной смене идей «низших» идеями «высшими». «Общественный прогресс, – писал он, – всегда выражается в освобождении от влияния идей, которые человечество переросло в своем духовном развитии, и в возрастающем сознании долга заботиться не столько о своем личном благополучии, сколько стремиться к обеспечению блага общего. Царство истины, добра и высшей правды – конечная цель мира, заключающая в себе смысл мирового прогресса и его разумное основание»³¹.

Из этой посылки логически следовало, что эволюция человеческого общества должна определяться не борьбой классовых и социально-политических сил, а прежде всего зарождением новых идей, которые будут последовательно усваиваться общественным сознанием. «Признавая внутреннее устроение личности главной основой улучшения и устроения всего социального строя, – писал Шипов, – нельзя в то же время не принять во внимание, что перевоспитание человеческой души совершается постепенно и что существенное воздействие этой основы на общественную жизнь возможно лишь тогда, когда сознание высоких идеалов, поставленных перед человечеством, делается достоянием большинства людей»³².

Осуществлению высшей цели человеческого бытия, по мнению Шипова, должно всячески содействовать государство, основанное на двух исходных принципах – праве и власти. «Государственный строй и установленный в нем правопорядок, – отмечал он, – должны

²⁷ См.: Шелохаев С. В. Д. Н. Шипов. Личность и общественно-политическая деятельность.

²⁸ См.: Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 39.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 161.

³¹ Там же. С. 165.

³² Там же. С. 166.

исходить из признания равенства всех людей и обеспечения каждой личности полной свободы в своем духовном развитии, и в своих действиях, не причиняющих ущерба, не производящих насилия в отношении к своим ближним в христианском значении этого слова»³³. В своей практической деятельности государство, неизменно подчеркивал Шипов, должно руководствоваться принципом христианской этики и считать своей главной задачей «улучшение общественной жизни ради всех своих членов». Государство «должно вести народ к тому, чтобы он стремился к нравственному совершенствованию», создавать условия «для развития личной и общественной самодеятельности»³⁴.

Шипов считал, что обе стороны – власть и народ – должны руководствоваться единым, лежащим на них нравственным долгом. Гражданские идеалы, по его мнению, должны быть всегда органически связаны с идеалами нравственными. Правовые нормы, устанавливаемые государством, не должны отставать от роста общественного сознания и всегда находиться «в соответствии с выясняющимися требованиями высшей правды и справедливости и содействовать тем дальнейшему воспитанию духа личности и общества»³⁵.

Считая наследственную монархию наиболее исторически совершенной формой государственного устройства, Шипов был убежден в том, что монарх должен «для восстановления нравственного взаимодействия власти с обществом» привлечь к участию в управлении страной народное представительство. Ссылаясь на исторический опыт России (периоды, когда власть в критические моменты призывала к управлению народ – Земские соборы), Шипов считал, что такая необходимость назрела и в данный момент. Поэтому созыв Земского собора должен был, как и в прошлые времена, восстановить разрушенное единство между властью и народом, оказать стимулирующее влияние на развитие всех сторон государственной и общественной жизни.

Отмечая, что состояние образования и культуры в стране еще не позволяет в данный момент перейти к всеобщим выборам в Земский собор, Шипов считал, что его следует формировать из представителей земского и городского самоуправления, которые кровно связаны с жизнью основной массы населения, хорошо знают его нужды и чаяния. Взаимоотношения между монархом и Земским собором должны строиться на осознании той и другой стороной «моральной солидарности» и «нравственного долга». «Организация народного представительства и отношение между ним и государем, – подчеркивал Шипов, – должна быть создана не во имя разделения их прав, а во имя сознания необходимости разделения и наилучшего выполнения лежащих на них обязанностей пред государством, в целях постепенного осуществления в жизни идеалов добра и правды»³⁶.

По мнению Шипова, только при этом условии «из государственной жизни может быть устранен элемент политической борьбы, и народное представительство сможет явиться выразителем соборной совести народа и сосредоточить все свое внимание на уяснении и удовлетворении материальных и, что еще важнее, духовных потребностей населения; только при этом условии государственная власть явится исполнительницей велений народной совести и будет почерпнуть необходимую ей силу в доверии и в поддержке населения»³⁷.

Являясь убежденным противником любых насильственных методов разрешения политических и социальных конфликтов, Шипов настаивал на том, что «всякое государственное преобразование должно совершаться с осторожностью и постепенно, не вызывая обострения политических отношений в стране»³⁸.

³³ Там же. С. 166–167.

³⁴ Там же. С. 168.

³⁵ Там же. С. 170.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 173.

³⁸ См.: Селезнева Л. В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов-на-Дону, 1995.

Мировоззренческая концепция Шипова, разделяемая сравнительно небольшой группой его единомышленников, была положена в основу программы правого сегмента русского либерализма и прочно вошла в историографию как программа меньшинства земских съездов.

В свою очередь, другие сегменты русского либерализма (по преимуществу представители «Союза земцев-конституционалистов» и «Союза освобождения») довольно критически воспринимали «идеалистические основы миропонимания» своих правых коллег, считали ставку на приоритет морально-этических норм во взаимоотношениях между властью и обществом не выдержавшей проверку временем, а следовательно, бесперспективной.

Основываясь на современных им правовых, социологических и политических учениях, историческом опыте передовых западноевропейских стран, представители «центра» и левого сегмента русского либерализма исходили из единства мирового исторического процесса³⁹. Считая в принципе использование европейского опыта вполне приемлемым для России, представители центрального и левого сегментов русского либерализма акцентировали внимание на примате конституционных и правовых норм, позволяющих, с их точки зрения, лучше обеспечить и гарантировать права и свободы личности.

Имеющиеся идеологические расхождения между центральным и левым сегментами русского либерализма проявлялись в заимствовании различных форм европейского опыта (предпочтение английского, либо французского, либо германского вариантов), установлении приоритета различных форм государственного устройства, выборе различных путей и методов решения поставленных ими целей. При этом важно подчеркнуть, что в отличие от славянофила Шипова, делавшего ставку на моральные и этические принципы, на основе которых и должно осуществляться совершенствование личности, представители других сегментов русского либерализма не питали каких-либо иллюзий относительно как природной, «естественной» сущности человека, так и исторической сущности государства и власти. По их мнению, европейский опыт убедительно показал, что либерализм может стать эффективной преобразующей идейно-политической силой только в том случае, если окажется способным предложить обществу не «идеальную» (на все времена и исторические эпохи), а именно рациональную модель общественного переустройства, соответствующую конкретному уровню развития общественного сознания и общей культуры.

Опыт западноевропейских либералов давал их русским коллегам богатую интеллектуальную пищу для отбора более или менее приемлемых для них моделей общественного переустройства. Однако при всех возможных заимствованиях русские либералы, хотели они того или нет, все же вынуждены были ориентироваться на конкретные российские исторические условия. Поэтому либеральная модель общественного переустройства России вполне может быть охарактеризована как интегральная. В случае успешной реализации этой модели российский опыт, в свою очередь, мог быть востребован и в других странах.

На первый взгляд может показаться, что западноевропейский и отечественный опыт должен был убедить идеологов правого крыла русского либерализма в том, что самодержавие не желает трансформироваться в соответствии с духом времени, а бюрократия продолжает действовать в традиционном стиле. Однако правые либералы не спешили расставаться с прежними иллюзиями о возможности союза между властью и обществом. С завидным упорством они ожидали, что рано или поздно монарх и правящая элита в целом «прозреют» и наконец осознают необходимость конструктивного диалога с обществом.

Что касается земцев-конституционалистов, не говоря уже об освободителях, то они эти иллюзии разделяли в гораздо меньшей степени, хотя, прямо скажем, тоже не были от них совершенно свободны. Тем не менее они более решительно и целеустремленно выступали за

---

³⁹ Шелохаев В. В. Д. Н. Шипов. Личность и общественно-политическая деятельность. С. 45–47; Соловьев К. А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899–1905. М., 2009. С. 102–107.

реформирование политического режима в западноевропейской парадигме, видя в этом главную предпосылку и условие для решения комплекса экономических, социальных, национальных, конфессиональных и культурных проблем.

Осознавая несомненную аморфность, а также проистекающую из нее неэффективность практических действий, каждый из либеральных сегментов пытался, так или иначе, консолидироваться на собственной идейно-политической основе. А для этого требовалось произвести размежевание не только между сегментами, но и внутри каждого из них. В результате этого размежевания должна была быть осуществлена иная самоорганизация и самоопределение либеральных группировок на базе соответственной программы, должествующей, в свою очередь, послужить основой для формирования партийных структур.

Однако процесс выработки программы оказался непростым делом, ибо обусловливался прежде всего мировоззренческими разночтениями между различными сегментами либерализма. Учитывая, что содержание программной «Записки» Шипова и ход ее обсуждения обстоятельно проанализированы в монографиях С. В. Шелохаева и К. А. Соловьева⁴⁰, сосредоточу внимание лишь на некоторых ее исходных положениях. Руководствуясь в своей личной жизни и политической практике православным миропониманием, Шипов объяснял «ненормальность настоящего порядка государственного управления» отсутствием «необходимого в государственной жизни взаимного доверия между правительством и обществом» и выражал это положение в афористической форме: «правительство не доверяет общественным силам – общество не имеет уважения к правительству». Шипов считал, что это проистекает из того, что правительство «стремится к административной централизации во всех отраслях местного управления и к опеке над всеми сторонами общественной жизни». По его мнению, сохранение самодержавия «возможно лишь при живом и тесном общении самодержавного государя с народом». При отсутствии этого условия «самодержавие царской власти теряет свое идейное значение и заменяется самодержавием министров и бюрократии, с которым русское общество никогда примириться не может». Шипов считал, что бюрократический режим ведет к разобщению «царя с народом», создает «почву для проявления административного произвола и личного усмотрения». Такой порядок «лишает общество необходимой уверенности в строгой охране законных прав всех и каждого и подрывает уважение к правительству»⁴¹.

Выход из сложившейся ситуации Шипов видел в том, что обществу следует предоставить более широкие трансляционные возможности «доводить до сведения самодержавного Государя о своих нуждах и о действительном положении вещей на местах», а для этого общество должно получить права «свободы совести, мысли и слова». Шипов считал целесообразным привлечь в Государственный совет представителей общественных учреждений, допустив их, таким образом, до участия в обсуждении правительственных законопроектов в депутатских комиссиях. Причем эти проекты, до внесения в Государственный совет, подлежали опубликованию «для всеобщего сведения», а общественным учреждениям давалось право «представлять свои мнения или отзывы по тому или другому законопроекту». Возражая против бюрократической традиции приглашать «сведущих людей» по своему личному усмотрению, Шипов настаивал на избрании для этого общественных представителей, ибо только в этом случае они «могут являться представителями общественного мнения»⁴².

«Записка» Шипова прошла неоднократную «обкатку» среди членов кружка, в который входили кн. П. Н. и С. Н. Трубецкие, кн. Павел Д. Долгоруков, Н. А. Хомяков, М. А. Стахович, Ф. Д. Самарин, Р. А. Писарев, Н. В. Давыдов, В. О. Ключевский. В ходе обсуждений обнаружились принципиальные разногласия. Так, Самарин считал, что современное русское

⁴⁰ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. С. 174–175.

⁴¹ Там же. С. 175.

⁴² См.: Соловьев К. А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899–1905. С. 106.

общество вообще не заслуживает доверия власти, ибо оно не имеет никакой позитивной программы. А если это так (сам Самарин в этом не сомневался), то он выступает решительно против привлечения общественных представителей к законодательной деятельности. По его мнению, если бы вдруг подобный опрометчивый шаг стал реальностью, то это имело бы для русского общества роковые последствия, ибо с логической неизбежностью привело бы к установлению в стране конституционного режима. Будучи категорическим противником подобной перспективы, Самарин вообще отказался от дальнейшего участия в совещаниях шиповского кружка.

По иным соображениям, но так же отрицательно отнесся к «Записке» кн. С. Н. Трубецкой, считавший шиповскую идею о восстановлении «идейного самодержавия» утопической. По его мнению, бюрократический режим должен быть заменен конституционным. Аналогичной точки зрения придерживались кн. Павел Д. Долгоруков и Р. А. Писарев. Учитывая разногласия, возникшие в кружке, Шипов отказался от идеи распространения «Записки» в земских кругах и ее отправки на имя царя. Осенью 1901 г. кружок прекратил свое существование.

Первый опыт выработки более или менее структурированного набора программных требований, как верно подметил К. А. Соловьев, был инициирован представителем правого сегмента либерализма, придерживающимся славянофильских идей. Тем не менее представители конституционного направления в русском либерализме присоединились к шиповской умеренной программе. «Конституционалистам, – пишет Соловьев, – постоянно приходилось адаптировать выражение своих идей к стереотипам мышления консервативного большинства дворянских и земских собраний»⁴³. Характерно, что эта тенденция до определенного момента находила свое отражение как в кружке «Беседа», так и на страницах журнала «Освобождение».

Впервые в отечественной историографии плодотворную попытку систематизировать разрозненные программные положения, обсуждавшиеся в кружке «Беседа», предпринял К. А. Соловьев⁴⁴. Так, согласно его наблюдениям и обобщениям, картина выработки программных положений представляется следующим образом. Основными акторами предстоящих преобразований «собеседники» считали представителей местного самоуправления, которые на протяжении многих пореформенных десятилетий аккумулировали опыт взаимодействия с широкими массами, хорошо знали их нужды, чаяния и настроения. Не случайно круг программных положений «собеседников» замыкался по преимуществу на требованиях реформирования местного самоуправления. Речь шла о создании единой системы местного самоуправления, которая должна была, во-первых, распространяться на всю страну; во-вторых, спускаться «вниз» (мелкая земская единица), получая массовую поддержку населения, приобщая его к опыту общественной самоорганизации; в-третьих, связать воедино его разные «этажи» (всесословную волость, уезд, губернию); в-четвертых, расширить права и функции органов самоуправления. Согласно этой схеме реформированное земское самоуправление, глубоко укоренившись в российскую почву, в перспективе могло бы стать реальной основой для преобразования политической системы как целого.

Разумеется, в кружке «Беседа» не было единства взглядов ни по вопросу структуры (одна часть «собеседников» отстаивала идею всесословной волости, а другая – выступала за создание учреждений «хозяйственного попечительства»), ни по вопросу их компетенции. Однако при всей существующей разногласии «собеседники» осознавали назревшую необходимость

⁴³ Там же. В англоязычной историографии идеология и тактика земского либерализма получила освещение в работах Б. Пэйрса, Д. Тредголда, Дж. Фишера, Р. Пайпса, Ш. Галая, К. Фрейлиха, Т. Эммонса (см.: Макаров Н. В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии. С. 65–70).

⁴⁴ Соловьев К. А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899–1905. С. 110–120. Специальное исследование деятельности кружка «Беседа» провел американский историк Т. Эммонс, см.: Emmons T. The Beseda circle, 1899–1905 // Slavic review. 1973. Vol. 39. No. 3. P. 461–490.

общей государственной реформы, без реализации которой все их надежды на реформирование органов местного самоуправления представлялись утопическими.

Поэтому в большинстве случаев на заседаниях кружка «Беседы», как отметил К. А. Соловьев, так или иначе звучала тема реформирования политической системы. Причем славянофилы предпочитали говорить о необходимости привлечения к обсуждению законопроектов представителей местного самоуправления, а конституционалисты о необходимости создания законодательного народного представительства, правда, пока без расшифровки его прав и функций. Единственное, что не вызывало полемики, – признание необходимости распространения образования и культуры в широких массах. Это был тот максимум согласия, делает общий вывод К. А. Соловьев, на которые готовы были идти члены кружка «Беседа».

Иная картина наблюдалась в центральном и левом сегментах русского либерализма. По инициативе и финансовой поддержке земцев-конституционалистов за границей был создан печатный орган – журнал «Освобождение», на страницах которого в дискуссионном режиме обсуждались программные, тактические и организационные вопросы. Подобно социал-демократической газете «Искра» и эсеровской газете «Революционная Россия», журнал «Освобождение» стал идейно-теоретическим органом, на страницах которого шла интенсивная проработка основных программных, тактических и организационных принципов центрального и левого сегментов русского либерализма.

В монографии К. Ф. Шацилло и кандидатской диссертации В. Ю. Канищева⁴⁵ подробно изложены предыстория и собственно история основания и функционирования журнала «Освобождение». В этих работах обстоятельно изучена и зарубежная историография проблемы. Это позволяет мне сосредоточиться на анализе самого процесса разработки либеральной программы. Ее принципиальные положения были сформулированы в статье «От русских конституционалистов», опубликованной в первом номере журнала. Отправной тезис статьи гласил: «...русская общественная жизнь не укладывается более в старые рамки; нужны новые формы, чтобы вместить новое содержание жизни». Причем определение «новых форм» и «нового содержания жизни» в данный исторический момент должно уже принадлежать не власти, а русскому обществу как целому. «Все общество, – подчеркивалось в статье, – требует от власти в один голос – серьезной политической реформы». Вокруг этого требования и должны были объединиться «те группы русского общества», которые не имеют возможности «найти исход своему возмущенному чувству – ни в классовой, ни в революционной борьбе». При этом авторы все же сочли нужным конкретизировать своего «адресата» – общественную группу, на которую они решили сделать свою ставку. Речь шла о группе представителей местного самоуправления, которые в силу своего положения в земской среде имели моральное право взять на себя обязанность «выступить активной представительницей бессословного общественного мнения».

Предложенная группой земцев-конституционалистов программа сводилась к двум базовым положениям. Во-первых, речь шла о законодательном закреплении прав человека и гражданина («хартия вольностей»), что подразумевало требования: личной свободы, гарантируемой независимым судом, равенства всех перед законом, свободы печати, собраний и союзов, а также право петиций. Выдвигая эти требования, авторы статьи подчеркивали, что они «во всех культурных государствах давно уже легли в основу свободной общественной жизни как ее элементарнейшие и необходимые предварительные условия».

Во-вторых, в программе выдвигалось требование созыва бессословного народного представительства «в постоянно действующем и ежегодно созываемом верховном учреждении с правами высшего контроля, законодательства и утверждения бюджета». Не желая детализи-

⁴⁵ См.: Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985; Канищев В. Ю. Роль журнала «Освобождение» в формировании конституционно-демократической партии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

ровать данное требование (характер и структура народного представительства, его функции, механизмы взаимоотношения со структурами исполнительной власти), что могло обострить дискуссию в либеральной среде, авторы программной статьи считали реализацию этого требования проблемой «второго шага». Без решения центрального вопроса «первого шага» – обсуждения проекта конституции – авторы программы считали нецелесообразным детализировать ни «второй шаг», ни тем более «третий шаг», под которым подразумевалось определение круга конкретных законодательных задач, выносимых на суд «будущего органа русского народного представительства».

Характерно, что авторы статьи ограничились общим заявлением, что будущему законодательному органу предстоит решать экономические, финансовые, культурно-просветительные, административные проблемы, подготовить рабочее законодательство и аграрный вопрос, заняться децентрализацией и переустройством местного самоуправления. Однако главным и определяющим, по мнению авторов статьи, должно было стать создание условий и предпосылок для реализации политических преобразований.

Разумеется, авторы не могли уйти от вопроса о механизмах реализации политической реформы. По их мнению, «принципиальные основы политической реформы» должны быть «признаны и учреждены актом высочайшей воли», что уже само по себе могло свидетельствовать «о серьезности намерений верховной власти, о признании ею важности исторического момента и трудности ее собственного положения». Но и в этом случае проведение политической реформы нельзя будет доверять правительственной бюрократии. Предпочтительней всю работу по подготовке реформы отдать «в руки представительных учреждений общественного самоуправления», образующих собой «нижний этаж будущего конституционного здания» и сохраняющих за собой «предания политических стремлений», не противоречащих стремлениям русской интеллигенции. «Во всяком случае, – подчеркивали авторы статьи, – такой путь вернее и лучше, чем тот “скачок в неизвестное”, который представляла бы всякая попытка выборов *ad hoc*, под неизбежным в таких случаях правительственным давлением и при трудно определяемом настроении непривычных к политической жизни общественных слоев». Однако они прекрасно понимали, что ограничить состав «будущего учредительного органа» (термин «Учредительное собрание» авторы статьи предпочли не упоминать) одними представителями органов местного самоуправления было бы принципиальной ошибкой, ибо он не имел бы достаточного авторитета «в тех самых сферах, удовлетворить которые имелось бы в виду самым фактом устройства такого органа». Поэтому они предлагали «пополнить состав учредительного органа теми элементами, которые недостаточно представлены в современном самоуправлении». Речь шла о предоставлении права органам местного самоуправления избирать депутатов из лиц, принадлежащих «не только к среде земских и городских гласных и избирателей», но и «ко всему русскому обществу»; было бы полезно «допустить право представительства и для русских университетов».

Задача «учредительного органа», работа которого предполагалась как кратковременная, должна была свестись к выработке «хартии вольностей», избирательного закона и конституционных гарантий. На этом роль «учредительного органа» должна быть завершена, и он заменяется законодательным представительством, избранном на основе нового избирательного закона, в основу которого будет положен принцип всеобщего избирательного права⁴⁶.

Как видим, в программе земцев-конституционалистов была масса недоговоренностей и неопределенностей, но это было неизбежно, ибо журнал «Освобождение» на данном этапе поставил перед собой заведомо невыполнимую задачу – объединить не только все сегменты либеральных направлений и течений, но и все элементы освободительного демократического движения как целого. Не случайно представители правого сегмента либерализма критически

⁴⁶ См.: Освобождение. 1902. № 1. С. 7–12.

восприняли статью «От русских земских конституционалистов». Они считали нецелесообразным ограничивать самодержавие введением законодательного народного представительства, подчеркивали неприемлемость введения всеобщего избирательного права. С другой стороны, статья не удовлетворяла широкие круги демократически ориентированной интеллигенции, отстаивающей лозунг созыва Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего избирательного права, и требования однопалатного народного законодательного представительства, радикальных социальных и экономических реформ. Poleмика, развернувшаяся на страницах журнала «Освобождение», свидетельствовала о дальнейшем обострении разногласий в либеральной среде по программным вопросам.

В феврале 1903 г. в «Освобождении» появилась «сдвоенная» статья «К очередным вопросам» (первая ее часть была написана П. Н. Милюковым, вторая П. Б. Струве). По мнению Милюкова, чтобы добиться «однородности организуемых элементов», следует размежеваться со сторонниками «идеального самодержавия» типа Д. Н. Шипова, М. А. Стаховича и Н. А. Хомякова, решительно отказаться от лозунга созыва Земского собора. Основным вывод Милюкова сводился к тому, что подлинным конституционалистам следует объединиться на основе четкой и определенной программы.

Согласившись с милюковскими предложениями, Струве считал назревшим «расшифровать» общие принципы программы, изложенные в статье «От русских конституционалистов». «Программа, – писал Струве, – не только представляет формулировку цели движения. Она является орудием духовного объединения сил, отдающих себя на служение этой цели, поэтому программа есть не только цель, но и средство». Для партии политического освобождения России «нервом» ее программы должна стать замена самодержавного строя конституционным. Этой «верховой» цели следует подчинить и все содержание программы. В нее, по мнению Струве, должно быть безоговорочно включено требование всеобщего избирательного права, а также специальные разделы по рабочему и аграрному вопросам, «умолчание о которых оттолкнет те элементы, без привлечения которых партия будет владеть жалкое существование». Причем, подчеркивал Струве, «программное решение этих вопросов не может быть отсрочиваемо до момента самого политического преобразования»⁴⁷.

Статья «К очередным вопросам» сыграла роль лакмусовой бумажки, четко определив границы пространства будущей либеральной партии, а также те элементы, которые должны были составить ее «ядро»; одновременно она стимулировала дальнейшую разработку программы. Было признано, что в условиях нарастания системного кризиса в России программа уже не может ограничиться одними политическими требованиями, она должна быть дополнена и социальными разделами. По сути, теоретики и политики освободительного толка осознали необходимость выработки синтетической программы, которая бы аккумулировала все «три шага», о которых говорилось в статье «От русских конституционалистов», а это поднимало русский либерализм на качественно новую ступень эволюции.

Дальнейшая разработка различных вариантов либеральных программ осуществлялась на страницах журнала «Освобождение» силами «Союза земцев-конституционалистов» и «Союза освобождения». Не вдаваясь в подробности анализа разработки и обсуждения многочисленных вариантов либеральных программ, выделю наиболее значимые их варианты, которые впоследствии составили «ядро» программ будущих либеральных политических партий. Отмечу также, что инициативу в разработке программы по-прежнему удерживали в своих руках освободители.

Группой интеллектуалов в составе Н. Ф. Анненского, И. В. и В. М. Гессен, Ф. Ф. Кокошкина, П. И. Новгородцева, С. А. Котляревского, И. И. Петрункевича и Г. И. Шрейдера был разработан подробный проект Основного закона, который должен был принять «учредитель-

⁴⁷ Там же. 1903. № 17. С. 289–292.

ный орган» в качестве российской конституции. Фактически группа выполняла одну из важных задач «первого шага» политического преобразования России.

В предисловии к проекту Основного закона, опубликованного в октябре 1904 г., его авторы указывали, что он «основан на вековом опыте Западной Европы и приспособлен к нуждам России в настоящий момент»⁴⁸. Уже этим заявлением авторы проекта подчеркивали отличие своей исходной позиции от взглядов сторонников «идеального самодержавия», предпочитавших ориентироваться на традиционный российский опыт.

Согласно проекту, «Верховная власть Российской империи осуществляется императором при участии Государственной думы, состоящей из двух палат: палаты народных представителей и земской палаты, наделенных равными правами»⁴⁹. Император сохраняет за собой колоссальный объем прав: наложить veto на любой законопроект, издавать в пределах существующего закона указы, сохранять за собой руководство вооруженными силами, назначать и смещать министров и чиновников любых рангов, объявлять войну и заключать мирные и торговые договоры с другими государствами, созывать и распускать Думу. В то же время очерченным кругом прерогатив монарха авторы проекта ограничивали его самодержавную власть, которая, по их мнению, являлась пережитком предшествующей крепостнической эпохи.

В двухпалатной системе народного представительства авторы проекта усматривали «одну из главных гарантий действительного усвоения начал политической свободы». В качестве обоснования необходимости второй палаты авторы приводили следующие аргументы: во-первых, подобно американскому сенату, она должна представлять интересы различных частей империи, защищать их от централистских устремлений правительства; во-вторых, она должна исправлять поспешные решения первой палаты, принятые ей «под влиянием политических страстей»; в-третьих, передача власти одной палате может привести к режиму «якобинской централизации» и будет мешать «развитию демократизма и свободы»⁵⁰.

Согласно проекту верхняя палата формировалась из представителей земского и городского самоуправления, которые избирались на основе всеобщего избирательного права, но путем двухстепенного голосования. Единственным ограничением при этом был ценз оседлости (лицо, которому предоставлялось право голоса, должно было прожить в данном уезде или городе в течение одного года).

Нижняя палата избиралась на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайным голосованием. По мнению авторов проекта, «основывать конституционный строй на принципе неравенства, с устранением огромной массы населения от участия в выборах, это значит, с самого начала сделать его шатким и непрочным, открыть новую эру борьбы за равенство и справедливость»⁵¹. Участвовать в выборах и быть избранными могли граждане мужского пола, достигшие совершеннолетия (21 год), кроме лиц: а) состоящих на действительной военной службе; б) чинов уездной и городской полиции; в) состоящих под опекой; г) лишенных или ограниченных в правах по суду или находящихся под судом и следствием.

Исполнительная власть сосредоточивалась в руках Совета министров, причем министры могли назначаться императором как из членов Государственной думы, так и из числа прочих граждан⁵². Министры несли ответственность перед Государственной думой за общий ход государственного управления. Авторы проекта подчеркивали, что «лишь при установлении такой ответственности возможно обуздание бюрократического произвола, который так легко

---

⁴⁸ Основной Государственный закон Российской империи. Париж, 1905. С. XVI.

⁴⁹ Там же. С. 1.

⁵⁰ Там же. С. 51, 56.

⁵¹ Там же. С. 62.

⁵² Там же. С. 23.

заражает всякого человека, вкусившего власти»⁵³. Ни один акт императора по управлению государством не мог иметь силы, если он не был скреплен подписью министра, который тем самым принимал на себя ответственность за него. За нарушение законов министры подлежали гражданской и уголовной ответственности на общих со всеми гражданами основаниях. Для наблюдения за исполнением Основных законов и для разрешения споров об их толковании создавался Верховный суд. Иными словами, согласно проекту, исполнительная власть, которая при неограниченном самодержавии сосредоточивалась в руках безответственной бюрократии, должна была перейти в руки ответственного министерства. Авторы проекта считали, что это создаст условия и предпосылки для мирного разрешения политических и социальных конфликтов.

В проекте Основного закона были провозглашены основные права граждан, аналогичные тем, о которых шла речь в программной статье «От русских конституционалистов». Специальный раздел проекта Основного закона был посвящен взаимоотношениям с Финляндией, которой предоставлялась автономия в решении вопросов внутренней жизни. Составители проекта выработали также отдельный избирательный закон (распределение избирательных округов, порядок и срок выборов, избирательные списки и т. д.).

Для практической реализации проекта его авторы предлагали создать Учредительное собрание, избранное всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Оно и должно было выработать и принять окончательный текст конституции. Однако вопрос о том, «при каких условиях совершится порядок избрания в Учредительное собрание», в проекте остался открытым. «Все это, – указывали его авторы, – зависит от временного стечения обстоятельств и не поддается юридическим определениям»⁵⁴.

Подобный финал проекта конституции свидетельствовал о том, что его авторы, не желая связывать себя в дальнейших действиях, допускали двоякую возможность созыва Учредительного собрания: либо его «сверху» созовёт сам царь; либо оно, по примеру ряда стран Западной Европы, будет созвано «снизу» самими гражданами. Судя по программной статье «От русских конституционалистов», либералы предпочитали первый вариант созыва Учредительного собрания, хотя в принципе не исключали и иную возможность.

Проект конституции 1904 г. стал своеобразным проверочным маркером для дальнейшего размежевания в либеральной среде. Сторонники «идеального самодержавия» увидели в нем чуть ли не низвержение исторических традиций и мировоззренческих основ. Для них оказались неприемлемыми требования созыва Учредительного собрания, введения двухпалатного законодательного народного представительства, ответственного думского министерства, всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайным голосованием. Критически отнеслась к созыву Учредительного собрания, формированию ответственного думского министерства, всеобщему избирательному праву по его полной формуле и определенная часть земцев-конституционалистов. Между тем представители левого сегмента либерализма, прежде всего демократическая интеллигенция, настаивали на еще большем ограничении прерогатив монарха, разделяя при этом английский принцип – «король царствует, но не управляет». Освобожденцы, имевшие в своих рядах значительную часть сторонников республиканского образа правления, настаивали на созыве Учредительного собрания «снизу», на однопалатной системе народного представительства и осуществлении требования всеобщего избирательного права по полной формуле.

Однако ни один сегмент русского либерализма в данный момент не представлял себе, на стороне каких общественно-политических сил окажется перевес сил в ходе борьбы за политическое освобождение страны. Тем не менее представление на обсуждение освобожденческого

⁵³ Там же. С. 59.

⁵⁴ Там же. С. 33–34.

проекта конституции стало одним из факторов «раскачки» общественного сознания, что подогревало в широких кругах российской общественности интерес к политическим вопросам.

Одновременно в либеральной среде нарастал интерес к обсуждению социальных вопросов – рабочего и аграрного. К этому либералов подталкивал рост рабочего и крестьянского движения. Тема пробуждающегося от вековой спячки народа стала актуальной в либеральных салонах и кружках, она рассматривалась не только в «Союзе земцев-конституционалистов» и «Союзе освобождения», но даже в аристократическом кружке «Беседа». Остро вставал вопрос: кто из общественно-политических сил (консерваторы, либералы, социалисты) выиграет борьбу за народные массы, сумеет объединить их под свои знамена? От исхода этой борьбы в конечном счете зависела дальнейшая судьба страны.

Если о народе как политическом факторе в кружке «Беседа» вспомнили лишь осенью 1903 г., то на страницах журнала «Освобождение» эта тема появилась с момента его создания. Опираясь на опыт западноевропейских революций, идеологи нового либерализма настоятельно рекомендовали дополнить программу социальными разделами, ибо именно это вызовет к ней интерес со стороны широких демократических слоев, без привлечения которых либеральное движение будет бессильно достичь своей основной стратегической цели – политического освобождения страны.

Буквально с первых номеров журнал «Освобождение» стал публиковать специальные статьи и материалы, в которых, в той или иной форме (общетеоретической или практической), высказывались разные подходы к постановке рабочего и аграрно-крестьянского вопроса. В связи с этим пришлось несколько откорректировать положение статьи «От русских конституционалистов» о том, что решение социальных вопросов следует отложить до созыва законодательного народного представительства. Теперь обосновывалась необходимость немедленно приступить к разработке социальных разделов программы, тесно увязав их с ее политическим разделом. Так, в редакционной статье четвертого номера журнала Струве писал: «Рабочий вопрос и рабочее движение сыграли в 90-е гг. очень крупную роль в развитии нашего политического сознания. Рабочее движение открыло перед радикальной русской интеллигенцией новые горизонты, оплодотворило ее мысль новыми и ценными побуждениями, возродило утраченную веру в широкие политические и социальные задачи времени». Русский фабричный рабочий, подчеркивал Струве, «стал естественным и желательным союзником для нашей прогрессивной интеллигенции в ее великой борьбе за политическое освобождение России»⁵⁵. Струве был вынужден признать, что социал-демократам удалось перехватить инициативу в постановке рабочего вопроса и разработать систему таких программных требований, которые не только не противоречат демократическому либерализму, но вполне могут быть включены в его собственную программу.

Практически одновременно с рабочим вопросом на страницах журнала шло обсуждение аграрно-крестьянского вопроса. Еще в 1902 г. в редакционной статье девятого номера журнала Струве в общей форме заговорил о необходимости увеличения крестьянского землевладения, в том числе и за счет принудительного отчуждения частновладельческих земель⁵⁶. Однако только почти через год в № 33 журнала была опубликована специальная статья «К аграрному вопросу», автором которой являлся бывший легальный марксист С. Н. Булгаков. В статье был предложен комплекс конкретных мероприятий, которые должны были, по мнению автора, положить начало разрешению аграрного вопроса в России.

Во-первых, мероприятия «отрицательного характера» сводились к ликвидации Дворянского банка, отмене законов о дворянских кассах и дворянском сибирском землевладении, отмене ограничений по мобилизации дворянского землевладения. «Необходима отмена всех

⁵⁵ Освобождение. 1902. № 4. С. 50.

⁵⁶ Там же. № 9. С. 292.

привилегий дворянства и дворянского землевладения, – писал Булгаков, – созданных в новейшее время. И здесь русское освобождение должно взять за образец дело Великой Французской революции, уничтожившей остатки феодализма»⁵⁷. В числе мероприятий «позитивного характера» Булгаков предлагал демократизацию землевладения, содействие переходу земель в руки трудящихся масс (через Крестьянский банк, за счет фонда земель Дворянского банка, государственных, удельных, частновладельческих, отчужденных за вознаграждение по рыночной цене), создание демократического арендного права⁵⁸.

Булгаков в единый узел «увязал» следующие принципиальные положения: во-первых, решить вопрос «о демократизации земельной собственности» и, следовательно, «более справедливом и экономически более рациональном распределении земли»; во-вторых, довершить освобождение крестьян, начатое в 1861 г., признать их полноправными гражданами, наделив не только гражданскими, но и политическими правами; в-третьих, реформировать местное самоуправление, создав мелкую земскую единицу. «Итак, – приходил к общему выводу Булгаков, – для русского освободительного движения является как бы аксиомой, что политический либерализм и социально-экономический демократизм, требования политической свободы и демократической социальной реформы не могут быть разъединяемы в его общей программе»⁵⁹.

Аграрно-крестьянскому вопросу значительное внимание было уделено и в докладе кн. Петра Д. Долгорукова «Конституционная партия в предстоящий год». По его мнению, в аграрный раздел либеральной программы следовало включить следующие требования: 1) отчуждение части частновладельческих земель за выкуп; 2) организация переселений и расселений; 3) развитие мелкого сельскохозяйственного кредита; 4) расширение деятельности Крестьянского банка; 5) уничтожение паспортной системы; 6) перенесение части расходов, лежащих на крестьянстве, на другие сословия с организацией всеобщего мелкого самоуправления; 7) уничтожение натуральной повинности и телесных наказаний⁶⁰.

Все же обсуждение социальных разделов либеральной программы развивалось неторопливо, ибо и освобожденцы, и земцы-конституционалисты понимали, что постановка рабочего и особенно аграрного вопроса с логической неизбежностью приведет к дальнейшему размежеванию в либеральной среде. Это, по сути, и продемонстрировал в ноябре 1904 г. земский съезд. Внесенный Организационным бюро проект резолюции о необходимости изменения государственного строя вызвал среди его участников острую дискуссию. Согласившись с пунктами резолюции, содержащими критику условий, препятствующих установлению в России конституционного строя (разобщенность правительства и общества; административная централизация и опека над всеми сторонами жизни), а также с рядом сформулированных в ней требований (закрепление в законе прав и свобод личности; уравнивание крестьян в гражданских и политических правах с лицами других сословий; ограждение сельского самоуправления от административной опеки), представители правого сегмента либерализма во главе с Д. Н. Шиповым самым решительным образом высказались против 10-го пункта резолюции, в котором и было сформулировано требование введения законодательного народного представительства.

В своем выступлении на съезде Шипов заявил, что в основу «реформы нашего государственного строя должен быть положен не правовой принцип, а принцип нравственный, идея этико-социальная». «Русскому народу, – продолжал он, – чуждо стремление к народовластию и в нем очень сильна привязанность к идее самодержавия, в которой он хочет видеть выражение

⁵⁷ Там же. 1903. № 33. С. 157.

⁵⁸ Там же. С. 157–158.

⁵⁹ Там же. С. 153.

⁶⁰ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 35–36.

соборной совести народа и к которой он питает доверие и любовь»⁶¹. Вывод Шипова сводился к следующему: съезд не вправе предрешать «этого основного вопроса» и должен оставить его решение «за самим народом». «Если народ, – подчеркнул он, – сам дойдет до осознания необходимости правового строя, то пусть это будет плодом его сознательного отношения по этому вопросу»⁶².

Эта славянофильская точка зрения лидера правого крыла либерализма подверглась критике со стороны земцев-конституционалистов. Так, Ф. И. Родичев заявил, что «Россия не может обойтись без права. Право нисколько не противоречит нравственности. Последняя, понятно, шире первой и поэтому принятием принципа права мы нисколько не погрешаем против принципа любви. Да, наконец, если славянофилы правы, если власть действительно любит народ, она, конечно, даст и права»⁶³.

По мнению графа П. А. Гейдена, «основывать государственный идеал на печальном недоумении, чем в настоящее время является славянофильство, невозможно. Если когда-нибудь единение народа с властью, как о том мечтают в сказках, и было возможно, то теперь, при сложности современных отношений, подобной возможности не существует. Перестановка понятий произошла коренная. Мы хотим прав и отношений к нам, как к обладателям таковых, а не случайной милости в зависимости от случайных настроений»⁶⁴. Еще более резко высказался Л. Д. Брюхатов, заявивший, что «считаться со славянофильскими течениями в настоящее время нет никаких оснований... Иного пути, кроме того, которым пошла Европа, для России нет. Если мы хотим действительного изменения русских условий, то мы должны добиваться прочного правопорядка, а таковой мыслим лишь при конституции»⁶⁵.

Имея за собой большинство съезда, конституционалисты, однако, прекрасно понимали, что «сбить» со своей позиции Шипова и его единомышленников им не удастся. Оставалось либо идти с ними на «разрыв», к чему в данный момент они не были готовы, либо идти на компромисс во имя сохранения, хотя и иллюзорного, единства либерального движения. В связи с этим конституционалисты согласились изложить 10-й пункт резолюции в двух редакциях – большинства и меньшинства. В редакции большинства (71 голос) подчеркивалось: «для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни, безусловно, необходимо правильное участие народного представительства, как особого выборного учреждения, в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации». Редакция меньшинства (27 голосов) гласила: «для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни, безусловно, необходимо правильное участие в законодательстве народного представительства, как особого выборного учреждения»⁶⁶. Только при этом условии сторонники Шипова согласились проголосовать за резолюцию в целом.

Дискуссионным оказался и вопрос о способах созыва народного представительства, о котором в неопределенной форме говорилось в первоначальной редакции 11-го пункта резолюции: «вопрос об основаниях и формах взаимодействия правительства и народного представительства в государственной жизни должен быть разрешен при участии представителей народа, избранных при наличии условий, необходимых для свободы выборов»⁶⁷. По сути, такая формулировка могла быть истолкована двояко: либо под «представителями народа» подразумевался созыв Учредительного собрания «снизу», либо «представители народа» могли

⁶¹ Там же. С. 102–103.

⁶² Там же. С. 104.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 106–107.

⁶⁵ Там же. С. 101.

⁶⁶ Там же. С. 137.

⁶⁷ Там же. С. 110.

быть созваны по инициативе самой верховной власти. В отличие от освободителей, далеко не все конституционалисты высказывались за созыв Учредительного собрания, предпочитая, чтобы «представителей народа» для учреждения конституции созвал царь. «Осуществление преобразований, – заявил Н. Н. Львов, – необходимо возложить на власть. Многие требуют реформ, предвидя в противном случае неизбежность революции, но революция в настоящее время невозможна; для этого нет наличных сил в народных массах, готовых к ниспровержению существующего строя. Нам угрожает не революция, а то, что есть: бесцельное терзание, годами длящееся мучительство, упадок и разложение духовных сил русского народа, ослабление и упадок России. Страшна не революция, страшна бесплодность жертв, бесцельная гибель русских людей»⁶⁸. По мнению И. И. Петрункевича, «мы не возбуждаем вопроса о созыве учредительного собрания, а лишь устанавливаем положение, что народу совместно с правительством принадлежит право решить вопрос о реформах в государственном строе. Мы не говорим, что один народ должен решить этот вопрос, а говорим, что участие народа в решении вопроса необходимо»⁶⁹. Отметив, что созыв Учредительного собрания возможен «лишь в эпоху анархии», которой «в России в настоящее время нет», Ф. Ф. Кокошкин заявил, что для него было бы предпочтительным, если бы «новый порядок был сразу дан верховной властью»⁷⁰. По мнению Гейдена, «власть сама может даровать стране права, требуемые обществом»⁷¹.

В итоге первоначальный 11-й пункт резолюции был отредактирован и изложен в следующей редакции: «Ввиду важности и трудности внутреннего и внешнего состояния, переживаемого Россией, частное совещание выражает надежду, что верховная власть призовет свободно избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа»⁷². Такая резолюция вполне удовлетворяла представителей правого крыла либерализма.

Современники, в частности Милюков, считал политическую резолюцию ноябрьского земского съезда настоящей «петицией прав», неким поворотным пунктом в истории русского либерализма. Еще более высокие оценки решениям земского съезда дали зарубежные исследователи (например, Дж. Фишер, Р. Пайпс, Ш. Галай, А. Улам, Р. Маннинг). Несмотря на эмоциональный характер оценок зарубежных исследователей, следует признать, что ноябрьский земский съезд действительно стал важной вехой в эволюции русского либерализма. Его решения после их распространения стали предметом оживленных дискуссий в общественных кругах. У одних они действительно вызвали эйфорию (в среде умеренной либеральной оппозиции), у других – скепсис (левое крыло «Союза освобождения»), у третьих (социал-демократы и эсеры) – нелицеприятную критику. Тем не менее публичное выступление ранее лояльных режиму земских либералов свидетельствовало не только о дальнейшем разрыве между властью и обществом, но и о том, что они с этого момента становились важным фактором, способствующим росту мобилизационного потенциала освободительного движения в целом.

Начавшаяся Первая российская революция дала новый импульс размежеванию в русском либерализме и одновременно дальнейшему самоопределению его отдельных сегментов. Осознав, наконец, что в стране началась народная революция, либералы, хотели они того или нет, вынуждены были «встать на ее почву» и действовать сообразно этой новой исторической реальности. Не случайно во всех сегментах либерализма активизировалась работа над программными документами.

⁶⁸ Там же. С. 111.

⁶⁹ Там же. С. 112.

⁷⁰ Там же. С. 114.

⁷¹ Там же. С. 115.

⁷² Там же. С. 137–138.

Так, на съезде «Союза земцев-конституционалистов», состоявшемся в Москве 24 февраля 1905 г., большинство его участников поддержало идею созыва Учредительного собрания для выработки и принятия конституции. Согласившись с формулой двухпалатного законодательного народного представительства, большинство высказалось за выборы в ту и другую палату на основе всеобщего избирательного права по его развернутой формуле: равное, прямое, с тайным голосованием. Фактически это был отказ от своего прежнего решения о двухстепенных выборах во вторую палату. Значительные подвижки имели место в разработке аграрного раздела программы. Были единогласно приняты пункты о необходимости «дополнительных прирезок к крестьянской земле из земель казенных, удельных и частновладельческих», об урегулировании арендных отношений на началах «покровительства экономически слабейшей стороне». В целом же аграрная программа земцев-конституционалистов приобрела структурированную форму и включала в себя следующие пункты:

«1) Государственное вмешательство в экономическую жизнь должно распространяться и на область аграрных отношений.

2) Правильная постановка аграрного законодательства обуславливается коренным преобразованием государственного строя России на началах всеобщего избирательного права.

3) Предстоящая реформа должна быть построена на следующих началах:

1. Улучшение экономического положения земледельческого класса путем обязательного выкупа из частновладельческих земель необходимых прирезок в интересах малоземельных групп разных категорий.

2. Признание Государственным земельным фондом казенных и части удельных земель; увеличение этого фонда путем покупки и выкупа частновладельческих земель и эксплуатации его в интересах трудящегося населения.

3. Упорядочение условий аренд путем государственного вмешательства в арендные отношения.

4. Образование общественно-государственных посреднических комиссий для проведения в жизнь аграрных мероприятий согласно вышеуказанным началам.

5. Правильная постановка на широких началах переселения и расселения, облегчение пользования различными видами кредита, реформа Крестьянского банка и содействие кооперативным предприятиям.

6. Коренной пересмотр межевого законодательства в видах облегчения, ускорения и удешевления размежевания земель, уничтожения чересполосицы частновладельческих и надельных земель, обмена участков и т. д.»⁷³.

Еще дальше в разработке своей программы продвинулся «Союз освобождения». На съезде, состоявшемся в Москве 25–28 марта 1905 г., освобожденцы заявили, что они ставят перед собой цель коренного преобразования государственного строя России «на началах политической свободы и демократизма». В условиях начавшейся революции народ «вместе с другими общественными группами, выступившими против существующего режима», «должен взять разрешение этого кризиса в свои руки». Съезд потребовал немедленного созыва Учредительного собрания «на началах всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов для выработки русской конституции». Основной закон должен был гарантировать права человека и гражданина (равенство всех перед законом без различия пола, вероисповедания и национальности, неприкосновенность личности и жилища, свободу передвижений, совести, слова, печати, собраний, союзов). В программе подчеркивалось, что «никакие права человека и гражданина не будут обеспечены до тех пор, пока закон не будет выражением воли народа и пока исполнительная власть не будет под контролем народного представительства».

---

⁷³ Там же. С. 155–156.

В программе «Союза освобождения» было специально подчеркнуто, что государственное устройство должно быть основано «на широком местном и областном самоуправлении». «Освобожденная Россия, – по мнению разработчиков программы, – должна сознательно и решительно порвать с угнетением окраин и бюрократической централизацией». Прежде всего речь шла о восстановлении конституции Финляндии, предоставлении широкого областного самоуправления Польше, Литве, Малороссии и Закавказью. Другие народности должны были получить право культурного самоуправления (употребление местных языков в начальных школах и местных учреждениях). В то же время «во всей стране должно быть на основе всеобщей подачи голосов создано облеченное широкими правами действительно независимое самоуправление сельское, участковое, уездное, губернское, а также городское».

Политическая реформа должна была создать условия и предпосылки для проведения глубоких культурных, правовых и экономических преобразований. В программе речь шла о введении в России «всеобщего начального обучения с чисто светским характером», реформировании средней и высшей школы (автономия университетов и других высших учебных заведений, передача начальной и средней школы в «полное заведование местного самоуправления»). Обучение в общественных и государственных школах всех типов должно быть бесплатным.

Разработчики программы настаивали на восстановлении судебных уставов 1864 г. Институт земских начальников и волостные крестьянские суды подлежали отмене. Суд должен быть гласным, а судьи независимы (несменяемы и ненаграждаемы). Смертная казнь подлежала «безусловной отмене».

Подчеркивая, что освобожденная Россия должна порвать «с системой внешних захватов и с финансовой и экономической политикой, разоряющей страну», освободенцы требовали: 1) отмены выкупных платежей, взимаемых с крестьянских земель; 2) развития прямого обложения и постепенного понижения и уничтожения косвенных налогов; 3) реформы прямого обложения «на основе прогрессивной пропорциональности налогов доходам облагаемых лиц». Они считали, что с изменением финансовой политики следует отказаться от покровительства «отдельным предприятиям и предпринимателям», усилив «покровительство развитию производительных сил народа».

Особое внимание в программе было уделено аграрному и рабочему разделам. Для демократического решения аграрного вопроса освободенцы предлагали расширить источники пополнения государственного земельного фонда для наделения безземельных и малоземельных крестьян, учредить примирительные палаты для урегулирования «арендной платы трудящихся и для разбора споров и несогласий между арендаторами и землевладельцами, распространения рабочего законодательства на сельскохозяйственных рабочих применительно к особым условиям земледелия».

В области решения рабочего вопроса освободенцы предлагали проведение следующих мер: 1) реформировать рабочее законодательство и инспекцию труда; 2) ввести 8-часовой рабочий день «в тех производствах, где это возможно, немедленно, и приближения к нему в других производствах»; 3) отменить сверхурочные работы, «кроме технически необходимых»; 4) обеспечить охрану труда женщин и детей; 5) учредить примирительные палаты, составленные «из выборных представителей труда и капитала в равном числе от обеих сторон для разбора всех вопросов договора о найме, не поддающихся экономической нормировке»; 6) обеспечить рабочим полное вознаграждение от предпринимателей за утраченную вследствие несчастного случая или профессиональной болезни трудоспособность; 7) ввести государственное страхование на случай смерти, старости, болезни и неспособности к труду и привлечь рабочих к участию в управлении страховыми учреждениями на равных правах с предпринимателями.

В заключении составители сформулировали два положения: принятая ими программа аккумулировала «то общее, на чем объединились все группы «Союза освобождения»; принятые решения «могут считаться обязательными лишь постольку, поскольку политические усло-

вия останутся неизменными». Только «дальнейший ход политической жизни, – по мнению освобожденных, – может показать, какие изменения и дополнения в принятой программе окажутся нужными». Поэтому они в данный момент посчитали более рациональным «оставить некоторые решения временно открытыми», предоставив право выбора «действий и решений» за отдельными членами и группами «Союза», которые «диктует им их совесть и их общественные убеждения»⁷⁴. Подобная оговорка не была случайной, ибо по ряду пунктов программы (одно- или двухпалатное народное представительство, предоставление избирательных прав женщинам) среди членов «Союза освобождения» не было согласия. Чтобы сохранить единство рядов, составители программы вынуждены были «не договаривать», прибегать к «эластичным» формулировкам.

Принятые «Союзом земцев-конституционалистов» и «Союзом освобождения» коррективы к своим программам прошли очередную «обкатку» на общеземском съезде, состоявшемся 22–26 апреля 1905 г. в Москве. Как и на ноябрьском съезде, на апрельском по вопросу об основах организации представительства в России образовалось большинство и меньшинство. Большинство (71 голос) считало, что «представительное собрание, главной задачей которого будет установление государственного правопорядка Российской империи, должно состоять из палаты народных представителей, избранных путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования». Меньшинство же (37 голосов) продолжало отстаивать двухстепенное голосование при избрании палаты народных представителей. Кроме того, на съезде выделилась небольшая группа (17 голосов), которая настаивала на том, что первое представительное собрание, избранное органами местного самоуправления, а также пополненное представителями от крестьянского и рабочего населения, должно обладать не только законодательными, но и учредительными функциями, необходимыми для выработки и принятия Основного закона⁷⁵. Внося это предложение о совмещении законодательных и учредительных функций для первого представительного собрания, члены этой группы намекали на возможность отказа от программного требования созыва Учредительного собрания.

Важно упомянуть, что шиповская группа внесла на рассмотрение съезда собственную программу государственного преобразования России. Полагая неприемлемым введение парламентаризма в России, шиповцы считали, что народное представительство должно служить «органом выражения народного мнения, для сохранения всегда тесного единения и живого общения царя с народом». Оно должно быть организовано как особое выборное учреждение – государственный Земский совет, в компетенцию которого включались: 1) обсуждение государственного бюджета; 2) рассмотрение всех законов; 3) рассмотрение отчетов по исполнению государственной росписи и деятельности ведомств. Ему предоставлялось право запросов министрам, которые должны быть ответственны не перед народным представительством, а исключительно перед царем. Выборы в Земский совет основывались не на всеобщем и прямом избирательном праве, а на основе реформированного представительства в учреждениях местного самоуправления. Право представительства в учреждениях местного самоуправления давалось плательщикам земских и городских сборов⁷⁶. Не получив поддержки со стороны большинства, шиповцы демонстративно покинули съезд, спровоцировав тем самым раскол в земском сегменте либерального движения.

После победы над шиповцами земцы-конституционалисты решили еще раз «апробировать» свою аграрную программу на специальном аграрном совещании, которое состоялось в Москве 27–29 апреля 1905 г. На нем были заслушаны доклады И. И. Петрункевича «К аграр-

⁷⁴ Освобождение. 1905. № 69. С. 305–306.

⁷⁵ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. С. 164–166.

⁷⁶ Шипов Д. Н. К мнению меньшинства частного совещания земских деятелей 6–8 ноября 1904. М., 1905. С. 5–6. Подробный анализ шиповской программы см.: Шелохаев С. В. Д. Н. Шипов. Личность и общественно-политическая деятельность. С. 69–74.

ному вопросу», кн. Павла Долгорукова «Аграрный вопрос с точки зрения крупного землевладельца», А. А. Мануйлова «Поземельный вопрос в России», М. Я. Герценштейна «Национализация земли», «Крестьянский банк» и «Выкупная операция», А. Ф. Фортунатова «Аграрное законодательство в Австралии», А. А. Кауфмана «Переселение и его роль в аграрной программе», А. А. Чупрова «К вопросу о дополнительном наделении малоземельных крестьян», В. Э. Дена «Поземельно-устроительные учреждения и их задачи при проведении аграрной реформы в России» и И. А. Иверонова «Межевое дело и его нужды».

Если попытаться резюмировать содержание докладов и ход их обсуждения, то получим следующую картину. Во-первых, участники совещания в своем большинстве самым решительным образом заявили себя противниками идей национализации и социализации земли, считая их неприемлемыми для либеральной оппозиции. Давая теоретическое обоснование этой позиции, М. И. Туган-Барановский писал: «Национализация земли неизбежно повела бы на практике к обострению классовой борьбы благодаря укреплению позиции одной из борющихся сторон – пролетариата. Уход с исторической арены землевладельческого класса явился бы грозным предзнаменованием предстоящей гибели и других имущих классов современного общества»⁷⁷. Поэтому не случайно выступления на совещании представителей народного толка (Н. А. Каблукова, Н. А. Вихляева, В. В. Яновского, В. О. Анисимова), отстаивающих идею национализации помещичьей земли, поддержки не получили. Однако, несмотря на сопротивление своих правых коллег (кн. Н. С. Волконского, кн. С. Н. и Е. Н. Трубецких, кн. Павла Д. Долгорукова и др.), большинство участников совещания все же выразило согласие пойти на расширение источников пополнения государственного земельного фонда, из которого предполагалось производить дополнительное наделение безземельных и малоземельных крестьян.

Во-вторых, было установлено, что все государственные, удельные и монастырские земли переходили в государственный земельный фонд безвозмездно. Выкуп частновладельческих земель должен был производиться по «справедливой оценке» за счет государства.

В-третьих, наделению землей подлежали все разряды безземельных и малоземельных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство. Из государственного земельного фонда земля передавалась общинам и союзам исходя из такого расчета, чтобы их члены могли расширить площадь своего землепользования до определенной нормы. В связи с дискуссионностью вопроса о размерах нормы наделения (высший или указной надел по Положению 1861 г., потребительская, трудовая нормы) участники совещания решили оставить его открытым.

В-четвертых, определенная ясность была внесена в вопрос о регулировании арендных отношений. Вместо расплывчатого требования «упорядочения» условий аренды участники совещания настояли на внесении в программу пункта о необходимости законодательного регулирования арендных отношений.

Как видим, в апреле 1905 г. наметилось очередное «полевение» аграрной либеральной программы. Все сегменты либерализма, правда с разным ускорением, вынуждены были следовать за развитием революционных событий, продолжая рассчитывать на то, что им удастся их «оседлать» и направить в приемлемое русло. Однако опасения, что эти события могут пойти по иному сценарию, уже не покидали русских либералов. После цусимской катастрофы коалиционный земский съезд, состоявшийся в Москве 24–26 мая 1905 г., в подготовленном им адресе на имя царя заявил: «Государь! Пока не поздно, для спасения России, во утверждение порядка и мира внутреннего, повелите без замедления созвать народных представителей, избранных для сего равно и без различия всеми подданными Вашими. Пусть решат они в согласии с Вами жизненный вопрос государства, вопрос о войне и мире, пусть определяют они условия мира, или, отвергнув его, превратят эту войну в войну народную. Пусть явят они всем народам Рос-

⁷⁷ Туган-Барановский М. Национализация земли. СПб., 1906. С. 66.

сию, не разделенную более, не изнемогающую во внутренней борьбе, а исцеленную, могущественную в своем возрождении и сплотившуюся вокруг единого стяга народного. Пусть установят они в согласии с Вами обновленный государственный строй.

Государь! В руках Ваших честь и могущество России, ее внутренний мир, от которого зависит и внешний мир ее. В руках Ваших держава Ваша, Ваш престол, унаследованный от предков.

Не медлите, Государь! В страшный час испытания народного велика ответственность Ваша перед Богом и Россией»⁷⁸.

В отличие от либералов, которых с январских кровавых событий не покидала тревога за судьбы страны, Николай II иначе оценивал развитие ситуации и не желал убыстрять традиционный ход бюрократической машины, неспешно разрабатывавшей проекты политических преобразований в России. Их булыгинский вариант выглядел настолько архаично, что уже не удовлетворял запросов не только освободителей, но и земцев-конституционалистов. Более того, земское оппозиционное движение получило поддержку со стороны деятелей городского самоуправления.

В Москве 15–16 июня 1905 г. состоялся общероссийский съезд городских деятелей, в котором приняли участие 120 представителей органов городского самоуправления. Раскритиковав и отвергнув булыгинский проект, съезд принял политическую резолюцию, в которой высказался за немедленное «введение в России народного представительства на конституционных началах», т. е. за предоставление ему «решающего голоса в вопросах: законодательства, государственного бюджета, об ответственности министров и контроля над действиями администрации, а равно права законодательного почина»⁷⁹. По мнению участников съезда, народное представительство должно было состоять из двух палат: первая – избираться всеми русскими подданными «без различия пола, национальности и вероисповедания по достижении 25-летнего возраста», а вторая – «состоять из представителей, избранных органами местного самоуправления, преобразованными на демократических началах и распространенными на всю Российскую империю»⁸⁰.

Как видим, городскими деятелями была принята модель народного представительства, предложенная земцами-конституционалистами. Это решение представителей городского самоуправления открывало путь для их объединения с представителями земского самоуправления. Не случайно 6–8 июля в Москве состоялся общероссийский съезд земско-городских деятелей. На нем проект «булыгинской конституции» вновь был подвергнут резкой критике. Так, Е. В. де Роберти заявил, что его «ждет банка со спиртом на полке кунсткамеры», а Ф. И. Родичев расценивал проект как «византийскую блудливость», соединенную с «бюрократическим тупоумием»⁸¹.

В противовес булыгинскому проекту, июльский съезд земских и городских деятелей принял проект «Основного закона Российской империи», разработанный выдающимися российскими юристами во главе с С. А. Муромцевым. Учитывая, что данный проект уже неоднократно являлся предметом подробного исследовательского анализа⁸², отмечу, что в нем, в соответствующих разделах («О законах», «О правах российских граждан», «Учреждение Государственной думы», «О министрах», «Об основах местного самоуправления», «О судебной власти»), нашли отражение основные либеральные принципы формирования и функционирования гражданского общества и правового государства.

---

⁷⁸ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. С. 245–246.

⁷⁹ Там же. С. 252.

⁸⁰ Там же. С. 253–254.

⁸¹ Там же. С. 267.

⁸² Там же.

Данный проект являлся логическим продолжением освобожденческого проекта 1904 г., о котором говорилось выше. Однако, в отличие от освобожденческого проекта, который предполагалось по преимуществу принять Учредительным собранием, созданным двояким («снизу» или «сверху») путем, данный проект был в большей степени рассчитан на прямое соглашение с верховной властью. «Муромцевский проект конституции» более соответствовал программным наработкам представителей земского сегмента либерализма. Об этом, в частности, свидетельствовала земско-либеральная конструкция двухпалатного народного представительства, принципы избрания той и другой палаты («палата народных представителей избирается населением посредством всеобщего, равного, прямого и закрытого голосования», а земская палата – «губернскими земскими или областными собраниями и городскими думами городов с населением свыше 100 000 жителей»). По сравнению с освобожденческим проектом был увеличен возрастной ценз избирателей мужского пола (до 25 лет), вообще не затрагивался вопрос об избирательных правах женщин. В проекте отсутствовало и требование ответственного министерства.

Принятием такого компромиссного проекта «Основного закона» июльский съезд земско-городских деятелей рассчитывал консолидировать либеральную оппозицию, «навести мосты» между властью и обществом. Однако этот очередной жест «доброй воли» либералов был оставлен властью без должного внимания. Поэтому более радикальные элементы либерального движения в лице земцев-конституционалистов и особенно освобожденцев продолжали настаивать на выработке программы, более соответствующей интересам большинства населения.

На съезде «Союза земцев-конституционалистов», состоявшемся в Москве 9–10 июля, и съезде «Союза освобождения», проходившем в Москве 25–25 августа, было принято решение о создании единой Организационной комиссии, которой, в частности, поручалась разработка программы, позволявшей «собрать» земцев-конституционалистов и освобожденцев под крышу единой партии. Один из вариантов такой программы и был представлен на обсуждение общероссийского съезда земских и городских деятелей, состоявшегося 12–15 сентября 1905 г. в Москве. Ее обсуждение на съезде вызвало острые дискуссии. Большинство делегатов продолжало настаивать на двухпалатной системе народного представительства, а часть из них (36 голосов) даже выступила против прямого избирательного права.

Новая редакция политического раздела программы была пополнена требованиями отмены смертной казни и военного положения, несколько расширен был и пункт об амнистии. Однако наиболее важными стали пункты «О правах национальностей и децентрализации управления и законодательства», которые в предыдущих вариантах программы формулировались в самом общем виде. В новой редакции народностям, населяющим Российскую империю, предоставлялось не только право на культурное самоопределение, но и административная автономия. В программе, принятой съездом, говорилось: «Основной закон Российской империи должен гарантировать всем населяющим империю народностям право культурного самоопределения, полную свободу употребления различных языков и наречий в общественной жизни и свободу собраний, союзов, учебных заведений и всякого рода учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности»⁸³. Русский язык при этом должен был оставаться языком центральных государственных учреждений, армии и флота. Язык местных административных и судебных учреждений определялся общими и местными законами.

Одновременно либералы настаивали на широкой областной автономии и образовании местных представительных собраний, избранных на основе всеобщего избирательного права и допущенных к участию в законодательном решении вопросов местного значения. Однако

⁸³ Право. 1905. № 37. Стб. 3063.

при этом они считали, что «практическое осуществление этой идеи на всем протяжении империи представляется совершенно невыполнимой задачей»⁸⁴. Поэтому в программе делалась оговорка: введение областной автономии должно производиться только в «тех частях империи, где в том окажется потребность», путем «издания каждый раз особого имперского закона об образовании той или иной автономной области»⁸⁵.

Съезд большинством голосов высказался за немедленное предоставление автономии Польше сразу же после созыва народного представительства. По мнению либералов, Польша должна была представлять автономную единицу с сеймом, избранным путем всеобщего, прямого, равного избирательного права и с тайным голосованием. При этом особо подчеркивалось, что Польша должна остаться неотъемлемой частью империи.

Требование областной автономии встретило резкие возражения среди делегатов съезда. Они сводились к тому, что предоставление автономии разным частям государства открывает путь к полному раздроблению империи. Граф Гейден, А. И. Гучков и другие делегаты выступили против предоставления автономии отдельным областям России, ограничив постановку национального вопроса рамками местного самоуправления. Однако большинство съезда выразило согласие с решением бюро по польскому вопросу. Вместе с тем не встретили поддержки съезда предложения некоторых депутатов (например, В. Е. Якушкина, И. В. Лучицкого) о государственном федеративном устройстве; они считали, что федерация «самая верная гарантия свободы конституции, которая без нее может быть легко изменена»⁸⁶. Однако большинство предпочло оставить этот вопрос открытым.

Большое внимание на съезде было уделено проблемам местного самоуправления. По мнению делегатов, компетенцию этих органов следовало значительно расширить. Исключение составляли лишь те отрасли местного управления, которые «в условиях современной государственной жизни требуют централизации»⁸⁷. Органам местного самоуправления предоставлялось право издавать, в пределах общегосударственных законов, специальные постановления по вопросам, ранее относившимся к ведению центральной власти: правила об охране лесов и вод, подробное урегулирование поземельных отношений, правила об устройстве местных путей сообщения, упорядочении охоты и т. п.⁸⁸.

Организационное бюро внесло на рассмотрение съезда проект экономической части программы, центральное место которой занимал аграрный вопрос. Выявившиеся разногласия между депутатами сводились к следующим пунктам. Меньшинство съезда продолжало настаивать на том, что дополнительное наделение крестьян следует производить, по преимуществу, за счет государственных, кабинетских и удельных земель и только в случае «крайней необходимости» и «в ограниченных размерах» – за счет отчуждения частновладельческих земель, причем отчуждению в этом случае подлежали в первую очередь крупные помещичьи латифундии. Между тем большинство съезда пошло несколько дальше и настояло на включении в программу пункта о конфискации помещичьих земель в «потребных для дополнительного наделения размерах». Впрочем, не выдержав давления со стороны меньшинства, большинство согласилось пойти на уступки, о чем, в частности, свидетельствовала итоговая редакция первого пункта аграрной программы: «Увеличение площади землепользования, основанного на началах личного труда как безземельных крестьян, так и других разрядов мелких хозяев-земледельцев, государственными, удельными и кабинетскими землями, а в случае надобности,

⁸⁴ Право. 1905. № 40. Стб. 3338.

⁸⁵ Кокошкин Ф. Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906. С. 8; Право. 1905. № 40. Стб. 3340.

⁸⁶ Русские ведомости. 1905. 16 сентября.

⁸⁷ Право. 1905. № 37. Стб. 3063.

⁸⁸ Там же. Стб. 3064.

отчуждение государством части частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке»⁸⁹.

На съезде были внесены коррективы и в другие пункты аграрного раздела программы: 1) организация государственной помощи для переселения, расселения и устройства хозяйственного быта переселенцев; 2) реорганизация Крестьянского банка; 3) содействие созданию различных сельскохозяйственных союзов и обществ, направленных на улучшение земледелия; 4) развитие различных видов мелкого и мелиоративного кредита и кооперации; 5) облегчение размежевания земель и обмена земельных участков; 6) отмена выкупных платежей и т. д. Все эти пункты, так или иначе, шли навстречу требованиям широких крестьянских масс.

Начавшееся в стране движение сельскохозяйственных рабочих заставило делегатов съезда поднять вопрос о необходимости пересмотра «законодательства о найме на сельские работы с целью установления равноправности договаривающихся сторон», а также об «укреплении сельскохозяйственной инспекции труда на однородных началах с фабричною»⁹⁰. Практически без изменения в новый вариант программы был включен рабочий раздел, принятый на мартовском съезде «Союза освобождения».

Как видим, программа, принятая на сентябрьском земско-городском съезде, приобрела более структурированный характер, вобрав в себя многолетний опыт либеральных наработок по всему спектру политических, социальных и экономических вопросов.

В ходе заседаний «40-членной комиссии», проходивших в Москве с 9 сентября по 6 октября 1905 г., не раз возникала дискуссия, какой вариант программы (освобожденческой или общеземского сентябрьского съезда) целесообразнее взять за основу программы конституционно-демократической партии. Так, кн. Д. И. Шаховской отдавал предпочтение освобожденческой программе, принятой на мартовском съезде «Союза освобождения», а П. Н. Милюков считал желательным исходить из программы общеземского съезда.

Длительную дискуссию вновь вызвал аграрный раздел программы. Левые освобожденцы настаивали на более радикальном варианте данного раздела (А. Ф. Фортунатов, А. А. Зубрилин, Н. А. Каблуков). Однако М. Я. Герценштейн и Милюков считали, что следует ограничиться программой-минимум. Так, по мнению Милюкова, «нужно брать среднюю линию. Экспроприация возможна, но нельзя слишком детализировать»⁹¹.

Как видим, за несколько дней до созыва учредительного съезда конституционно-демократической партии в Организационной комиссии продолжали идти дискуссии по программным вопросам. Это свидетельствовало о том, что на протяжении многих лет в либеральной среде не утихали разногласия по всему спектру мировоззренческих и идейно-политических проблем. Эти разногласия оказались настолько глубокими, что не позволили идеологам и политикам русского либерализма выработать единую синтетическую программу преобразования России, которая могла бы удовлетворить представителей всех его сегментов, послужить объединяющей основой для создания единой партии политического освобождения. Отсутствие единой доктрины и единой программы стало непреодолимым препятствием для консолидации всех сегментов русского либерализма, каждый из которых, размежевавшись в идейно-политическом плане и тем самым самоопределившись, раскололся на сей раз по партийному принципу, обозначив тем самым свою дальнейшую политическую судьбу.

---

⁸⁹ Там же. Стб. 3177.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. С. 434.

2. Либеральные тактики: созвучия и диссонансы

Наличие в русском либерализме разных сегментов обусловило не только вариативность их доктрин и программ, но и разнообразие тактик. В рамках единого либерального стратегического курса, в своей основе направленного на формирование в России гражданского общества и правового государства, различные сегменты либерализма вырабатывали собственные тактические линии политического поведения. С одной стороны, либералы должны были оперативно реагировать на изменения правительственного курса, а с другой – внимательно следить за меняющимися позициями консервативного и социалистического направлений общественной мысли и общественного движения. Более того, сложность ситуации состояла и в том, что отсутствие единства в либеральном общественном движении заставляла представителей различных его направлений и течений затрачивать значительные усилия на согласование программных положений и тактических решений в собственной среде.

Часть представителей либерально настроенных земцев, разделявших славянофильскую доктрину и сохранявших уверенность в дееспособности самодержавного режима, была убеждена в том, что единственно рациональной тактикой является продолжение поиска компромисса между властью и обществом. По их представлениям, только на пути взаимодействия власти и общества можно достичь позитивных результатов. Представители правого сегмента либерализма делали ставку по преимуществу на легальные методы достижения своей цели. Этим объяснялась их тактическая линия на установление «живых» контактов с царем, министрами и другими представителями правящей элиты. Формами такого «живого общения» были разного рода записки, адреса на имя царя, в которых в старорусском стиле, принятом в бюрократических канцеляриях, излагались «слезницы» о назревшей необходимости реформирования различных сфер общегосударственного и местного управления и самоуправления.

В монографии К. А. Соловьева⁹² впервые в исторической литературе дан обстоятельный, по сути, пошаговый анализ всех составляющих деятельности кружка «Беседа», включая и выработку тактической линии поведения правого сегмента либеральной оппозиции в формирующейся новой политической реальности. Учитывая, что кружок «Беседа» представлял собой своеобразную «лабораторию» по генерированию либеральных идей и проектов их трансформации в конкретные практики, сосредоточу внимание на анализе процесса выработки его участниками «оптимальной» тактической линии.

Исходная тактическая позиция «собеседников» сводилась, как верно отметил Соловьев, к формуле «движение вперед должно осуществляться на законных основаниях». В этой логике и выстраивались стратегии поведения членов кружка «Беседа». Главную свою задачу «собеседники» видели в том, чтобы постепенно, маленькими шажками, готовить общественное мнение страны к осознанию объективно назревшей потребности преобразования государственного строя, местного управления и самоуправления, системы начального образования. При этом речь шла о подготовке совместных единовременных обращений земских органов к власти, прежде всего по проблемам, затрагивающим их непосредственные интересы. Важную роль в доведении земских нужд до общественного мнения страны должно было сыграть «живое и печатное слово». «С помощью земств, а также периодических изданий, разнообразных общественных организаций, – пишет Соловьев, – “Беседа” рассчитывала способствовать формированию, по сути дела, политического института, общественного мнения, возникновение которого принципиально бы меняло расстановку сил в России»⁹³.

---

⁹² См.: Соловьев К. А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899–1905.

⁹³ Там же. С. 124.

Анализ содержания изданных участниками кружка «Беседа» книг и брошюр, подготовленных им «Записок» на имя верховной власти позволяет со всей определенностью утверждать, что «собеседники» целеустремленно готовили общественное мнение страны к осознанию необходимости преобразований как политических институтов и структур, так и всей системы социально-экономических отношений в России. Являясь сторонниками эволюционных преобразований, «собеседники» не спеша, шаг за шагом, внедряли в общественное сознание мысль о том, что бюрократическая система уже не соответствует ни уровню, ни темпам развития современных общественно-политических и социально-экономических отношений, не отражает в полной мере чаяний и настроений широких кругов российской общественности. Подчеркнутое внимание к этим «болевым точкам» должно было стимулировать пробуждение общественного сознания и в соответствующем направлении формировать общественное мнение страны.

Одним из рычагов влияния на бюрократию «собеседники» считали ходатайства земских собраний в адрес властных структур, начиная с самого царя и конкретных министров до представителей среднего центрального и регионального административного звена. Учитывая место и роль земских органов в общей системе государственного управления, а также их влияние в обществе, правительство вынуждено было так или иначе реагировать на эти ходатайства, обращаться к представителям земских органов при разработке реформ, прежде всего местного самоуправления, а также преобразований в сфере аграрных отношений и налогообложения. В процессе контактов представителей земского самоуправления с бюрократией обнаруживались «созвучия» в подходе к решению возникающих проблем, но наряду с этим и проблемные «зоны», «узлы» непреодолимых противоречий между ними. К сожалению, по мере углубления системного кризиса число «созвучий» с каждым годом уменьшалось, а количество противоречий нарастало. А это, в свою очередь, не могло не отражаться на настроениях представителей местного самоуправления, на росте их оппозиционности. Об этом ярко свидетельствуют судьбы таких земских деятелей, как Д. Н. Шипов, М. А. Стахович, кн. Петр Д. Долгоруков, кн. Д. И. Шаховской и многие другие.

В воспоминаниях Д. И. Шипова живо и образно, фактически стенографически, описаны его встречи с министрами внутренних дел Д. С. Сипягиным, В. К. Плеве, П. Д. Святополк-Мирским, министром финансов С. Ю. Витте, в ходе которых затрагивались как общегосударственные, так и региональные проблемы. Пользуясь традиционной лояльностью земских деятелей, представители бюрократических кругов пытались использовать их общественный авторитет в целях санкционирования правительственных мероприятий, явно противоречащих общественным чаяниям и настроениям. В частности, Плеве, используя авторитет Шипова, попытался распространить зубатовские методы на земскую среду, что привело к эскалации конфликта между властью и обществом, а репрессии против видных земских деятелей вызвали бурю возмущения в общественном мнении.

«Собеседники» вынуждены были, как показал Соловьев, постоянно расширять круг обсуждаемых проблем (пути и способы формирования общественного мнения, выработка единой модели земских ходатайств и единой технологии воздействия на правительство), полагая, что это позволит им предстать перед правительством в качестве выразителя общественных интересов. Одновременно они продолжали лелеять мечту о том, что им удастся перехватить инициативу у других общественных сил и направить общественное мнение в приемлемое для земской оппозиции мирное русло.

Эти цели, однако, были труднодостижимы, ибо, по собственному признанию «собеседников», земская среда как целое оставалась инертной и неспособной к активной политической борьбе. В общей консервативной земской массе выделялось лишь небольшое инициативное «ядро», настроенное на борьбу за политическое освобождение России от самодержавно-бюрократического режима. В его состав входили земцы-конституционалисты, которым и принад-

лежала ведущая роль в подготовке однородных по своему содержанию земских адресов; они издавали и распространяли книги и брошюры пропагандистского характера. Усилиями этого «ядра» был создан заграничный журнал «Освобождение», а затем и «Союз земцев-конституционалистов».

Представляя «центр» либерального движения, земцы-конституционалисты ставили перед собой три взаимосвязанные задачи: во-первых, воздействовать на правительство путем подготовки земских адресов с оппозиционным содержанием; во-вторых, подтолкнуть своих правых коллег на более активные и решительные совместные действия и, наконец, в-третьих, привлечь на свою сторону более широкие круги демократической общественности, убедив их в том, что земская оппозиция имеет реальные шансы получить «долю» власти мирным путем. Финансируя журнал «Освобождение», оказывая самое непосредственное влияние на выработку его курса, участвуя в распространении легальной и нелегальной пропагандистской литературы, занимая активную позицию в органах земского самоуправления, земцы-конституционалисты рассчитывали на то, что им рано или поздно удастся убедить правительство в необходимости проведения реформ. Следуя девизу «надо бить в одно и то же место, пока не пробьем», земцы-конституционалисты затрачивали массу времени и сил в надежде убедить власть изменить свою политику, развернуться наконец «лицом» к представителям местного самоуправления, прислушаться к их голосу. Однако «пробить» скорлупу бюрократического режима земцам-конституционалистам не удавалось. Чтобы поспеть за все ускоряющимся биением пульса общественного мнения, земцам-конституционалистам приходилось, как было показано выше, повышать градус своих программных требований.

В отличие от земцев-конституционалистов, их коллеги-освобожденцы гораздо быстрее расстались с иллюзией о возможности мирной трансформации самодержавия. Разделяя в своей массе идеи «народоправства», они настаивали на созыве Учредительного собрания, которое должно было выработать и принять конституцию. Освобожденцы в принципе не отрицали и возможности политической революции «снизу», выражая готовность оказать поддержку массовому демократическому движению. Отсюда проистекала их тактическая линия на совместные действия с левыми радикальными политическими партиями и организациями.

Как видим, разные идеологические представления трех сегментов русского либерализма предопределили и их тактические линии поведения. Учитывая, что в историографии эта тема в той или иной степени уже получила свое отражение, обращу внимание на содержательную составляющую этих тактик в переломные моменты истории русского либерализма начала XX в.

Наиболее зримо разнообразие либеральных тактик проявилось в период русско-японской войны. Так, общая установка членов кружка «Беседа» сводилась к следующему: «война обязывает общественных деятелей по возможности не причинять затруднений правительству в его внешней борьбе, но вместе с тем не освобождает их от обязанности отстаивать права общественных учреждений против возможных на них посягательств». Из этой посылки следовал вывод: «Тактика в течение войны должна быть не наступательная, а оборонительная, иначе говоря, не следует брать на себя инициативу новых реформ, но во всех вопросах, возбужденных и поставленных на очередь, общественное мнение должно высказываться столь же определенно и решительно, как и до войны»⁹⁴. По мнению «собеседников», адреса земских собраний должны быть «без раболепных и монархических выражений», а сама деятельность земств ориентирована на участие в помощи раненым и семьям убитых, на сбор средств на нужды армии и флота. Выступая в качестве конструктивной силы, желавшей победы России в русско-японской войне, «собеседники», несколько приглушив свои оппозиционные выступления, в принципе не собирались отказываться от прежних своих требований в адрес правительства.

⁹⁴ Цит. по: Соловьев К. А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899–1905. С. 142.

Что касается земцев-конституционалистов, то они в большей степени, чем «собеседники», настаивали на выработке определенной тактики по отношению к власти. Еще до начала объявления военных действий лидеры земцев-конституционалистов подчеркивали, что война может окончательно подорвать доверие общества к правительству. «Выйти из созданных нашим правительством опасностей, – писал кн. Петр Долгоруков, – Россия может, только изменив механизм своей государственной машины, добившись такого положения дел... когда волею страны во главе ее будут поставлены лучшие люди ума и таланта, которым можно будет безопасно вверять руководство политикой в опасные и критические периоды государственной жизни». Война с Японией, считал Долгоруков, «не соответствует интересам России, не отвечает силам и способностям русского народа. И русское общество должно ясно понять это, общественное мнение должно это громко и во всеуслышание высказать. Признак бессмысленной войны с Японией должен послужить для этого поводом и фактическим осязательным доказательством»⁹⁵. Примерно такой же позиции накануне войны придерживался и П. Н. Милюков. В статье «Изогались», опубликованной в «Освобождении», он писал: «Никто русскому царю больше не поверит. Макбет убил сон, а русское самодержавие убило веру в себя и в официальную Россию»⁹⁶.

Характерно, что и после начала войны земцы-конституционалисты продолжали считать, что «не византийскими адресами, не шовинистическими манифестациями должны мы выражать настроение, а делом, крепостью духа, сознанием важности исторического момента»⁹⁷. Они надеялись, что в новой исторической реальности «русскому государю должно сделаться ясным, что не в чиновнически бюрократическом строе сила России, а в бьющей свежим ключом молодой силе самого народа»⁹⁸.

Что касается левого сегмента либерализма – освободителей, то разброс мнений в их среде был более широк. Это сразу же нашло отражение на страницах «Освобождения». Так, Струве не раз высказывал надежду, что русско-японская война должна послужить фактором пробуждения самосознания русского общества, а разбуженное чувство патриотизма, в свою очередь, подтолкнет его к активным действиям против самодержавия. Эта позиция Струве нашла выражение в одновременном выдвижении им двух лозунгов: «Да здравствует армия!» и «Да здравствует свободная Россия!». «Русское войско, – писал Струве, – всегда героически исполняло свой долг. Тяготы, которые понесет русский народ, человеческие жертвы, которых будет стоить война, будут острой болью отзываться в сердцах всех русских людей. Но сочувствие героям-страдальцам пусть пробудит в русских людях негодование против тех, кто своим легкомыслием погнал русский народ далеко от родины занимать ненужные ему земли и отдавать его в жертву кровавой войне. И пусть они твердо помнят, что не на маньчжурских полях, не в горах Кореи, не на водах Китая судьбы, честь и величие России. Пусть слезы матерей и жен, пусть национальная обида и горечь, пройдя через горнило испытываемой мысли, породят чувство гражданской решительности и сознание политической ответственности за судьбы страны. И это будет. Грозное испытание встряхнет равнодушных и сонных, смутит самоуверенных, устыдит торжествующих. Оно будет тем молотом, который выкует русского гражданина»⁹⁹. Проводя аналогию с Крымской войной, Струве подчеркивал, что как «севастопольское зарево» стало зарей общественного возрождения России, так и война на Дальнем Востоке должна стать мощным стимулом ее современного общественного развития.

⁹⁵ Освобождение. 1904. № 18(42). С. 313–315.

⁹⁶ Освобождение. 1904. № 15–16(39–40). С. 265.

⁹⁷ Освобождение. 1904. № 22(46). С. 407.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Освобождение. 1904. № 18(42). С. 319.

Струвистская идея соединить в неразрывное целое «патриотизм» и «гражданственность» подверглась критике со стороны П. Н. Милюкова. Соглашаясь со Струве, что «на русской оппозиции лежит нравственный долг – рассеять тот омерзительный туман, который в настоящее время густой и смрадной пеленой расползается над русским болотом, одуряя, по-видимому, довольно крепкие головы», Милюков писал: «Вы, очевидно, надеетесь выделить “гражданское чувство” из “безобразной смеси” и на этом основано ваше искание “общей почвы”». Мой оптимизм, подчеркивал Милюков, так далеко не идет, «я не рассчитываю на возможность повлиять на проявления русского шовинизма», не делая ему уступок, которые «противоречат моему мировоззрению». Поэтому «я и предлагал – не взять их в руки, что невозможно, а, по крайней мере, хоть локализовать эти проявления возможно резким отказом от всякой солидарности с ними»¹⁰⁰. По мнению Милюкова, единственно приемлемым в данный момент лозунгом для либеральной оппозиции является лозунг «Долой самодержавие!», вокруг которого и должны быть объединены все общественно-политические силы, входящие в единый фронт освободительного движения в России.

Под влиянием критики Милюкова Струве вынужден был признать, что «единственно разумной, единственно нравственной, единственно патриотической мыслью» является требование «необходимости немедленного прекращения войны»¹⁰¹. Не случайно в № 57 «Освобождения» была опубликована прокламация «Народ и война», авторами которой были И. И. Петрункевич и кн. Петр Долгоруков. В прокламации говорилось: «Для русского народа теперь настало время потребовать от царя себе конституции и освободиться от притеснений. Довольно уже безропотно пролито на русской земле народной крови, пота и слез. Теперь народу приходится еще беспрекословно проливать свою кровь в китайской Маньчжурии и лить новые слезы по ушедшим туда отцам и братьям. Эти жертвы ненужной и пагубной войны народ приносит безмолвно и покорно. Народ вправе потребовать смены теперешнего чиновничьего правительства и добиться новых порядков. Народу следует уничтожить единоличное самодержавное правление царя с подчиненными ему чиновниками и добыть себе конституцию.

Долой самодержавие!

Да здравствует конституция!»¹⁰².

Этот «простой по форме и вразумительный по содержанию призыв народа к борьбе за политическое освобождение» безоговорочно был поддержан и Струве.

Таким образом, к осени 1904 г. эти два требования стали едиными для подавляющего большинства освободителей и земцев-конституционалистов. Процесс освобождения «либеральных голов» от «маньчжурского патриотизма» в основном был завершен.

Одновременно русско-японская война ускорила процесс дальнейшего размежевания сил в либерализме. Дело в том, что освободители в целях создания единого фронта освободительного движения вступили в переговоры с представителями революционных партий и организаций. 30 сентября – 2 октября 1904 г. в Париже состоялась конференция оппозиционных и революционных партий. Помимо членов «Союза освобождения» (П. Н. Милюков, П. Б. Струве, кн. Петр Д. Долгоруков, В. Я. Богучарский), на конференции присутствовали представители семи политических партий и организаций: Партия социалистов-революционеров (В. М. Чернов и Е. Азеф), Польская социалистическая партия (В. Иодко-Наркевич, Б. Анджеевский, К. Келлес-Крауз), Латышская социал-демократическая партия (Ф. Озолс), Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров (Г. Деканозов, Габуния), Армянская революционная федерация (М. Варанданян), Польская национальная лига (З. Балицкий и Р. Дмовский), Финская партия активного сопротивления (К. Циллиакус и А. А. Неовиус).

¹⁰⁰ Освобождение. 1904. № 21(45). С. 378.

¹⁰¹ Освобождение. 1904. № 52. С. 39.

¹⁰² Освобождение. 1904. № 57. С. 120.

Учитывая, что сложный и противоречивый процесс подготовки и работы данной конференции обстоятельно освещен в монографии К. Ф. Шацилло¹⁰³, остановлюсь на итоговых документах, принятых участниками этого необычного партийного форума. Декларация оппозиционных и революционных организаций, опубликованная в № 17 «Листка “Освобождения”», содержала в себе три базовых требования, признанных общими для всех подписавших ее партий и организаций: 1) уничтожение самодержавия; отмена всех мер, нарушивших конституционные права Финляндии; 2) замена самодержавного строя свободным демократическим режимом, избранным на основе всеобщей подачи голосов; 3) право национального самоопределения, гарантированная законами свобода национального развития для всех народностей; устранение насилия со стороны русского правительства по отношению к отдельным нациям. Во имя этих основных принципов и требований, подчеркивалось в Декларации, участники конференции «соединяют свои усилия для ускорения неизбежной гибели абсолютизма, однако несовместимого с достижением всех тех дальнейших разнообразных целей, которые ставит себе каждая из этих партий». Для координации действий было решено создать в России Посредническое бюро, задача которого сводилась исключительно к «организации сношений и передачи известий». Однако Бюро не имело право «руководить действиями партий, в нем участвующих». Как видим, участники Парижской конференции, согласившись с «общими принципами и требованиями», предпочли сохранить «свободу рук» в определении тактики их достижения.

В отличие от освободенцев, которые решились пойти на прямое соглашение с революционными партиями, земцы-конституционалисты придерживались более умеренной позиции. Тем не менее под их непосредственным воздействием ноябрьский общеземский съезд принял важные «конституционные решения», о которых подробно говорилось в первом разделе данной главы. Более того, земцы-конституционалисты вместе с освободенцами приняли активное участие в организации и проведении банкетной кампании. По подсчетам К. Ф. Шацилло, банкеты прошли в 34 городах, в них приняли участие 50 тыс. человек¹⁰⁴.

Распространение конституционных идей в широких демократических слоях населения должно было способствовать «перенастройке» их сознания в либеральном духе. Либералы надеялись, что переход к конституционному режиму позволит демократическим массам, используя институты представительной власти, приобщиться к политическому управлению страной, научиться самим вырабатывать и принимать решения, а также нести за них ответственность.

Теоретики и политики либерализма рассчитывали, что и социалистические партии в условиях конституционного режима будут вынуждены приблизить свою тактику к новым легальным условиям. «Всякая конституция, – писал Струве, – как бы она ни была недемократична, сама по себе создаст такие условия для борьбы радикальных элементов, при которых с этими элементами придется считаться все более и более, как с непосредственными представителями народных масс. В конституционной России социал-демократия перестанет быть тем, чем она является теперь – интеллигентской организацией, выражающей интересы и формирующей потребности пролетариата, а станет подлинной пролетарской или рабочей партией. В конституционной России заговорит от себя и крестьянство... И можно с полной уверенностью сказать, что только демократическая реформа сразу введет и рабочий класс, и крестьянство в нормальное русло отстаивания своих интересов мирными средствами законной борьбы за право»¹⁰⁵.

¹⁰³ См.: Шацилло, К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. С. 232–252.

¹⁰⁴ Там же. С. 294.

¹⁰⁵ Освобождение. 1904. № 58. С. 130.

Однако надежды либералов на мирный исход борьбы общественных сил против самодержавия оказались иллюзорными, их перечеркнули события Кровавого воскресенья. В России началась народная революция. Либералы незамедлительно отреагировали на расстрел мирной демонстрации рабочих в Петербурге. В статье «Палач народа» Струве писал: «На улицах Петербурга пролилась кровь и разорвалась навсегда связь между народом и этим царем... После событий 22/9 января 1905 г. царь Николай стал открыто врагом и палачом народа. Больше этого мы о нем не скажем; после этого мы не будем с ним говорить. Он сам себя уничтожил в наших глазах – возврата к прошлому нет. Эта кровь не может быть прощена никем из нас.

...Вчера еще были споры и партии. Сегодня у русского освободительного движения должны быть едино тело и един дух, одна двуединая мысль: возмездие и свобода во что бы то ни стало. Клятвой эта мысль жжет душу и неотвязным призывом гвоздит мозг.

...Против ужасных злодеяний, совершенных по приказу царя на улицах Петербурга, должны восстать все, в ком есть простая человеческая совесть. Не может быть споров о том, что преступление должно быть наказано и что корень его должен быть истреблен. Так дальше жить нельзя. Летопись самодержавных насилий, надругательств и преступлений должна быть закончена. Ни о чем другом, кроме возмездия и свободы, ни думать, ни писать нельзя. Возмездием мы освободимся, свободой мы отомстим»¹⁰⁶.

Однако вскоре эмоции в освободительной среде, где уже заговорили о необходимости подготовки царевубийства, сменились более трезвыми размышлениями о том, какие следует принять меры общественного характера. Дело в том, что освободителям в одинаковой степени была невыгодна и «анархия самодержавия», и «анархия массового движения». Не сомневаясь в преступности действий самодержавного режима, освободители опасались, что стихия массовых выступлений может привести к анархии и хаосу, которые, подобно «анархии самодержавия», могут «взорвать» ситуацию и привести к гражданской войне.

Из этой логики рассуждений Струве и вытекали его призывы к либеральной общественности немедленно вмешаться в ход революционных событий и, пока не поздно, попытаться направить их в конструктивное русло борьбы за конституцию и созыв законодательного народного представительства. В целях предотвращения анархии и хаоса в стране Струве рекомендовал создать общественные комитеты самообороны, которые, по его замыслу, должны были решить двуединую задачу: с одной стороны, выполняя собственно полицейские функции, «вооруженной рукой хорошенько проучить» генералов, офицеров и рядовых черных сотен, а с другой – развиваться в «организации с более широкими политическими задачами».

Помимо комитетов самообороны, Струве предлагал создать комитеты реформ, которые должны были объединить все политические силы в единый фронт борьбы против самодержавия. Кроме того, Струве призывал освободителей немедленно развернуть пропаганду среди рабочих и крестьян. Центральной идеей этой пропаганды «должна быть мысль, что широкая аграрная реформа и законодательство в пользу рабочих возможны только при том условии, что законодательная власть будет принадлежать собранию народных представителей, избранному на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов, при полном обеспечении свободы печати, союзов, собраний и стачек». Струве настаивал на том, что освободителям следует признать революцию законной и попытаться овладеть ею в самом начале и «вдвинуть ее в русло закономерной социальной реформы, осуществляемой в связи с полным политическим преобразованием страны теми средствами, которые даст демократическая конституция». «Революцию, – не раз подчеркивал Струве, – победить нельзя, революцией можно только овладеть»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Освобождение. 1905. № 64. С. 233.

¹⁰⁷ Освобождение. 1905. № 67. С. 282.

Важно обратить внимание и на тот факт, что Струве одним из первых заговорил о необходимости привлечения на сторону либеральной оппозиции армии. «В настоящий момент, – писал он, – безусловно необходима усиленная конституционно-демократическая пропаганда среди офицерства... Необходимо доказывать, что армия может и приобрести новые силы и возродиться, только духовно сблизившись с прогрессивными силами нации, ведущими освободительную борьбу, и отшатнувшись от самодержавия». Вскоре после Кровавого воскресенья Струве опубликовал «Открытое письмо к офицерам русской армии, участвовавшим и не участвовавшим в петербургской бойне 9-го января». «В великих судьбах великого народа, – писал он, – вы можете сыграть крупную роль. Станьте на сторону свободы, протяните вашу руку угнетенным. И прежде чем вы успеете взяться за меч в борьбе за свободу, от одного вашего решения – не служить более насилию и произволу, – рухнет твердыня самовласти»¹⁰⁸.

Среди освобожденцев было немало тех, кто вообще не верил в мирный исход революционных событий в России. «Трагизм современного положения, – писал В. Д. Набоков в статье с характерным названием «Без исхода», – состоит в том, что мирный и нормальный исход начавшейся и уже не могущей быть насильственно прекращенной борьбы фактически неосуществим и немыслим. Последние события это показали воочию и наглядно каждому зрящему... Политическая свобода воздвигнется лишь на развалинах этого строя... Если для торжества русского освободительного движения единственным препятствием окажется сопротивление Николая II, то не надо быть пророком для того, чтобы предсказать, каким способом это препятствие будет устранено»¹⁰⁹.

Однако мысль Набокова о возможном переходе мирной фазы общественного движения в фазу вооруженной борьбы против самодержавия не была поддержана Струве. В статье «В чем исход», опубликованной в том же номере журнала «Освобождение», что и статья Набокова, Струве призвал не увлекаться «катастрофическими предчувствиями», а немедленно приступить к «активной тактике», суть которой должна состоять «в активной организации общественного мнения», что позволит избежать перехода к открытой вооруженной борьбе с самодержавием.

Одновременно Струве призвал к более активным тактическим действиям земцев-конституционалистов, убеждая их в необходимости приблизить свою программу к освободительной, начать ее пропагандировать среди крестьянства. В результате такой пропаганды, по мнению Струве, будут «созданы психологические предпосылки народного восстания против упорствующего правительства». Без «подобного состояния умов широких слоев населения никакая материальная подготовка не может обеспечить успешного восстания, а там, где психологические предпосылки восстания налично, самый материальный факт вооруженного нападения народа на правительство может (хотя и не обязательно должен) стать излишним, так как против духовного восстания коренного населения всякое правительство по существу бессильно, и вопрос лишь в том, достаточно ли скоро (для населения) способно правительство понять несостоятельность своей позиции»¹¹⁰. Демократическая программа, став подлинно народной, должна, по мнению Струве, обеспечить «России завоевание политической свободы и удовлетворение назревших народных нужд»¹¹¹. Как видим, Струве не возражал против психологической подготовки вооруженного свержения самодержавия. Однако он считал неприемлемым его материально-техническую подготовку, на которой настаивали революционные партии и организации.

¹⁰⁸ Освобождение. 1905. № 66. С. 258.

¹⁰⁹ Освобождение. 1905. № 68. С. 290, 294.

¹¹⁰ Освобождение. 1905. № 68. С. 295.

¹¹¹ Освобождение. 1905. № 69–70. С. 307.

Теоретические рассуждения Струве о необходимости выработки более жесткой тактической линии поведения неоднозначно воспринимались различными сегментами либерализма. Правое крыло либерализма – шиповцы и значительная часть земцев-конституционалистов – по-прежнему готовы были ухватиться, как утопающий за соломинку, за малейшую уступку правительства, усматривая в ней «шаг» к примирению с либеральной оппозицией. Достаточно было власти заговорить о возможности созыва законосовещательного представительства, издать 18 февраля 1905 г. рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина, как не только правое крыло либералов, но и его «центр» в лице земцев-конституционалистов и даже умеренные освобожденцы сразу же проявили готовность «зацепиться» за эту правительственную уступку. В № 75 «Освобождения» была опубликована статья Милюкова с примечательным названием «Идти или не идти в Государственную думу?», в которой обосновывалась необходимость участия либералов в избирательной кампании в совещательное народное представительство. «Каковы бы ни были недостатки Булыгинской избирательной системы, – подчеркивал Милюков, – она, во всяком случае, делает прямое влияние властей на выборах – довольно затруднительным. Старое земское положение, по которому предположено производить выборы, даст и земский либеральный состав депутатов. При этих условиях отказываться от участия в выборах – значило бы добровольно отказаться от продолжения борьбы при условиях, несравненно более благоприятных, чем те, при которых земские и городские деятели вели эту борьбу до сих пор»¹¹².

По сути, Милюков поддержал решения, принятые на февральском съезде «Союза земцев-конституционалистов» о необходимости участия в избирательной кампании в булыгинскую законосовещательную думу. Характерно, что даже Набоков, совсем недавно занимавший ультрарадикальную позицию в отношении власти, в статье «Лже-конституция и форма дальнейшей борьбы» предлагал своим единомышленникам «принять вызов правительства» и приступить к подготовке избирательной кампании на основе «определенной программы». «До сих пор, – писал Набоков, – приходилось бороться голыми руками, теперь в эти руки попало оружие: пусть оно ржаво, тупо, несовершенно – бросать его не приходится»¹¹³.

Против бойкота Булыгинской думы высказался IV съезд «Союза освобождения». Большинство съезда, признав за меньшинством право бойкота законосовещательной думы, заявило, что «воздержание от участия в выборах» не даст практических результатов, в то время как участие в избирательной борьбе «даст возможность воспользоваться новыми путями в деле пробуждения действенной политической мысли». «Ввиду этого Союз, – подчеркивалось в резолюции съезда, – не находит возможным рекомендовать своим членам устранение от участия в выборах, и вместе с тем полагает, что члены Союза могут вступать в Государственную думу не ради участия в текущих повседневных законодательных работах, а исключительно с целью борьбы за введение в России действительных конституционных свобод и учреждений на демократических основаниях, не стесняясь при этом перспективной возможности открытого разрыва с существующим правительством»¹¹⁴.

Развернутое обоснование тактики либералов, как в ходе избирательной кампании, так и в самом законосовещательном представительстве, дано в статье И. И. Петрункевича «Государственная дума и задачи демократической тактики», опубликованной в № 78/79 журнала «Освобождение». Государственная дума, по мнению Петрункевича, «может быть лишь одним из орудий политической борьбы, но никоим образом не единственной ее ареной». «Нервом» же избирательной кампании должно стать «вовлечение в борьбу широких народно-общественных сил», их «организация и руководство ими». Кроме того, важно использовать избиратель-

¹¹² Освобождение. 1905. № 75. С. 418.

¹¹³ Освобождение. 1905. № 76. С. 445.

¹¹⁴ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. С. 380.

ную кампанию в «целях агитации, сориентировав выборщиков на конфликт с правительством» на «почве определенных требований», которые должны быть «в соответствующий момент» подкреплены «угрозой бойкота». Петрункевич полагал несвоевременным ставить в данный момент вопрос о предвыборных соглашениях и коалициях с другими общественно-политическими группами. Но для успешного проведения избирательной кампании «необходимо немедленно создать партию»¹¹⁵.

Несколько дальше в деле мобилизации общественных сил шел Милюков, по мнению которого, земская среда должна в результате ее участия в избирательной кампании стать более сплоченной и организованной, а это крайне важно для решения в недалеком будущем общегосударственных вопросов. Милюков считал, что земцам нужно внушить мысль, что «действительная сила и власть на местах может и должна принадлежать выборным органам населения», что «всякий шаг к фактическому завоеванию этой власти – есть шаг к прекращению правительственной смуты и к созданию элементов нового порядка». При этом он делал существенную оговорку: «Это не значит, конечно, что мы советуем представителям самоуправления немедленно провозгласить себя временным правительством. Но элементы будущего временного правительства, если ход событий сделает его необходимым, должны приготовиться в их среде. Приобретение контроля над органами местного самоуправления и выступление на путь самостоятельных действий, прежде всего в кругу собственных местных полномочий – будет для этих представителей переходным этапом к тому, чтобы вполне осознать себя властью, способною заменить дискредитированные и бессильные органы правительства»¹¹⁶. Задачу освободителей Милюков видел в том, чтобы подтолкнуть земцев-конституционалистов к более решительным формам борьбы против самодержавия.

Отмечу, что давление освободителей на либеральную часть земской среды оказалось довольно успешным. Так, на апрельском общеземском съезде земцы-конституционалисты одержали окончательную победу над шиповским земским меньшинством. После апрельского съезда, по словам Струве, наметилась тенденция к более тесному сотрудничеству между «земской конституционно-демократической группой и широкой массой русской демократической интеллигенции»¹¹⁷.

Потерпев поражение на апрельском съезде, шиповцы приступили к консолидации собственных сил. Как было показано в первом разделе главы, они разработали собственную программу и предложили ее на суд общественности. Кроме того, шиповцы попытались взять реванш за свое апрельское поражение на майском коалиционном съезде земских деятелей, состоявшемся 24–26 мая 1905 г. в Москве. Им удалось «продать» идею посылки царю компромиссного адреса, который должен был создать видимость единства либеральной оппозиции.

Открывая заседания майского коалиционного съезда, его председатель граф П. А. Гейден заявил: «Истребление русского флота поразило всю Россию; люди всевозможных политических фракций пришли к заключению, что продолжение существующего порядка более невыносимо и что правительство, виновное перед народом, долее существовать не может. Если теперь Россия не откликнется и не подаст своего голоса, то она быстро пойдет к полной слабости и распаду на части. Надежда на правительство давно рухнула – таково мнение всех». В этой ситуации соединенное бюро всех либеральных фракций приняло решение обратиться к царю с заявлением, что «единственным исходом из настоящих обстоятельств является немедленный созыв народных представителей»¹¹⁸.

¹¹⁵ Освобождение. 1905. № 78/79. С. 486–487.

¹¹⁶ Освобождение. 1905. №. 74. С. 397.

¹¹⁷ Освобождение. 1905. № 69/70. С. 330–331.

¹¹⁸ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. С. 222.

Дискуссия, развернувшаяся на съезде вокруг предложения Бюро, показала, что среди делегатов нет единого мнения как относительно оценки сложившейся в стране ситуации, так и относительно текста самой петиции. Так, М. И. Туган-Барановский, поддержанный многими делегатами, предлагал выработать «национальную петицию», которая должна быть «разослана во все учреждения и была покрыта миллионами подписей». По мнению же кн. Е. Н. Трубецкого, и без «подписей» всем давно ясно, что «вся нация объединена в требовании немедленного созыва народного представительства». Поэтому, соглашаясь на компромиссный адрес, делегаты съезда должны продемонстрировать свое единство и показать, что «у нас нация, а не партии»¹¹⁹.

Эту идею Трубецкого попытался теоретически обосновать Ф. Ф. Кокошкин, призвавший делегатов «объединиться на три фронта: 1. Ввиду внешнего врага – показать, что у нас нация, а не партии только, и самый факт такого объединения облегчит заключение мира. 2. По отношению к правительству, чтобы оно не воспользовалось разногласиями и знало, что мы все можем и соединиться против внутреннего нашего врага – бюрократии. 3. Мы должны показать единое сердце перед лицом народа и общества. При этом все партии сохраняют свободу действий»¹²⁰.

Демонстрируя «единодушие», большинство съезда отвергло предложение некоторых делегатов конкретизировать формулу народного представительства и методы его созыва. После переработки первоначального проекта адреса кн. С. Н. Трубецкого специальной комиссией в составе В. Е. Якушкина, кн. С. Н. Трубецкого, И. И. Петрункевича, Н. Н. Баженова и кн. Д. И. Шаховского он был принят подавляющим большинством съезда.

Хотя в адресе на имя царя было сказано немало резких и нелицеприятных слов, разоблачающих всем очевидные пороки «ненавистного и пагубного приказного строя», но одновременно в нем содержалась нижайшая просьба к царю – «без замедления» созвать народных представителей, «избранных для сего равно и без различия всеми подданными». Народные представители «в согласии с Вами» должны решить «жизненный вопрос государства, вопрос о войне и мире». «Пусть, – говорилось далее в адресе, – определяют они условия мира или, отвергнув его, превратят эту войну в войну народную. Пусть явят они всем народам Россию, не разделенную более, не изнемогающую во внутренней борьбе, а исцеленную, могущественную в своем возрождении и сплотившуюся вокруг единого стяга народного. Пусть установят в согласии с Вами обновленный государственный строй»¹²¹.

Не менее острую дискуссию на съезде вызвали и выборы депутации, которой поручалось торжественно передать царю адрес. Одни депутаты предлагали ехать к царю всем вместе, другие настаивали на включении в депутацию по 2 человека от каждой представленной на съезде губернии и по 1 человеку от каждого представленного на съезде города (Ковалевский), третьи считали, что состав делегации не должен превышать 3 (5, 7, 10, 15) человек. В итоге большинство (172) высказалось за депутацию из 12 человек. В ее состав вошли граф П. А. Гейден (получивший во время голосования 161 голос), кн. Г. Е. Львов (141), Н. Н. Львов (113), И. И. Петрункевич (106), Д. Н. Шипов (103), кн. Петр Д. Долгоруков (92), Ф. А. Головин (91), кн. Павел Д. Долгоруков (84), Н. Н. Ковалевский (81), Ю. А. Новосельцев (78), Ф. И. Родичев (72), кн. Д. И. Шаховской (68 голосов). Кандидатами были намечены Н. Н. Щепкин и Н. А. Хомяков, получившие 64 и 62 голоса соответственно.

Торжественно обставленный прием царем депутации общеземского съезда, верноподданические речи кн. С. Н. Трубецкого и М. М. Федорова, византийская, как всегда, ответная речь Николая II о необходимости установления, «как было встарь», единения «между царем и всею Русью» на основе порядка, «отвечающего самобытным русским началам», были весьма

¹¹⁹ Там же. С. 222–223, 231.

¹²⁰ Там же. С. 232.

¹²¹ Там же. С. 245.

критически восприняты общественным мнением, ибо все эти церемонии, являвшиеся пережитком средневековой традиции, никак не укладывались в новую политическую реальность, сложившуюся в стране после 9 января 1905 г.

Единственно, кто еще продолжал умиляться этими средневековыми традициями и выражать удовлетворение результатами приема депутации, были шиповцы. Но и они, не успев начать консолидацию своих рядов, вскоре вынуждены были убедиться в провале своей собственной затее об отправке депутации к царю.

Что же касается либерально настроенных земских и городских кругов, то они в своем подавляющем большинстве были разочарованы тактикой, предложенной майским коалиционным общеземским съездом. Это недовольство проявилось и на июньском общероссийском съезде городских деятелей и особенно на июльском общероссийском съезде земско-городских деятелей. В резолюции, принятой июньским съездом, как бы в противовес царским словам о «самобытных русских началах», было подчеркнуто, что народное представительство должно быть основано «на конституционных началах», наделено широкими полномочиями по вопросам законодательства, бюджета, контроля над действиями администрации, получить право законодательного почина¹²².

Еще дальше в своих решениях пошел июльский съезд земско-городских деятелей. Большинство его делегатов, раскритиковав в пух и прах булыгинский проект законосовещательной Государственной думы, избираемой на сословных началах с учетом имущественного ценза, высказалось за принятие собственного проекта конституции, основанного на всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном праве. Впрочем, большинство делегатов съезда выразили готовность принять участие в избирательной кампании в законосовещательную Думу.

В этом плане весьма оригинальным представляется обоснование Ф. И. Родичевым необходимости участия либеральной оппозиции в выборах Булыгинской думы. По его мнению, у либералов нет сил для осуществления бойкота, а если это так, то и не следует «провозглашать то, чего мы сделать не сумеем... Первое правило военного искусства: бежать вовремя и избегать сражения вовремя. Что же, будем мы ждать, пока нам дадут желанные условия? Да этого никогда не будет. Бойкот будет в том случае, если мы, войдя в Думу, первое постановление сделаем: “Мы уходим. Это не настоящее представительство, без которого вы все же уже не можете обойтись. Дайте нам настоящее”. Это будет настоящий бойкот»¹²³.

Эта родичевская идея получила поддержку В. Д. Кузьмина-Караваева, заявившего: «Надо принять то, что нам предлагают, но именно там через своих людей сказать: наша ближайшая задача – нормальные выборы; вторая задача – форма правления; третья – создание нужных нам “свобод”»¹²⁴. Встретиться «с врагом в стане его» предлагал Н. Н. Щепкин, заявивший, что если «мы не пойдем туда, то в Думу залезут члены коннозаводства и обманут народ»¹²⁵. По мнению К. К. Арсеньева, в Европе «все шли в несовершенные собрания и там боролись. Так надо поступить и нам»¹²⁶.

Лишь отдельные делегаты типа А. М. Колюбакина настоятельно рекомендовали не идти «в непотребное учреждение», ибо в противном случае либеральная оппозиция окончательно «погубит себя в глазах населения»¹²⁷. Однако эти одиночные голоса утонули в хоре желающих принять участие в избирательной кампании в Булыгинскую думу. Тем не менее, большинство все же вынуждено было согласиться с предложением Колюбакина, Петрункевича и кн. Петра

¹²² Там же. С. 252–253.

¹²³ Там же. С. 269.

¹²⁴ Там же. С. 270.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. С. 271.

¹²⁷ Там же. С. 270.

Д. Долгорукова обратиться с воззванием к народу. «Мы, – заявил Петрункевич, – можем рассчитывать только на себя и на народ. Скажем же это народу. Не надо туманностей. Благодаря правительству, создано положение, которое санкционирует революции. Революция – факт. Мы должны отклонить ее от кровавых форм. Мы пойдем для этого к народу. Мы заслужим его доверие. Надо смело сказать ему все. Идти с петициями надо не к царю, а к народу»¹²⁸.

Суть принятого съездом обращения «К обществу» состояла в том, чтобы еще раз раскрыть очевидные причины «народного недовольства» и одновременно показать серьезные различия в позициях правительства и либеральной оппозиции. При этом авторы обращения не скрывали своего желания убедить общественное мнение в том, что визит делегации к царю ни в коей мере не означает примирения либеральной оппозиции с властью, что либералы продолжают сохранять верность своим программным лозунгам. Единственно, чему они противились, это насильственному разрешению конфликта между властью и обществом. Не случайно в обращении подчеркивалось, что единственно правильным путем вывода России из кризиса является путь мирный, который и должен привести страну «к новому порядку без великих потрясений, без потоков крови и без тысяч напрасных жертв»¹²⁹.

В логической «связке» с обращением «К народу» следует рассматривать и резолюцию «О приобщении широких масс населения к работе по политическим вопросам», принятую съездом по докладу кн. Петра Д. Долгорукова. В ней общественным деятелям настоятельно рекомендовалось «войти в ближайшее общение с широкими массами населения для совместного с народом обсуждения предстоящей политической реформы, для завоевания необходимых для ее проведения свобод и для приготовления к выборам». В этих целях предлагалось задействовать существующие при земских управах советы, комиссии, участковые попечительства, волостные и сельские сходы, товарищества мелкого кредита и ссудо-сберегательные товарищества, сельскохозяйственные общества и другие сельские организации. Кроме того, в резолюции речь шла о необходимости «входить в сношения и совместно работать со всеми видами профессиональных союзов, соприкасающимися с народом». Особое внимание придавалось «немедленному привлечению сельского и городского населения к участию в обсуждении избирательной системы». Все существующие общественные организации, а также специально создаваемые на местах комитеты должны были взять на себя обязанность ознакомить население с техникой выборов и составления пожеланий, которые «народ передаст своим будущим представителям в момент их выбора». Съезд признал желательным «содействовать распространению среди народа популярно изложенных постановлений и резолюций политического характера, на которых сошлись за последнее время общественные организации», а также «популярной литературы по конституционным и социально-экономическим вопросам и по избирательному праву»¹³⁰.

Как видим, июльский съезд земских и городских деятелей значительно расширил горизонт воздействия либеральной оппозиции на массовое сознание, рассчитывая, во что бы то ни стало, усилить свое влияние в широких демократических кругах населения, убедить их в предпочтительности мирных форм борьбы за конституцию и право.

Более существенные подвижки в тактической линии были намечены на июльском съезде «Союза земцев-конституционалистов». Сделав экскурс в историю предшествующей деятельности Союза, кн. Д. И. Шаховской заявил, что земцы-конституционалисты выполнили подготовительную задачу направить общеземские съезды на путь принятия ими конституционных решений, поэтому на очереди «стоит задача объединения земских сил с общенародными». Для ее решения Шаховской предложил расширить рамки земской конституционной группы за счет

¹²⁸ Там же. С. 277.

¹²⁹ Там же. С. 302.

¹³⁰ Там же. С. 295–296.

привлечения городских гласных и других общественных деятелей, включая представителей третьего земского элемента.

Это предложение Шаховского было конкретизировано в докладе кн. Петра Д. Долгорукова. Князь считал, что ввиду предстоящих выборов в Булыгинскую думу крайне важно организовать на местах губернские и уездные агитационные и избирательные комитеты. Кроме того, «в целях выработки однородного отношения к булыгинскому проекту» он рекомендовал созвать «областные и губернские съезды губернских и уездных земских и городских гласных», что позволит выявить общее настроение «всей земской и общественной России». В результате этих мероприятий, считал Долгоруков, население будет подготовлено к более «сознательному и активному участию в происходящем освободительном движении»¹³¹.

Разделяя идеи Шаховского и Долгорукова о необходимости объединения всех оппозиционных сил в ходе будущей избирательной кампании в законосовещательную Думу, Милюков предложил съезду обсудить вопрос об отношении «Союза земцев-конституционалистов» к «Союзу союзов». Ему было важно знать мнение земцев-конституционалистов еще и потому, что в мае 1905 г. Милюков возглавил эту массовую демократическую организацию.

В ходе обсуждения поставленного Милюковым вопроса обнаружился широкий разброс мнений. Так, граф Гейден, кн. Е. Н. Трубецкой, Ю. А. Новосильцев, В. М. Петрово-Соловово считали позицию «Союза союзов» крайне революционной. Поэтому дальнейшее, даже формальное, вхождение в «Союз союзов» «Союза земцев-конституционалистов», по их мнению, не отвечало курсу либеральной оппозиции. Однако большинство выступавших посчитало необходимым продолжение тесного сотрудничества с «Союзом союзов», что, по их мнению, позволило бы «умерить» крайности принимаемых им решений. Не следует также забывать то обстоятельство, что «Союз союзов» рассматривался в качестве резервуара для пополнения рядов будущей конституционно-демократической партии. «Я считаю, – заявил кн. Петр Д. Долгоруков, – что нам необходимо дружно, рука об руку работать совместно с широкими слоями интеллигенции, а потому участие наше в Союзе Союзов не должно составлять никакого вопроса. Мы сами по себе ведь окажемся совершенно бессильными, как только мы приступим к практическим действиям на местах»¹³². По мнению Родичева, «отказ земской группы от участия в Союзе Союзов в настоящее время явится только демонстрацией, подобной выходу с общеземского съезда курских реакционеров, и окажет, в результате, обратное воздействие на Союз Союзов, а именно отклонит его еще быстрее и далее влево, куда он и без этого слишком уклоняется. Союзная организация только что начинает оформляться, и мы обязаны со своей стороны вложить в нее нашу силу, которая вместе с другими составит некоторую равнодействующую»¹³³. В результате большинство съезда проголосовало за «участие в Союзе Союзов через посредство уполномоченных делегатов», право назначения которых предоставлялось Бюро «Союза земцев-конституционалистов».

Еще более решительными были тактические решения августовского съезда «Союза освобождения». Согласившись с идеей участия в избирательной кампании в Булыгинскую думу, делегаты съезда заявили, что «члены Союза могут вступать в Государственную думу не ради участия в текущих повседневных законодательных работах, а исключительно с целью борьбы за введение в России действительных конституционных свобод и учреждений на демократической основе». При этом они должны учитывать и вполне возможную перспективу «открытого разрыва с существующим правительством»¹³⁴.

¹³¹ Там же. С. 361.

¹³² Там же. С. 364.

¹³³ Там же. С. 365–366.

¹³⁴ Там же. С. 380.

Съезд рекомендовал «Союзу освобождения» войти в сношения не только с «Союзом союзов», но и с Всероссийским крестьянским союзом. При этом местным группам «Союза освобождения» рекомендовалось «всеми мерами содействовать учреждению местных крестьянских союзов на почве платформы, соответствующей основным положениям Союза Освобождения и посылке союзами делегатов на Всероссийский съезд крестьянских союзов». Одновременно было рекомендовано задействовать земские экономические и другие советы, где к ним привлекаются крестьянские представители, мелкие сельскохозяйственные и потребительские общества, кредитные товарищества и т. п.¹³⁵

Дальнейшие подвижки в консолидации либеральной оппозиции произошли на сентябрьском общероссийском съезде земских и городских деятелей, которому удалось «снять» основные программные и тактические разногласия между земцами-конституционалистами и освободителями. Это открывало путь к их совместному участию в подготовке учредительного съезда конституционно-демократической партии.

Раскритиковав очередной раз Булыгинскую думу, которая не является «народным представительством в истинном смысле этого слова», съезд, тем не менее, посчитал, что она может послужить «средоточием и точкой опоры для общественного движения, стремящегося к достижению политической свободы и правильного народного представительства». Съезд призвал население к активному участию в ее выборах на следующей политической платформе: 1) «полное и всестороннее проведение в практику государственного управления начала законности, равно обязательного как для частных лиц, так и для представителей самой власти»; 2) «признание полного равенства личных (гражданских и политических прав) всех граждан»; 3) «признание и немедленное проведение в жизнь начал неприкосновенности личности и частного жилища; обеспечение свободы совести и вероисповедования, свободы слова и печати, свободы собраний и союзов, свободы передвижения при отмене паспортной системы»; 4) «учреждение народного представительства, участвующего в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью и правильностью действий высшей и низшей администрации»; 5) в основу организации народного представительства «должны быть положены выборы представителей от населения путем всеобщей, равной и тайной подачи голосов»; 6) образование, наряду с представительным собранием, особого представительства «от реорганизованных на демократических началах и распространенных на всю Российскую империю органов местного самоуправления; обе палаты должны быть равноправны»; 7) полное отделение судебной власти от административной, восстановление института выборного мирового суда, отмена смертной казни; 8) повсеместное снятие положений об усиленной охране и о введении военного положения; отмена других исключительных законов¹³⁶.

Съезд принял решение о создании в Петербурге Центрального избирательного комитета в следующем составе: К. К. Арсеньев, граф П. А. Гейден, В. Д. Набоков, В. Д. Кузьмин-Караваев, Ф. И. Родичев, М. М. Федоров, М. И. Петрункевич, Н. А. Опель, С. А. Муромцев, А. Н. фон Рутцен, П. Н. Милюков и М. М. Ковалевский.

Съезд принял также «Обращение к избирателям». Как и следовало ожидать, это обращение было таким же амбивалентным, как и все предыдущие. С одной стороны, в нем содержалась критика закона 6 августа 1905 г., который «не дал ничего, что могло бы действительно устранить недостатки нашего теперешнего строя и вывести Россию из тяжелого положения». С другой стороны, съезд призывал избирателей непременно принять самое активное участие в выборах, а также избрать таких депутатов, которые могли бы заняться дальнейшим «усовершенствованием» Думы, проявили бы решительность в отстаивании программных лозунгов

¹³⁵ Там же. С. 381.

¹³⁶ Там же. С. 392–393.

либеральной оппозиции. Изложив содержание этих требований, съезд призвал избирателей объединиться вокруг трех «боевых» лозунгов: «1) Обеспечение прав личности, свобода слова и печати, свобода сходов, собраний, союзов. 2) Установление выборов на основе всеобщего избирательного закона. 3) Решающий голос Думы в законодательстве и право действительного контроля над бюджетом и администрацией»¹³⁷. В заключении «Обращения» подчеркивалось, что только «скорейшим осуществлением этих первых насущных задач можно успокоить страну, вывести ее из теперешнего тяжелого положения, направив все ее силы к действительному обновлению и широкому развитию нашей жизни, обеспечить правильное и целесообразное удовлетворение нужд и потребностей народа»¹³⁸.

Не успели земцы-конституционалисты и освобожденцы достигнуть объединяющих их программных и тактических решений, как власть внесла раскол в столь трудно достигнутое единение либеральных рядов. 17 октября 1905 г. был опубликован Манифест, провозгласивший введение гражданских и политических свобод, а также объявивший о созыве законодательной Думы. Расценив Манифест как «настоящую конституцию», часть либеральной оппозиции выразила готовность «замириться» с властью. Об этой перемене в позиции либералов ярко свидетельствует дискуссия, развернувшаяся между представителями разных сегментов в либерализме на общероссийском съезде земских и городских деятелей, состоявшемся в Москве 6–13 ноября 1905 г.

Некоторые делегаты (кн. Е. Н. Трубецкой, кн. Павел Д. Долгоруков, В. Д. Кузьмин-Караваев, М. А. Стахович, Н. С. Волконский, М. В. Красовский, А. И. Гучков) заявили, что пока «мы стоим на почве Манифеста 17 октября, мы должны поддержать правительство». Другие депутаты (Ф. И. Родичев, И. Л. Шраг, Ф. В. Татаринов, Н. А. Шишков, А. М. Масленников) предлагали оказать правительству поддержку только в том случае, если оно будет выполнять требования либеральной оппозиции¹³⁹. И. Л. Шраг, Ф. В. Татаринов, А. М. Масленников, А. М. Колубакин, И. В. Лучицкий продолжали настаивать на созыве Учредительного собрания. Однако их позиция не встретила поддержки со стороны большинства съезда, предпочитавшего, по выражению Милюкова, «держаться серединной линии». Так, М. М. Ковалевский, выступивший против созыва Учредительного собрания, заявил: «В России я – монархист, и все собравшиеся здесь монархисты»¹⁴⁰. По его мнению, используемый термин «Учредительное собрание» следует заменить другим – «первое собрание народных представителей». Поддержав Ковалевского, Гейден пошел дальше, высказавшись против прямого голосования, ибо, по его мнению, нельзя «вводить самый совершенный механизм политической жизни в нашу малокультурную страну»¹⁴¹.

Принятая съездом политическая резолюция заслуживает особого исследовательского внимания. Делегатам съезда пришлось принимать ее по частям, ибо фактически каждый ее пункт вызывал острые дискуссии. В первой части резолюции содержалась оценка Манифеста 17 октября («драгоценное завоевание русского народа»), выражалась полная солидарность с его «конституционными началами», немедленное осуществление которых должно стать «необходимым условием истинного умиротворения страны». Высказав критику в адрес правительства за медлительность и нерешительность в деле проведения начал Манифеста 17 октября в жизнь, съезд заявил, что министерство Витте «может рассчитывать на содействие и поддержку широких слоев земских и городских деятелей» лишь в том случае, если оно будет «проводить конституционные начала Манифеста правильно и последовательно». В противном случае

¹³⁷ Там же. С. 400–403.

¹³⁸ Там же. С. 403.

¹³⁹ Там же. С. 440–441.

¹⁴⁰ Там же. С. 460.

¹⁴¹ Там же. С. 462.

малейшее отступление «от этих начал встретит в земских и городских сферах решительное противодействие».

В резолюции подчеркивалось, что «единственным способом обеспечить авторитет народного представительства и опирающейся на него власти» является «немедленное издание акта» о «скорейшем созыве народных представителей» на основе всеобщего, прямого и тайного голосования. При этом указывалось на необходимость «формальной передачи первому собранию народных представителей учредительных функций для выработки, с утверждения Государя, конституции российской империи для переустройства на демократических началах земского и городского самоуправления и для проведения иных мер, необходимых при установлении нового правопорядка». Кроме того, на первое собрание народных представителей возлагалось «установление основных начал земельной реформы», а также «принятие необходимых мер в области рабочего законодательства»¹⁴².

Во второй части резолюции съезд рекомендовал власти, не дожидаясь созыва народных представителей, осуществить следующие мероприятия:

- немедленно ввести обещанные Манифестом 17 октября политические свободы и отменить «все действующие временные правила и исключительные законы»;
- провести специальное расследование с участием общественности «о погромах и насилиях», имевших место в «ближайшие дни до и после опубликования Манифеста»; представителей администрации и полиции, виновных в «допущении погромов и насилий», предлагалось привлечь к «законной ответственности»;
- осуществлять управление страной «всеми органами администрации от высших до низших» на «конституционных основаниях»; подчеркивалась необходимость обновления всего личного состава администрации;
- привлечь к уголовной и гражданской ответственности «в общем порядке судопроизводства наравне со всеми прочими гражданами» должностные лица, независимо от занимаемого ими ранга, за «совершенные ими при отпавлении их обязанностей нарушения закона»;
- издать временные правила, расширяющие права земств и городов по охране общественной безопасности;
- отменить смертную казнь¹⁴³.

Не менее важными представляются итоги поименного голосования отдельных пунктов политической резолюции. Так, по вопросу об избирательном праве 174 делегата высказались за прямые выборы, 32 – за двухстепенные, 28 – за прямые для городов и двухстепенные для деревни. Большинство делегатов (137 голосов) высказалось против требования созыва Учредительного собрания и только 80 поддержали его. За передачу первому собранию народных представителей учредительных функций высказались 204 делегата, против 23. Предложение об отмене всех исключительных законов, «тяготеющих над отдельными вероисповеданиями и национальностями», принято большинством голосов против четырех¹⁴⁴. Как видим, по целому спектру принципиальных политических вопросов делегатам съезда так и не удалось достигнуть единства.

Не стал исключением и национальный вопрос. Внесенная Ф. Ф. Кокошкиным от имени Бюро резолюция по статусу Польши была в штыки встречена рядом делегатов съезда. Кокошкин предлагал съезду подтвердить ранее принятое сентябрьским съездом решение о предоставлении автономии Польше и обратиться к правительству с требованием о немедленной отмене военного положения в Польше, которое противоречило положениям Манифеста 17 октября и могло осложнить международное положение России. Как Кокошкин ни пытался доказать, что

---

¹⁴² Там же. С. 477.

¹⁴³ Там же. С. 482.

¹⁴⁴ Там же. С. 477.

решение сентябрьского съезда об автономии Польши не противоречит либеральным представлениям о единстве империи, его выступление вызвало острые споры.

Выступивший с критикой А. И. Гучков заявил: «Если вы требуете немедленно снять там военное положение, то возьмите ответственность на себя за сохранение порядка. А если там будет восстание, польются потоки крови, и немцы явятся умирять страну, – возьмете ли вы на себя в этом ответственность?»¹⁴⁵. Слова Гучкова повысили градус эмоциональной реакции делегатов. По мнению Струве, военное положение «не может устранить экономической дезорганизации ни у нас, ни в Польше. Штыками нельзя добывать каменного угля, они не заменят ни маховика, ни ткацкой машины». Обращаясь непосредственно к Гучкову, Струве заявил: «Вы, Александр Иванович, желаете порядка. Автономия и даст Польше порядок. Почему же вы, человек порядка, Гучков Москвы и России, обезоруживаете Гучковых Польши?»¹⁴⁶.

Позицию Струве разделили кн. Петр Д. Долгоруков, считавший, что требование автономии Польши есть начало осуществления «великой славянской идеи», и многие другие делегаты съезда. Так, по мнению С. А. Котляревского, «дать автономию подсказывает и холодный государственный расчет – этого требует и русский патриотизм». И. Л. Шраг заявил, что автономия «будет способствовать объединению и усилению России и уничтожит всякого рода центробежные стремления». Е. В. де Роберти считал, что «через автономию польские граждане делаются равными русским гражданам». Характерно, что некоторые делегаты, например М. М. Ковалевский, предложили все же заменить иностранное слово «автономия» русским термином – «широкое областное самоуправление с правом законодательного решения местных вопросов, издания местных законов».

Оказавшись почти в изоляции, Гучков (в его поддержку высказались лишь А. О. Немировский, М. В. Красовский, Бодиско), тем не менее, продолжал отстаивать свою позицию, правда, уже с оговоркой, что окончательное решение вопроса о предоставлении Польше автономии следует отложить до Думы.

После продолжительных дебатов ноябрьский съезд земских и городских деятелей большинством голосов (против 10) принял резолюцию по вопросу об автономии Царства Польского. Подтвердив решение сентябрьского съезда земских и городских деятелей о предоставлении Польше автономного устройства, съезд в резолюции особо подчеркнул, что это «разрешение польского вопроса не только не имеет ничего общего с понятием отделения Польши от России, но, напротив, представляется необходимым для прочного обеспечения целостности и могущества империи». В резолюции перечислялись меры, необходимые «для умиротворения края»: 1) отмена военного положения; 2) «включение в круг вопросов, подлежащих разрешению первого собрания народных представителей Российской империи, вопроса о введении в Царстве Польском автономного устройства при условии сохранения государственного единства империи»; 3) издание распоряжения о введении польского языка в учебных заведениях и администрации края¹⁴⁷.

Однако после принятия данной резолюции потребовалось дополнительное голосование по вопросу о включении пункта о польской автономии в общую политическую резолюцию. За это предложение проголосовало большинство делегатов против 16. После же вставки в общую резолюцию пункта о польской автономии она была принята 156 голосами (против 12 и два воздержавшихся)¹⁴⁸.

Обсуждение польского вопроса стало своего рода «спусковым крючком» для постановки национального вопроса в полном объеме. На этом настаивали литовцы, латыши, грузины,

¹⁴⁵ Там же. С. 475.

¹⁴⁶ Там же. С. 483.

¹⁴⁷ Там же. С. 495.

¹⁴⁸ Там же. С. 498.

армяне, украинцы, евреи, мусульмане. Причем диапазон этих требований был достаточно широк: от федеративного государственного устройства до культурной автономии. Однако при всех имеющихся расхождениях между представителями национальных регионов русским либералам стала очевидна вся сложность согласования различных, нередко диаметрально противоположных, позиций для выработки приемлемого для всех решения национального вопроса. Будучи в своем подавляющем большинстве сторонниками единой и неделимой империи, теоретики и практики русского либерализма стремились ограничить постановку национального вопроса рамками культурно-национальной автономии, предпочитая развязывать «национальные узелки» не одновременно, а каждый раз по мере «созревания», один за другим, в процессе непростых переговоров с каждой из многочисленных народностей, населяющих Россию. Не случайно ведущий теоретик по национальному вопросу Ф. Ф. Кокошкин попытался вернуть представителей национальных регионов к решениям сентябрьского съезда. Бюро, заявил он, готово взять на себя разработку вопроса о «применении начал автономного устройства к другим областям России, кроме Польши, не обаяываясь, однако, сделать это к известному сроку»¹⁴⁹. В данный момент «националов» все же удалось уговорить повременить с выдвижением своих требований в полном объеме.

Таким образом, ноябрьский съезд земских и городских деятелей подвел многолетний итог в эволюции русского либерализма, в разработке его программных и тактических решений. Съезд продемонстрировал наличие сплоченного либерального ядра, которому удалось консолидировать значительное число представителей земского и городского самоуправления. Вместе с тем съезд выявил наличие внутри либеральной оппозиции все еще непреодоленных существенных расхождений по всему кругу идейно-политических, социально-экономических и национальных проблем. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и расхождения ментального и психологического характера, обусловленные социальной средой, воспитанием, образованием и профессиональной ориентацией. Все это вместе взятое тормозило процесс выработки единого стратегического и тактического курса, программных и организационных принципов создания единой либеральной партии. Историческая реальность оказалась гораздо более сложной и непредсказуемой, чем это вначале представлялось лидерам всех сегментов русского либерализма.

---

¹⁴⁹ Там же. С. 500–501.

3. Дискуссии о типе либеральной партии

Лабораторией идей по формированию «широкой» и «единой» либеральной партии политического освобождения России являлся журнал «Освобождение». На первых порах его редактор П. Б. Струве был убежден в том, что в такой партии удастся объединить разнородные элементы либеральной оппозиции, вне зависимости от их сегментальной принадлежности. «Для того, чтобы вывести страну из тяжелого положения и исполнить свой гражданский долг, – писал П. Б. Струве, – либеральные элементы общества должны теперь установить план действий и приступить к его выполнению». А для этого требуется организация, которая должна «смело и твердо идти до конца, не боясь никаких гонений»¹⁵⁰.

Прекрасно зная, что русское либеральное движение по своей социальной природе многослойно, Струве вполне сознательно обходил вопрос о составе будущей партии. В своих статьях он не раз подчеркивал, что процесс размежевания в либеральной среде еще далеко не завершен, а поэтому конкретизировать вопрос о принципах формирования либеральной партии еще рано, ибо можно будет отпугнуть «полезные для общего дела» элементы. Струве рекомендовал какое-то время сосредоточиться на разработке программных и тактических вопросов, которые, в свою очередь, окажут стимулирующее влияние как на процесс дифференциации в либеральной среде, так и на отбор необходимых элементов для их последующего объединения в либеральную партию.

Как опытный политик, стоявший в свое время у истоков создания социал-демократической партии в России, Струве предложил провести на страницах журнала «Освобождение» дискуссию по организационным вопросам. «Такое обсуждение должно, на наш взгляд, привести к тому, что носящаяся в воздухе идея организации большой, действующей по строго обдуманному плану партии политического освобождения России окончательно выкристаллизуется, как, безусловно, обязательная задача и неотложная задача времени»¹⁵¹.

В предложенную Струве дискуссию сразу же включился Милюков. В статье «К очередным вопросам» он подверг критике струвистскую идею о «широкой коалиции элементов», которую тот первоначально хотел положить в основу организации либеральной партии. Милюков настаивал на тщательном отборе конкретных лиц, которые могли бы войти в партию. «О либеральной организации, – писал Милюков, – надо, конечно, думать и заботиться. Но при настоящем настроении земской среды приходится быть очень осторожным; хорошо, если удалось бы создать хотя бы крепкие кадры из убежденных конституционалистов». По мнению Милюкова, «вербовать же сразу всю армию» вокруг неопределенного славянофильского лозунга созыва Земского собора всех «ненадежных» и «подозрительных элементов» значило бы «совершить огромную тактическую ошибку». Это привело бы не только к ослаблению «энергии движения», но и погубило бы его «нравственное значение». А «при ловкой тактике правительства», подчеркивал Милюков, вообще можно «оказаться во враждебном лагере», сдав врагу «первую боевую позицию»¹⁵².

Струве вынужден был признать справедливость критики Милюкова. Во-первых, он согласился с тем, что следует «отсечь» при вербовке в партию славянофильские элементы, которым «не может быть места в ее среде». Во-вторых, основным критерием отбора в партию, по его мнению, должно стать признание ее будущими членами двух принципов – конституционализма и демократизма.

---

¹⁵⁰ Освобождение. 1902. № 12. С. 189.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Освобождение. 1902. № 17. С. 291.

Дискуссия по организационным вопросам, начатая Струве и Милюковым, получила продолжение на совещании в Шафгаузене. Учитывая, что материалы совещания обстоятельно проанализированы в монографии К. Ф. Шацилло и кандидатской диссертации В. Ю. Канищева, сделаю акцент лишь на характеристике организационных принципов будущей партии, о которых шла речь в двух докладах кн. Петра Д. Долгорукова «Конституционная партия за прошлый год» и «Конституционная партия в предстоящий год». Признав полезность дискуссии, состоявшейся на страницах журнала «Освобождение», Долгоруков согласился с тем, что шиповскую земскую группу следует вынести за скобки процесса создания конституционно-демократической партии, хотя с ней и не следует прерывать контактов, так как она борется с бюрократией и стоит за развитие самоуправления. Одновременно Долгоруков признал, что конституционной партии как организованной самостоятельной группы еще не существует, хотя процесс ее формирования уже идет, что, в частности, выражается в образовании кружков, содействующих снабжению материалами журнала «Освобождение» и его распространению. Разрабатывая программу и тактику будущей партии, члены этих кружков пришли к двум важным выводам: ее программа должна включать требование введения конституции в России; а тактика партии «на данный момент» должна ограничиться «партизанскими действиями, главным образом отвечая на различные современные акты правительства».

По мнению Долгорукова, кружки должны ставить перед собой следующие задачи: 1) вербовать новых лиц, сочувствующих конституции в России; 2) совместно обсуждать важные вопросы местной жизни и корреспонденции о них, опубликованные в журнале «Освобождение»; 3) обсуждать программные и текущие вопросы жизни партии, предложенные «центральной организацией» или «другими группами»; 4) заслушивать рефераты о «сущности конституции и тактики парламентаризма»; 5) осуществлять сбор пожертвований для местных нужд кружка и для центральной кассы партии; 6) ставить вопросы для обсуждения на областных или общих съездах партии, а также возбуждать ходатайства и высказывать пожелания в адрес центральной организации; 7) воздействовать на местные общественные и сословные учреждения и собрания, ученые и другие общества, профессиональные и другие союзы и вообще на «всякие группировки и классы с целью конституционной пропаганды»; 8) организовывать взаимопомощь пострадавшим лицам партии и их семьям; 9) устанавливать и поддерживать регулярные связи с другими местными оппозиционными партиями в пределах, «определяемых общим съездом конституционной партии или ее центральной организацией»¹⁵³.

По оценке Долгорукова, формирующаяся либеральная партия переживала «кружковой период», характерный для первого этапа партийного строительства. Такие «кружковые периоды» были типичны и для западноевропейских и для российских социалистических партий. Долгоруков прекрасно понимал, что в России еще далеко не завершен процесс «выяснении программы и организации», а это, в свою очередь, не позволяло выявить «собственную физиономию» партии и одновременно выработать соответствующее «отношение к другим оппозиционным партиям». На этой подготовительной фазе, считал Долгоруков, было бы целесообразно сохранить автономность существующих союзнических группировок – «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». Только после прохождения «кружкового» и «союзнического» этапов можно было поставить вопрос о слиянии кружков и обоих союзов в единую партию. По сути, в докладах Долгорукова, выражаясь современным языком, была сформирована «дорожная карта» перехода от протопартийных либеральных объединений к настоящей либеральной политической партии.

Совещание в Шафгаузене сыграло стимулирующую роль в деятельности обоих протопартийных структур – «Союза земцев-конституционалистов» и «Союза освобождения». Отмечу, что между двумя этими «союзами» не было непроницаемых перегородок. Наоборот, они,

¹⁵³ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. С. 30–31.

образно говоря, напоминали два сообщающих сосуда: их члены свободно переходили из одного союза в другой, у них был общий печатный орган – журнал «Освобождение», они регулярно обменивались информацией, финансировались практически из одного источника, имели одни и те же каналы распространения нелегальной литературы, явочные квартиры и т. д.

Вместе с тем между союзами имело место «разделение труда» и «сфер влияния». Так, «Союз освобождения» более активно занимался разработкой теоретических, программных и тактических вопросов, а агитацию и пропаганду вел преимущественно среди преподавателей высшей и средней школы, студентов, средних слоев города. В свою очередь, «Союз земцев-конституционалистов» ограничивал свою агитационно-пропагандистскую деятельность земской средой.

На т. н. «кружковой» стадии подобное «разделение труда» и «сфер влияния» было вполне оправданно и, безусловно, способствовало более эффективному распространению и внедрению конституционных идей в общественное сознание. До определенного момента подобная ситуация вполне устраивала оба союза, ибо позволяла сохранять плюрализм мнений по самому широкому кругу программных, тактических и организационных вопросов, что вполне соответствовало либеральным мировоззренческим ценностным принципам и индивидуальным личностным началам.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что параллельное существование двух союзов было определенной страховкой в случае репрессий против одного из них. По сути, можно говорить о взаимозаменяемости и взаимодополняемости двух родственных структур, что, безусловно, обеспечивало большую устойчивость и живучесть либеральных организаций. Так, радикализм «Союза освобождения» вполне уравнивался несколько более умеренным характером деятельности «Союза земцев-конституционалистов», ведущим работу в более консервативной земской среде.

В борьбе за общественное мнение либералы имели довольно сильных политических конкурентов в лице революционных партий, также ведущих борьбу за лидерство в освободительном движении. Поэтому требовалось создать либеральную политическую партию достаточно сильную, чтобы быть в состоянии «переиграть» конкурентов на политической арене, предложить обществу такую программу и наметить такие пути ее реализации, которые бы отражали потребности общественного развития, соответствовали бы настроениям и чаяниям большинства народа.

Не случайно после совещания в Шафгаузене с новой силой разгорелись дискуссии о типе партии, ее программе, тактике и организационной структуре. Так, Е. Д. Кускова основную задачу либеральной партии видела в подготовке общественного мнения страны к конституционным и демократическим преобразованиям. По ее мнению, выступая в качестве альтернативной оппозиционной силы правительству, либеральная партия должна развивать «в широкой массе не низкопоклоннические инстинкты, а дух смелый, четный и свободный», что она не должна пассивно ждать реформ «сверху», а решительно за них бороться.

В отличие от Е. Д. Кусковой, по всей видимости мыслившей либеральную партию в качестве легальной организации, С. Л. Франк предлагал создать нелегальную организацию типа социал-демократической, хотя и отдавал себе отчет, что конспиративный характер партии противоречит принципам либерализма. В этом-то и заключалось одно из главных противоречий, которое так и не смогли до конца своего существования разрешить ни «Союз освобождения», ни «Союз земцев-конституционалистов». Для тех и других было очевидно, что без «центрального ядра» партия будет представлять собой аморфное и неэффективное объединение, неспособное выдержать конкурентную борьбу с социалистическими партиями за лидерство в освободительном движении. Однако, несмотря на царящую в либеральном сегменте разногласию по программным, тактическим и организационным вопросам, теоретики и практики либерализма не решались поставить вопрос о создании партии на принципах централизма, отдавая

предпочтение т. н. широкой организации парламентского типа, скорее напоминающей дискуссионный клуб, чем единую и централизованную организацию.

Формирование и функционирование «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», скорее всего, отражало наличие «коридора возможностей» в достижении компромисса между более решительно настроенной освобожденческой интеллигенцией, уже привыкшей действовать в нелегальных условиях и применять более жесткие методы борьбы с самодержавным режимом, и менее способными к такой борьбе земцами-конституционалистами, для которых принцип легализма был обязательным. Требовалось определенное время для того, чтобы оба союза «притерлись» друг к другу, чтобы, последовав призыву П. Н. Милюкова, приступить к созданию единой партии из «последовательных конституционалистов» и «сторонников демократических реформ». В своих воспоминаниях П. Н. Милюков писал: «Нельзя было терять из виду, что речь идет о создании не революционной, а конституционной партии, задачей которой должна была стать борьба парламентскими методами. В спектре возникавших партий это было то пустое место, которое предстояло заполнить именно нам, и без его заполнения невозможно было и думать об установлении в России конституционного режима»¹⁵⁴.

Однако освобожденцы и земцы-конституционалисты, составлявшие, по верному замечанию кн. Д. И. Шаховского, «как бы две связанные друг с другом части одного сложного целого», до поры до времени предпочитали действовать «в близком единении», не сливаясь в одну партию. По всей видимости, ситуация «параллельного» существования и «параллельной» деятельности могла продолжаться годы, если бы не обострение общенационального кризиса в стране, который заставил теоретиков и политиков либерализма пересмотреть темпы создания единой партии.

В докладе кн. Д. И. Шаховского «Политика либеральной партии», с которым он выступил на съезде «Союза освобождения», состоявшемся нелегально 3–5 января 1904 г. в Петербурге, подчеркивалось: «События русской жизни приобретают такой быстрый и угрожающий ход, что мы можем оказаться внезапно перед перспективой общего кризиса, когда будет поздно обдумывать нашу программу и организовывать средства для ее исполнения. Момент будет упущен, и русская либеральная партия прежде чем докажет свою способность к созидательной работе, будет оттеснена в самый важный и критический момент другими элементами, более крайними и решительными»¹⁵⁵. Настаивая на дифференциации в либеральном сегменте освободительного движения, Шаховской призывал создать партию «переворота», которая способна активно участвовать в свержении самодержавного режима. Эта позиция получила поддержку в ряде статей, опубликованных в журнале «Освобождение».

Активизировав свою деятельность, оба союза приступили к созданию широкой сети профессиональных союзов демократической интеллигенции, разного рода кружков, которые рассматривались ими в качестве «опор» будущей либеральной партии, ее «приводных ремней» к массовому демократическому движению.

Начавшаяся Первая российская революция стала мощным ускорителем процесса формирования либеральной партии. Вскоре после 9 января 1905 г. П. Б. Струве в статье «Демократическая партия и ее программа» настоятельно советовал своим единомышленникам поспешить с образованием партии, ибо в противном случае они могут «упустить момент» воздействия на массы, которые полностью окажутся под влиянием революционных партий. «В настоящее время, – писал Струве, – такая партия должна, наконец, образоваться; в противном случае элементы, составляющие ее естественные и необходимые кадры, будут оттеснены на задний план

¹⁵⁴ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 200.

¹⁵⁵ Либеральное движение в России. 1902–1905. С. 69.

и политические судьбы России будут решены состязанием реакционных и крайних партий»¹⁵⁶. По мнению Струве, демократическая партия должна быть «в высшей степени активной», а не пассивно наблюдать за происходящими в стране событиями. «Если настоящий момент, – подчеркивал он, – будет пропущен для активной тактики, то “закон действия” будет навязан русскому конституционализму, с одной стороны, самодержавным правительством, а с другой стороны – стихийным движением масс»¹⁵⁷.

Сложность ситуации прекрасно осознавалась руководством обоих союзов, которые в первые месяцы революции проделали огромный объем работы по разработке программы, тактики и организационных основ будущей партии, активизировали свою деятельность среди народных масс, пропагандируя среди них конституционные и демократические идеи. Тем не менее, между союзами еще оставалось немало «зазоров». Земцы-конституционалисты явно тянули с решением вопроса о полном разрыве с шиповцами, питали иллюзии, что самодержавный режим может добровольно сдать свои позиции и капитулировать перед натиском общественного мнения. Более радикальные освобожденцы пытались «угнаться» за стремительным развитием событий, повышая на несколько градусов свои программные требования и корректируя свою тактическую линию поведения.

Перелом наметился в апреле 1905 г. после того, как шиповцы, опубликовав собственную программу, покинули общеземский съезд, освободив тем самым земцев-конституционалистов от тяжелой «ноши», предоставив им возможность сближения с освобожденцами. Недаром после апрельского общеземского съезда на страницах «Освобождения» заговорили о наметившейся «солидарности» между «Союзом земцев-конституционалистов» и «Союзом освобождения».

На съезде земцев-конституционалистов, состоявшемся 9–10 июля 1905 г. в Москве, с программным докладом «О деятельности земцев-конституционалистов и о перспективах образования широкой политической партии» выступил кн. Д. И. Шаховской. Дав подробный анализ деятельности «Союза земцев-конституционалистов» с момента его возникновения (8 ноября 1903 г.) до июля 1905 г., Шаховской особо подчеркнул, что земцы-конституционалисты выполнили свою задачу по пропаганде конституционных идей в земской среде. Учитывая данный факт и изменившуюся политическую ситуацию в стране, Шаховской считал, что земцам-конституционалистам следует поставить перед собой более масштабную задачу – «подумать об организации более широкой политической партии». Для ее успешного решения, по мнению докладчика, возможны два пути. Либо съезд признает «себя уже существующей конституционно-демократической партией» и, составив ее «ядро», позаботится о привлечении в свою среду «посторонних земству общественных деятелей». Либо съезд должен поручить особому комитету, «избранному из нашей среды», войти в соглашение с представителями других профессиональных или иных групп общественных деятелей (адвокаты, профессора, журналисты и т. д.) и совместно с представителями этих групп образовать организационный комитет будущей партии, который займется выработкой партийной программы и пополнением своих кадров. При этой комбинации, считал Шаховской, «Союз земцев-конституционалистов» «может продолжать свое существование», сохранив «свою собственную структуру», будет и впредь выполнять «текущие профессиональные задачи, связанные с нашей земской деятельностью, а каждый из нас по своему усмотрению может в то же время войти членом в будущую конституционно-демократическую партию»¹⁵⁸.

Доклад кн. Д. И. Шаховского вызвал оживленную дискуссию, которая показала, что участники съезда по-разному мыслят себе и тип партии, и задачи, перед ней стоящие. Так,

¹⁵⁶ Освобождение. 1905. № 67. С. 278.

¹⁵⁷ Там же. С. 281–282.

¹⁵⁸ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. С. 335.

умеренные члены союза (Н. А. Шишков, гр. П. А. Гейден, С. А. Муромцев, С. А. Котляревский и др.) считали, что земцы-конституционалисты при образовании широкой политической партии «не должны поступаться в пользу более крайних общественных групп». Они «должны твердо стоять на своей земской программе, в основании которой лежит борьба за право». При этом они подчеркивали, что, создавая партию на земской основе, следует в нее привлечь элементы, стоящие от нее правее¹⁵⁹.

Другие же участники съезда (кн. Д. И. Шаховской, А. А. Мануйлов, М. Л. Мандельштам, Ю. А. Спасский) считали, что будущая партия «не может быть земской конституционно-демократической партией, так как должна быть одна политическая конституционно-демократическая партия»¹⁶⁰. «Я, – заявил Шаховской, – считаю разговоры о земской конституционной партии недоразумением. В будущих рамках не останется места земцам, как таковым, там будут граждане. Наш основной принцип всеобщего избирательного права определяет ту сферу, в которой мы должны действовать. Партийная организация определяется не профессиями и не привилегиями, а исключительно политическими интересами и положением в общей политической борьбе... Итак, я считаю, что политическая партия должна формироваться вне нашей организации»¹⁶¹.

По мнению Шаховского, «вопрос сводится к организации центрального ядра этой партии. Не мы должны составить этот центр, к которому будут затем примыкать другие общественные группы, ибо нельзя приглашать большую величину войти в меньшую. Ведь не все общественное движение исчерпывается земством, и, в сущности, вне земства находятся гораздо большие общественные силы. Поэтому наша роль сводится только к выделению из своей среды нескольких представителей в тот коалиционный комитет будущей партии, в котором сойдутся представители всех других общественных группировок для совместной выработки основной партийной программы»¹⁶². Развивая мысль Шаховского, А. А. Мануйлов заявил: «Наша главная задача – придать будущей партии не только политический, но и демократический характер, а для этого необходимо ввести в программу элемент социально-экономический»¹⁶³.

Попытку найти консенсус для спорящих сторон предпринял Милюков. Проанализировав позицию спорящих сторон, он предложил съезду, не вдаваясь в обсуждение программы и организации будущей партии, выбрать особую комиссию, которая, войдя в контакт с другими общественно-политическими организациями, образует коалиционный комитет для «выработки организационных оснований конституционно-демократической партии. Что же касается настоящей земской группы конституционалистов, то ее дальнейшее существование, несомненно, очень желательно, так как она имеет свои специальные, еще не исчерпанные задачи»¹⁶⁴. В отличие от тех, кто настаивал на создании конституционно-демократической партии на основе исключительно «земского ядра», Милюков указал, что «уже существует некоторая центральная организация, которая могла бы взять на себя задачу создания конституционно-демократической партии, это организация – “Союз освобождения”»¹⁶⁵.

По мнению Ф. И. Родичева, «наш идеал и наши цели (имеется в виду группа земцев-конституционалистов и ее программа. – В. Ш.) вполне совпадают с программой “Союза освобождения”... Нас объединяет задача освобождения страны... Поэтому нет никаких оснований нам не входить в существующую уже всероссийскую партию, которая должна расширяться в

¹⁵⁹ Там же. С. 344.

¹⁶⁰ Там же. С. 345.

¹⁶¹ Там же. С. 347–348.

¹⁶² Там же. С. 348.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же С. 349.

¹⁶⁵ Там же.

своей деятельности и экстенсивно, и интенсивно»¹⁶⁶. Родичев подчеркивал, что «обособление на узкопрофессиональном земском начале приведет нас к атрофии. Мы представляем собой только одну клеточку, которая может существовать только в связи с другими, образуя с ними целый организм. Как всякая клеточка, при отделении ее от других, мы будем обречены на отмирание... При образовании партии безразлично, будем ли мы первым основным ядром ее или наряду с нами будут стоять другие группы. Важно лишь то, что мы не можем уже, как политическая партия, существовать отдельно. Партийный организм должен развиваться и вширь и вглубь»¹⁶⁷.

Если гр. П. А. Гейден предлагал будущую партию назвать «земской», то Родичев, призвав отказаться от «нерусского слова» – «конституционно-демократическая», полагал важным «удержать» в названии партии слово «освобождение», «при упоминании которого у меня, по крайней мере, усиленно бьется сердце. По существу это будет русская демократически-правовая (свободная) партия освобождения»¹⁶⁸.

Подводя итоги работы первого дня съезда, кн. Петр Д. Долгоруков заявил, что, во-первых, «наша главная цель – вмешаться в самую гущу жизни и повлиять на ход происходящего кругом народного движения»; во-вторых, «нам не следует утрачивать нашей профессионально-групповой организации»; в-третьих, надо «стремиться завязывать сношения с другими существующими уже организациями». Ради выполнения этих задач, подчеркнул Долгоруков, «нам можно en bloc принять освобожденческую платформу и поручить дальнейшую детальную разработку ее особому комитету, который образовать вместе с другими, родственными нам по духу, организациями»¹⁶⁹.

На следующий день кн. Д. И. Шаховской от имени Бюро съезда внес на обсуждение его участников следующий проект резолюции по вопросу организации конституционно-демократической партии:

«1. Признавая, что необходимо в настоящее время приступить к образованию конституционно-демократической партии, которая бы состояла из широкого круга деятельных единомышленников в стране, не только из среды земских и городских представителей, и имела бы полную и цельную программу (с включением в нее положений по экономическим, национальным и финансовым вопросам), съезд поручает уполномоченным им на то 10 лицам вступить в соглашение с близкими по направлению группами по своему усмотрению, составить вместе с лицами, которые будут уполномочены от тех групп, временный комитет партии, приступить к необходимым действиям по ее организации и обо всем сделанном довести до сведения следующего съезда.

2. Организацию настоящего съезда земской конституционной группы сохранить пока без изменения, предоставив лишь Бюро право приглашать в состав членов и городских гласных.

3. Поручить Бюро продолжать разработку программы по аграрному вопросу и организовать подобное же обсуждение вопросов рабочего, финансового и национального»¹⁷⁰.

Внесенная кн. Д. И. Шаховским резолюция вызвала оживленную дискуссию. Ряд участников съезда (В. И. Вернадский, Н. К. Муравьев) продолжали настаивать на том, что «ядром» партии должна стать группа земцев-конституционалистов, что якобы ни «Союз освобождения», ни «Союз союзов» не соответствуют этой важной задаче. Выступивший вслед за ними Милоков заявил, что при образовании партии следует привлекать в нее больше различных элементов, ибо «некоторая широта захвата и неопределенность очертаний даже выгодна в деле

¹⁶⁶ Там же. С. 350.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же. С. 350–351.

¹⁷⁰ Там же. С. 351.

образования партии». Соглашаясь с кн. Петром Д. Долгоруковым, Милуков полагал целесообразным принять программу «Союза освобождения», что облегчило бы задачу более быстрого создания конституционно-демократической партии. Предстоящие выборы в народное представительство, подчеркнул А. В. Васильев, должны стать стимулом к немедленному образованию партии, ибо они позволят привлечь «к нашему знамени громадное количество населения». По мнению И. И. Петрункевича, Бюро следует предоставить «полную свободу для привлечения новых членов. Нам необходимо отовсюду вербовать сторонников известных идей, так как иначе мы не справимся со сложными задачами, которые выдвигаются самой жизнью»¹⁷¹.

После оживленных прений съезд принял следующую резолюцию:

«I. Съезд признает, что необходимо в настоящее время приступить к образованию конституционно-демократической партии, которая состояла бы из широкого круга деятельных единомышленников в стране и имела бы полную и цельную программу с включением в нее положений по экономическим, финансовым, областным и национальным вопросам.

Съезд поручает уполномоченным им на то 20 лицам вступить в соглашение с близкими по направлению группами по своему усмотрению, составить вместе с лицами, которые будут уполномочены от тех групп, временный комитет партии, приступить к необходимым действиям по ее организации и обо всем сделанном довести до сведения следующего съезда.

II. Организацию настоящего съезда земской конституционной группы сохранить пока без изменения с тем, чтобы Бюро приглашало в состав членов и городских гласных.

III. Поручить Бюро совместно с 20 лицами, избранными согласно 1-му пункту, продолжать разработку программы по аграрному вопросу и организовать подобное же обсуждение вопросов рабочего, финансового, национального и областного»¹⁷².

Как видим, июльский съезд «Союза земцев-конституционалистов» стал важной вехой на пути создания либеральной партии. Однако дискуссия, возникшая на съезде, показала, что среди земцев-конституционалистов были значительные разночтения по вопросу о самом типе партии, ее структуре и социальном составе. Вместе с тем избрание 20-членной комиссии, которой предстояло войти в контакт с близкими по направлению и духу общественно-политическими организациями для выработки общей программы и тактики, свидетельствовало о понимании земцами-конституционалистами важности и необходимости немедленного приступа к созданию конституционно-демократической партии, тем более что вскоре предстояла избирательная кампания в Булыгинскую думу.

Не менее острые дискуссии по вопросу создания конституционно-демократической партии проходили в «Союзе освобождения». Если земцы-конституционалисты вели жаркие споры относительно союза с элементами, стоящими правее, то освободенцы – о возможности соглашения с элементами, стоящими на более радикальных позициях.

После издания Манифеста 6 августа 1905 г. создались условия для легальной деятельности, чем и решили воспользоваться либералы. Обсуждение участия в избирательной кампании по выборам в Булыгинскую думу они увязали с проблемой ускоренного создания либеральной партии. На IV съезде «Союза освобождения» было признано необходимым «приступить безотлагательно к организации открытой конституционно-демократической партии». С этой целью съезд избрал особую комиссию из 40 лиц, в которую вошло 15 человек из состава комиссии, избранной съездом «Союза земцев-конституционалистов». Комиссии было «поручено войти по данному вопросу в сношения с другими общественными группами и принимать все нужные подготовительные меры; в качестве исходной точки для таких подготовительных работ комиссии была указана программа Союза Освобождения, принятая на третьем съезде Союза»¹⁷³.

¹⁷¹ Там же. С. 358–359.

¹⁷² Там же. С. 360.

¹⁷³ Там же.

На заседаниях Соединенной комиссии продолжились жаркие дебаты по всему спектру программных, тактических и организационных вопросов, включая вопрос о типе партии и ее структуре. Представители умеренного крыла комиссии (С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, М. В. Челноков) считали, что деятельность партии должна носить временный характер, т. е. она должна функционировать до установления в стране конституционного строя, а затем прекратить свое существование. Основной задачей партии в данный политический момент, по их мнению, должна стать подготовка выборов в Булыгин-скую думу. При этом они настаивали на том, что на выборах партия должна заключать блоки только с умеренными элементами, невзирая даже на то, что некоторые из них являются противниками всеобщего избирательного права.

В свою очередь, центр и левое крыло комиссии доказывали, что партия должна быть постоянно действующим элементом в будущей конституционно-парламентарной политической системе. Они выступали против блока на выборах с противниками всеобщего избирательного права, подчеркивая при этом, что единственной правильной тактикой должна стать «координация действий» с левыми партиями.

Как видим, разногласия в Соединенной комиссии продолжались, и лидеры будущей партии, по признанию Милюкова, опасались, что на учредительном съезде возникнут не одна, а две или три партии, а в том случае, если все же «создастся одна, то это будет не партия, а “блок”, своего рода “Союз союзов”»¹⁷⁴.

Относительно конституционно-демократической партии опасения Милюкова не оправдались, но применительно ко всему спектру либеральной оппозиции они оказались пророческими. Вместо единой либеральной партии, о которой в 1902 г. мечтал Струве, в России возникло несколько либеральных партий, о которых речь пойдет в следующей главе.

Таким образом, процесс размежевания и самоопределения в русском либерализме растянулся на несколько лет, проходил весьма трудно и напряженно. Правда, те же тенденции имели место и в консервативном, и в социал-демократическом, и в неонародническом сегментах освободительного движения. Подобного рода ситуация объяснялась прежде всего незавершенностью формирования гражданского общества в России, отсутствием необходимых для формирования партий политических свобод, резкой мировоззренческой и идейно-политической непримиримостью между акторами освободительного движения, отсутствием у них опыта вести диалог и достигать политического компромисса в деле разрешения объективно назревших вызовов времени.

Русские либералы, консерваторы и социалисты еще не переболели «болезнью многопартийности», которая вела не к объединению, а к разъединению их сил. Вместо единых партийных структур либерального, консервативного и социалистического характера в российском партийном ландшафте, крайне мозаичном, существовало множество мелких и недееспособных политических организаций, которые напоминали протопартийные салоны, кружки, союзы и которые так и не стали современными европейскими партиями. «Детскую болезнь многопартийности» переживали и русские либералы, разошедшиеся по многим партиям и организациям, что в конечном счете и обуславливало отсутствие единства их действий и вело к размыванию либерального поля.

¹⁷⁴ Милюков П. Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906 гг. СПб., 1907. С. 111.

Глава вторая

Облик либеральных партий

В отечественной и зарубежной историографии данная проблематика нашла сравнительно меньшее отражение, так как исследователи, как правило, сосредоточивали свое внимание на освещении идейно-политической деятельности российских либеральных партий. Учитывая историографические наработки своих предшественников, собственные результаты исследований, в данной главе прежде всего обращу внимание на характеристику организационного состояния либеральных партий, от которого во многом зависела эффективность их работы как в Думе, так и среди масс. При этом будут рассмотрены уставные принципы функционирования либеральных партий, динамика их численности и социального состава, состояние их думских фракций. Создание такой целостной картины представляется важным для ответа на вопрос о причинах неэффективной деятельности либеральных партий в начале XX в.

1. Самоопределение в системе многопартийности

Как было показано в предыдущей главе, в либеральной среде на протяжении многих лет муссировалась идея о необходимости создания единой партии политического освобождения России. И если бы не начавшаяся в России революция, то трудно сказать, сколько бы либералам еще потребовалось времени на согласование между собой программных, тактических и организационных принципов. Характерно, что даже на стадии работы Организационной комиссии по созыву учредительного съезда конституционно-демократической партии не счесть, по какому кругу продолжались дебаты, казалось бы, по уже выясненным вопросам. Только под влиянием начавшейся в стране Всероссийской политической забастовки более активные и решительные члены Организационной комиссии во главе с Милюковым настояли на немедленном созыве учредительного съезда конституционно-демократической партии.

Съезд проходил 12–18 октября 1905 г. в Москве. Всероссийская забастовка железнодорожников, нарушившая коммуникации в стране, не позволила многим делегатам прибыть во вторую столицу. Поэтому в работе съезда принял участие всего лишь 81 делегат. На съезде отсутствовали многие представители из Петербурга, где была одна из самых сильных организаций «Союза освобождения», придерживавшихся радикальных позиций. Ситуация революционной эйфории во многом предопределяла и настроения делегатов съезда, что, в свою очередь, нашло отражение в речи будущего лидера кадетской партии Милюкова и весьма эмоциональных выступлениях делегатов.

Так, определяя место формирующейся партии в раскладе политических сил страны, Милюков отметил, что справа она уже отмежевывается от общественных элементов, которые со временем рассчитывают создать «политические группы аграриев и промышленников», а слева граница проходит там, где левые партии выдвигают требования «демократической республики и обобществления средств производства». В очерченных границах «наша партия, – заявил Милюков, – ближе всего подходит к тем интеллигентским западным группам, которые известны под названием “социальных реформаторов”»¹⁷⁵. Милюков особо подчеркнул, что создаваемая партия является внеклассовой, а ее цели и характер всецело соответствуют «традиционному настроению русской интеллигенции»¹⁷⁶. Что же касается ее программы, то она является «наиболее левой из всех, какие предъявляются аналогичными нам политическими группами Западной Европы»¹⁷⁷.

Определяя политический курс создаваемой партии, Милюков заявил, что она должна принять участие в избирательной кампании в Булыгинскую думу, а ее депутаты должны войти в ее состав «с исключительной целью борьбы за политическую свободу и за правильное представительство». При этом, подчеркнул Милюков, «мы не можем рассчитывать ни на какие соглашения и компромиссы и должны держать высоко тот флаг, который уже выкинут русским освободительным движением в его целом, то есть стремиться к созыву Учредительного собрания, избранного на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»¹⁷⁸.

14 октября 1905 г. съезд принял постановление, в котором заявил о своей полной солидарности с забастовочным движением и решительно отказался «от мысли добиться своих целей путем переговоров с представителями власти». «Русский народ, – говорилось в постановлении, – устал ждать и не хочет более терпеть над собой бюрократических упражнений в реформах. Русский народ достаточно богат зрелыми политическими силами, чтобы самому распо-

---

¹⁷⁵ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1905–1907 гг. М., 1997. Т. 1. С. 21.

¹⁷⁶ Там же. С. 19.

¹⁷⁷ Там же. С. 21.

¹⁷⁸ Там же. С. 21–22.

рядиться своей судьбой, – он более не нуждается в опеке временщиков. Вопрос теперь уже не в том – быть или не быть в России политической свободе, и не в том – согласятся ли ввести ее сверху. Вопрос только в том, осуществится ли свобода путем насильственным или мирным: путем стихийного взрыва или организованного действия народной силы. И с этой точки зрения конституционно-демократическая партия горячо приветствует крупный шаг народа на том пути, на котором стоит сама: организованное мирное и в то же время грозное выступление русского рабочего класса, политически бесправного, но общественно могучего». В сложившейся ситуации, отмечалось в постановлении, от правительства «зависит открыть широкий путь торжественному шествию народа к свободе – или превратить его в кровавую бойню... Конституционно-демократическая партия предоставляет себе право, смотря по ходу событий, принять все меры, которые будут в ее средствах и в ее власти, чтобы предупредить возможное столкновение; но, удастся ли ей это или нет, она наперед отождествляет себя с народными требованиями и кладет на весы народного освобождения все свое сочувствие, всю свою нравственную силу и окажет ему всякую поддержку»¹⁷⁹.

Получив телефонное сообщение об издании Манифеста 17 октября, делегаты, прервав обсуждение программы, под громкие крики «ура» выслушали зажигательную речь М. Л. Мандельштама. Охарактеризовав тернистый путь борьбы русской интеллигенции за политическую свободу, начиная с декабристов и до 17 октября 1905 г., отдав должное «громадной роли, которую сыграл рабочий в нашем общем деле политического освобождения», Мандельштам заявил: «Русская интеллигенция всегда была демократической. Эгоизм сословных привилегий, классовых преимуществ был всегда ей чужд. Пойдем же и дальше рука об руку с трудящимся народом. В единении и только в нем – залог свободы и прогресса»¹⁸⁰.

Ознакомившись с текстом Манифеста 17 октября, делегаты съезда приняли специальное постановление, в котором дали ему довольно резкую оценку. Недовольство вызвало прежде всего то, что «основные принципы политической свободы, равноправности и всеобщего избирательного права, выставленные на своем знамени русским освободительным движением, получили в опубликованном документе далеко не полное признание». Далее указывалось, что исполнение обещаний Манифеста продолжает оставаться «в руках людей, политическое прошлое которых не внушает народу никакого доверия. При этих условиях выполнение намеченных Манифестом задач является, безусловно, невозможным в пределах предстоящей избирательной кампании». Депутаты заявляли, что в силу отсутствия гарантий применения «начал свободной политической жизни к предстоящей избирательной кампании» Государственная дума «не может быть признана правильным народным представительством». Поэтому задачей конституционно-демократической партии «остается достижение поставленной раньше цели – созыв Учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права с прямым и тайным голосованием, без различия пола, национальности и вероисповедания». Выход из сложившегося неопределенного положения могли обеспечить следующие меры: «а) немедленное осуществление обещанных Манифестом основных прав и немедленная же отмена исключительных законов; б) немедленное введение избирательного закона на основании всеобщего голосования для непосредственного созыва, вместо Государственной думы по закону 6 августа, Учредительного собрания для составления Основного закона; в) немедленное удаление из администрации лиц, вызвавших своими предыдущими действиями народное негодование, и составление временного делового кабинета, полномочия которого должны прекратиться с созывом народных представителей и составлением кабинета из представителей большинства». Кроме того, в постановлении съезда содержалось требование полной амнистии по политическим и религиозным преступлениям. Не дожидаясь удовлетворения намеченных требо-

¹⁷⁹ Там же. С. 27–28.

¹⁸⁰ Там же. С. 30–31.

ваний, конституционно-демократическая партия предупредила, что она «предоставляет себе право фактического осуществления всех обещанных Манифестом, но не закрепленных точными определениями закона условий политической свободы»¹⁸¹.

Учредительный съезд после длительной дискуссии принял программу и устав конституционно-демократической партии, а также избрал ее Временный центральный комитет¹⁸².

Таким образом, октябрьский учредительный съезд с формальной точки зрения завершил длительный и сложный процесс формирования конституционно-демократической партии. Фактически же съезд сделал лишь первый шаг в деле ее становления как нового самостоятельного политического субъекта. Общественному мнению предстояло осмыслить и оценить место и роль новой партии в системе российской многопартийности.

Решения учредительного съезда конституционно-демократической партии сразу же были критически восприняты умеренными элементами земского и городского самоуправления, в представлении которых кадеты однозначно трактовались как «пособники революционеров» и «разрушители единой и неделимой империи». Входить в такую партию умеренные представители земских и городских органов самоуправления считали для себя неприемлемым, более того, они сразу же зачислили ее в разряд своих политических конкурентов.

В последней декаде октября 1905 г. в Москве прошло несколько бурных совещаний, на которых умеренные представители земского и городского самоуправления обсуждали политическую ситуацию в стране, разрабатывали программу, тактику и организационные принципы создания собственной партии. В отличие от кадетов, заявивших о своей солидарности с забастовочным движением, раскритиковавших Манифест 17 октября и отказавшихся вступать в переговоры с властью, участники этих совещаний осудили «стачечный азарт рабочих», назвали Манифест своим «драгоценным завоеванием», выразили готовность сотрудничать с правительством при условии, если оно будет последовательно выполнять свои обещания.

1 ноября 1905 г. либеральная газета «Слово» проинформировала, что видные представители земств и городов, «идеалом которых в настоящее тревожное и критическое для России время является не разрушение, а созидание и благополучие страны на началах гражданской свободы, объявленной в Манифесте 17 октября», приступили к созданию партии под названием «Союз 17 октября». Среди ее учредителей были названы Д. Н. Шипов, А. И. Гучков, М. А. Стахович, М. В. Красовский, граф В. В. Гудович, Н. Н. Перцов, барон П. Л. Корф, А. Н. Никитин, Н. А. Тарасов и др.

Из бесед с ними корреспондент газеты «Слово» выяснил, что в основу программы партии положены принципы, изложенные в Манифесте 17 октября. Партия будет решительно бороться против созыва Учредительного собрания и прямого избирательного права, отстаивать неделимость России, требовать немедленного созыва Думы, которая только «одна в силах умиротворить страну, утвердить власть и осуществить реформу государственного управления»¹⁸³.

4 и 5 ноября 1905 г. аналогичные совещания состоялись в Петербурге. На них обсуждался подготовленный А. И. Гучковым проект программы¹⁸⁴, который затем еще дважды обсуждался

¹⁸¹ Там же. С. 32–33.

¹⁸² В состав Временного ЦК были избраны В. И. Вернадский, М. М. Винавер, И. В. Гессен, кн. Павел Д. Долгоруков, кн. Петр Д. Долгоруков, Н. А. Каблуков, Ф. Ф. Кокошкин, А. М. Коллюбакин, А. А. Корнилов, С. А. Котляревский, Е. Д. Кускова, И. В. Лучицкий, Н. Н. Львов, В. А. Маклаков, А. Н. Максимов, М. Л. Манделыштам, П. Н. Милуков, С. А. Муромцев, В. Д. Набоков, И. А. Петровский, И. И. Петрункевич, С. Н. Прокопович, М. В. Сабашников, Н. В. Тесленко, В. В. Хижняков, Н. Н. Черненко, кн. Д. И. Шаховской, Н. Н. Щепкин, В. Я. Яковлев (Богучарский), В. Е. Якушкин.

¹⁸³ Слово. 1905. 114 ноября.

¹⁸⁴ В совещаниях приняли участие А. Я. Брафман, Я. И. Беляев, граф В. В. Гудович, А. И. Гучков, Ф. Е. Енакиев, барон П. Л. Корф, М. В. Красовский, И. С. Крючков, Г. Г. Лерхе, И. А. Лихачев, В. И. Люстих, В. Н. Марков, Ю. Н. Милютин, С. М. Неклюдов, Н. Н. Перцов, И. А. Потехин, Н. А. Резцов, М. А. Стахович, А. А. Столыпин, Н. А. Тарасов, граф В. А. Тизенгаузен, М. Н. Триполитов и Д. Н. Шипов.

в Москве и Петербурге¹⁸⁵. Учредители «Союза 17 октября» явочным порядком избрали одновременно в Москве и Петербурге центральные руководящие органы новой партии.

Как видим, процесс организационного оформления двух либеральных партий шел практически одновременно, с незначительным интервалом. Лидеры той и другой конкурирующей партии прекрасно понимали, что процесс организационного строительства только начинается и он не будет простым. Прежде всего надо было определить демаркационные линии, отмежевывающие ту и другую партию от ближайших соседей.

Для кадетской партии грань справа была ясна, ибо за ней формировались партии, не скрывающие своих намерений защищать собственные классовые интересы. Не столь очевидной была грань слева, ибо «левые друзья» кадетов сразу же после успешной массовой всеобщей стачки приступили к подготовке вооруженного восстания. Это и стало «камнем преткновения» для дальнейшего сохранения тесных отношений с «друзьями слева», которые, по терминологии Милюкова, стали превращаться «во врагов слева». Изменение позиции кадетского руководства в декабрьские дни 1905 г. сразу же почувствовали левые, в том числе петербургские освобожденцы.

Уже в ноябрьские и декабрьские дни 1905 г. кадетское руководство исподволь, не спеша, приступило к «корректировке» некоторых программных положений. В частности, речь шла о неопределенных формулировках программы о государственном устройстве России, об отчуждении частновладельческих земель «в потребных размерах». В результате на втором партийном съезде из кадетской программы был убран намек на республиканское государственное устройство. Допускалась свобода мнений относительно структуры народного представительства (одна или две палаты), о предоставлении политических прав женщинам, а также об определении норм дополнительного наделения безземельных и малоземельных крестьян. Кадетское руководство не прочь было отказаться и от лозунга Учредительного собрания, заменив его неопределенным требованием – предоставления «учредительных функций» Государственной думе.

В результате этих программных «подвижек» кадетское руководство «потеряло» значительную часть своих петербургских коллег по «Союзу освобождения», которые отказались войти в состав Центрального комитета, избранного в январе 1906 г. на втором общепартийном съезде. Грань, отделяющая кадетскую партию слева, стала более определенной. Союзники слева постепенно начали осознавать, что кадетскому руководству, взявшему курс на «органическую работу» в Думе, дальше с ними не по пути. Понимание этого еще более упрочилось после публичного заявления Милюкова о том, что кадеты больше не намерены таскать на своих спинах «левых ослов».

Что касается «Союза 17 октября», то у него, наоборот, грань справа оказалась чрезвычайно размытой, а слева – четкой. Считая не только социалистические партии, но и кадетов «скрытыми республиканцами», стремящимися «развалить империю» и подорвать основы «частной собственности», октябристское руководство не скрывало, что конституционно-демократическая партия и является той гранью слева, которую «Союзу 17 октября» ни при каких обстоятельствах переступить нельзя. Что касается грани справа, то лидеры октябристов проводили ее между собой и правоконсервативными и откровенно националистическими партиями типа «Союза русского народа», политический курс которых вел к подрыву положений Манифеста 17 октября.

¹⁸⁵ В Москве программу подписали граф П. А. Гейден, Д. Н. Шипов, А. И. Гучков, М. В. Красовский, М. А. Стахович, кн. Н. С. Волконский, Н. А. Хомяков, М. В. Родзянко, Н. И. Гучков, С. Н. Маслов, лидер умеренно-прогрессивной партии С. И. Четвериков, лидер торгово-промышленной партии Г. А. Крестовников. В Петербурге программу подписали барон П. Л. Корф, граф В. В. Гудович, Н. Н. Перцов, А. Н. Никитин, Г. Г. Лерхе, Ф. Е. Енакиев, барон А. И. Притвиц, Н. А. Тарасов, А. Я. Брафман, Ю. Н. Милютин, А. А. Столыпин, И. А. Лихачев, Н. С. Крючков, Л. А. Зиновьев, граф В. А. Тизенгаузен, В. О. Люстих, А. Н. Брусицын, В. Н. Марков, барон И. Л. Остен-Сакен, барон П. П. Бильдерлинг и Н. А. Резцов.

Не случайно, подводя итоги работы первого съезда «Союза 17 октября», один из его основателей и лидеров Д. Н. Шипов заявил: «Мы отмежевались от левых и правых партий. От правых потому, что они стараются во что бы то ни стало, “рассудку вопреки, наперекор стихиям”, сохранить старый приказной строй, приведший к Ляояну, Цусиме и всем внутренним неурядицам и кровопролитиям. От левых партий мы ограничили себя потому, что весь русский народ привержен идее монархизма. Мы искренние монархисты по убеждению: мы видим в конституционной монархии противодействие идее деспотизма олигархии или массы»¹⁸⁶. Все остальное политическое пространство, находящееся между «Союзом русского народа» справа и кадетами слева, октябристские лидеры считали своей «вотчиной» и сферой своего идейно-политического и организационного влияния.

Недаром «Союз 17 октября» инкорпорировал в себя целый ряд партий промышленников и предпринимателей, включая и разные объединения представителей технического и административного аппарата заводов, фабрик, банковских учреждений, земских и городских служащих. Так, на одном из общих собраний член ЦК «Союза 17 октября» М. В. Красовский заявил: «Необходимо и нам организовать могущественную организацию, которая объединила бы все солидные элементы общества, всех понимающих цену культуре»¹⁸⁷. Такой весьма неопределенный и расплывчатый принцип отбора «политических друзей» привел к тому, что «Союз 17 октября» с самого момента своего возникновения представлял собой рыхлую в организационном отношении партийную структуру, неспособную осуществлять систематическую и целенаправленную деятельность. Образно говоря, «Союз 17 октября» напоминал собой Ноев ковчег, где были собраны «все твари по паре», значительная часть которых кровно была связана с уходящим прошлым, а часть ориентирована на будущие умеренные изменения. История «Союза 17 октября» – это «биография» многонаселенной коммунальной квартиры, раздираемой подковерными «разборками», склоками и личными амбициями.

Создание двух либеральных партий – кадетов и октябристов – еще не означало, что процесс организационного размежевания в либеральном сегменте общественного движения завершился окончательно и бесповоротно. В либеральном пространстве было еще немало элементов, которых не устраивала ни политика кадетов, ни октябристов. Еще накануне созыва I Думы стала формироваться партия демократических реформ, а в период ее деятельности – партия мирного обновления. Учитывая, что история той и другой партии получила всестороннее освещение в кандидатских диссертациях Н. Б. Хайловой и В. М. Шевырина¹⁸⁸, резюмирую итоги исследований по проблеме организационного оформления этих партий.

По данным Хайловой, формирование партии демократических реформ началось в декабре 1905 – январе 1906 г. На ряде совещаний был рассмотрен проект программы, подготовленный А. С. Постниковым и К. К. Арсеньевым, принят устав и избраны ЦК и Центральное бюро¹⁸⁹. В воззвании «К русскому обществу», опубликованном 18 января 1906 г., лидеры вновь

¹⁸⁶ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т. 1: 1905–1907 гг. М., 1996. С. 152.

¹⁸⁷ Там же. С. 31.

¹⁸⁸ Хайлова Н. Б. Партия демократических реформ. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; Шевырин В. М. Партия мирного обновления (1906–1907 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; Он же. Рыцарь российского либерализма. Петр Александрович Гейден. М., 2007. В зарубежной историографии имеется значительное число исследований, посвященных изучению российских либеральных партий. Так, история кадетской партии получила обстоятельное освещение в монографиях Ш. Галая, Т. Рихи, Т. Эммонса, У. Розенберга, М. Стокдэйл; изучению истории «Союза 17 октября» посвящены работы израильского историка Б. Ц. Пинчука, германского историка Э. Бирта. Интересные наблюдения и замечания относительно формирования партии октябристов, их программы и думской деятельности высказаны в работах Б. Пэйрса, У. Глисона, П. Уолдрона, М. Брэйнерда, А. Рибера, А. Эшера, Т. Эммонса, Р. Маннинг, Р. Шарка, Дж. Хоскинга. О партиях демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов писали Т. Эммонс, М. Брейнерд, Дж. Хоскинг, Дж. Уэст, А. Рибер, Р. Пайпс, Р. Пирсон, Э. Эктон, польский историк Э. Вишневецки и др.

¹⁸⁹ В состав Оргкомитета и Бюро в Петербурге вошли К. К. Арсеньев (лидер партии), К. П. Боклевский, А. Г. Гусаков, И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский, В. Д. Кузьмин-Караваев, А. П. Македонский, Н. А. Меншуткин, М. И. Носач, А. С. Постников, Д. В. Стасов, М. М. Стасюлевич. В середине марта 1906 г. было сформировано московское отделение, в состав

образуемой партии демократических реформ следующим образом определили ее место в многопартийной системе. По их мнению, в отличие от крайне левых партий она является решительной противницей «внезапного переворота в общественном строе», а от правых партий ее отличает «признание необходимости коренных преобразований не только политических, но и социальных». Называя себя «левым центром» либеральной «политической армии», основатели партии демократических реформ выражали готовность к совместным действиям с октябристами и кадетами «на условиях, установленных взаимным соглашением»¹⁹⁰.

Лидеры партии демократических реформ позиционировали себя в качестве приверженцев эволюционного пути общественного развития, отстаивали идею сильного государства, способного проводить назревшие в стране реформы и законодательно гарантировать права и свободы граждан. По их мнению, основой этих преобразований должен стать Манифест 17 октября 1905 г., который дает либеральной оппозиции реальный шанс мирного разрешения политических и социальных конфликтов. Идеальным политическим устройством для России является конституционно-парламентарный режим, который может быть установлен не путем созыва Учредительного собрания «снизу», что уже само по себе чревато революционными катаклизмами, а через законодательное народное представительство с предоставлением ему учредительных функций.

В воззвании отмечалось, что партия демократических реформ является сторонницей двухпалатного народного представительства, что она только «как исключение» допускает автономии отдельных областей, а также обуславливает «право участия в местном самоуправлении сравнительно долгим сроком проживания в данной местности или владения в ней недвижимостью»¹⁹¹. В аграрной сфере партия считала необходимым более точно определить: «1) категории лиц, имеющих право на наделение землею, 2) высшие и низшие размеры наделения и 3) способ оценки принудительно отчуждаемой земли». При этом авторы воззвания подчеркивали, что стоят за «ограждение неприкосновенности мелких земельных владений, за ограничение размеров крупных земельных владений, за возможно большее увеличение государственного земельного фонда»¹⁹².

Будучи противницей сословного принципа проведения выборов в Думу, партия вместе с тем выступала против немедленного осуществления всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, проявляла колебания относительно предоставления избирательных прав женщинам.

По сути, эти взгляды по основным параметрам соответствовали эволюционной модели преобразования страны, отстаиваемой на общероссийских съездах представителями земского и городского самоуправления. Один из ведущих идеологов партии демократических реформ М. М. Ковалевский заявлял, что на ее знамени нет «ничего иного, кроме видоизменения и развития существующего». Партия «слишком проникнута сознанием, что всякий прогресс есть результат поступательного хода истории, чтобы требовать сразу низвержения всего существующего порядка, а не модификации его в желательном для нее смысле». Задача освободительного движения, считал Ковалевский, должна быть «направлена к тому, чтобы “под покровом традиционных форм” внести в них “новое содержание”»¹⁹³. «Партия демократических реформ, — подчеркивал он, — ставит своей высшей задачей видеть русский народ освобожденным от вековых цепей как духовного, так и материального рабства, а для этого пока не придумано дру-

его Оргкомитета вошли В. Ю. Скалон, М. А. Махов, В. И. Горнунг, И. Т. Митюшин, С. И. Куренков, И. Д. Новик, А. А. Бек, Н. В. Крылов.

¹⁹⁰ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916 гг. М., 2002. С. 28.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же. С. 32–33.

гих средств, да едва ли когда и будет придумано, кроме просвещения, личной свободы и самоуправления общества через посредство его представителей»¹⁹⁴.

Формирование партии мирного обновления началось лишь в мае – июне 1906 г. Выясняя причины ее создания, В. М. Шевырин выделил несколько важных моментов: неудачу в ходе избирательной кампании в I Думу, постигшую «Союз 17 октября»; несовместимость взглядов основателей новой партии (графа П. А. Гейдена, М. А. Стаховича, кн. Н. С. Волконского) с позицией правого крыла «Союза», игнорировавшего конституционные и правовые принципы и явно пресмыкавшегося перед правительством. Лидеры создаваемой партии полагали, что разношерстный состав «Союза 17 октября» не оставляет ему шансов победить в острой конкурентной борьбе с кадетской партией.

Характерно, что не только названные лица, но и ряд других видных представителей петербургского и московского отделов ЦК «Союза 17 октября» признавали политическую бесперспективность собственной партии. Не случайно они поддержали идею Гейдена о создании партии мирного обновления и на первых порах выразили готовность присоединиться к ее программному заявлению. В принципе не исключалась возможность присоединения к ней и самого «Союза 17 октября».

Дело в том, что разгромное поражение «Союза 17 октября» на выборах в I Думу обострило дискуссию в его руководящих кругах об организационных принципах построения партии. Партия, как уже отмечалось выше, проявила неразборчивость и «всеядность», привлекая в свой состав элементы, весьма далекие от конституционализма. Гейден и его единомышленники также не исключали, что им рано или поздно удастся «оторвать» от кадетской партии ее правое крыло, недовольное рядом программных положений и особенно ее тактическим курсом на союз с трудовиками и другими левыми думскими группами. Чтобы привлечь крестьянских депутатов к формирующейся партии, по инициативе Гейдена была разработана подробная аграрная программа, которая на данный момент была одним из «слабых звеньев» октябристской платформы, сформулированной в их первоначальном воззвании. Установленные контакты с крестьянскими депутатами убедили Гейдена в том, что без включения в аграрную программу требования принудительного отчуждения земли за выкуп позитивного «разговора» с ними быть не может.

Однако «левая» позиция Гейдена и его немногочисленных единомышленников, их неудачные попытки привлечь на свою сторону крестьянских депутатов постепенно «охладили» сторонников присоединения «Союза 17 октября» к формирующейся партии мирного обновления. После роспуска I Думы, Выборгского воззвания, новой волны революционного движения «социальный испуг» настолько охватил разношерстную октябристскую массу, что выступавшие за слияние с партией мирного обновления умолкли и послушно «побрели» за своим лидером А. И. Гучковым, публично одоббившим военно-полевые суды и вступившим в тесные контакты с новым премьер-министром П. А. Столыпиным.

Организационно оформившись лишь в октябре 1906 г., партия мирного обновления обратилась с воззванием к избирателям. В нем отмечалось, что главной задачей партии является борьба на два фронта: с одной стороны – против бюрократического произвола, с другой – против «революционного анархизма» левых партий. При этом борьба против «самовластия» как правительства, так и крайних партий должна быть «облечена в правомерные формы». «Исходя из признания безусловной ценности человеческой личности, – подчеркивалось в воззвании, – партия мирного обновления высказывает свое решительное отвращение и к политическим убийствам, и к политическим казням, – ко всякому кровавому террору – революционному и правительственному. Превыше всего она дорожит чистотой нравственного облика

¹⁹⁴ Там же. С. 40.

освободительного движения»¹⁹⁵. Различие между собственной партией и другими конституционными партиями авторы воззвания усматривали прежде всего в особенностях своей тактики, не допускающей «никаких соглашений с крайними» и противостоящей «антиконституционному правительству»¹⁹⁶.

Давая теоретическое обоснование идеологических принципов партии мирного обновления, кн. Е. Н. Трубецкой указывал, что в их основе должны лежать «ценности человеческой личности», что для партии «дорог человек, как таковой», независимо от его национальности и общественного положения, что она «не терпит умаления человеческого достоинства». На этих принципах базировались программные положения и тактические установки партии, реализация которых, по мнению Трубецкого, если не превратит «Россию в рай», то, по крайней мере, помешает «ей превратиться в ад»¹⁹⁷. С этим напутствием партия мирного обновления отправилась в «самостоятельное плавание» по бурному морю российской непредсказуемой действительности.

Небольшие в численном отношении, не имевшие разветвленной региональной структуры, значительных финансовых вливаний, обе партии (партия демократических реформ и партия мирного обновления) не могли выдержать острой конкурентной борьбы и вскоре сошли с политической арены.

После поражения революции российская многопартийность как целое оказалась в состоянии глубокого кризиса, который поразил «все этажи» либеральных партийных структур, разрушил их коммуникации с избирателями, ослабил связи их центральных органов с местными комитетами и даже отчасти с думскими фракциями. Кризис заставил либеральных идеологов и политиков задуматься над проблемой перестройки собственных партийных организаций.

Поиск новых организационных форм, предпринятый еще осенью 1907 г. в III Думе группой прогрессистов во главе с И. Н. Ефремовым, привел к идее формирования еще одной либеральной партии. Однако этот процесс, как уже не раз бывало в либеральной среде, растянулся практически на 5 лет. И трудно сказать, чем бы кончилась вся эта затея, если бы не изменение политической ситуации в России. Новый виток активизации в стране массового движения, предстоящие выборы в IV Думу заставили лидеров думской прогрессистской группы ускорить процесс создания своей партии.

Учитывая, что истории формирования и деятельности партии прогрессистов посвящено несколько специальных монографических исследований¹⁹⁸, сосредоточу внимание на характеристике ее места в общей системе либеральных партий. В качестве основной цели новой политической организации ее лидер И. Н. Ефремов определил «объединение всех элементов русского общества, стоящих на прогрессивной точке зрения и не желающих надеть на себя какое-либо определенное партийное ярмо. Лозунг “воплощение в русской жизни действительных начал Манифеста 17 октября” должен объединить вокруг себя те элементы, которые не вошли ни в к.-д., ни тем более левые группы. Эта программа-минимум является платформой, к которой примыкают уже сейчас организующиеся элементы в различных губерниях России»¹⁹⁹.

Ефремов не скрывал, что главная задача новой партии утилитарна и поэтому партия не стремится «отмежеваться от соседей», не собирается навешивать на себя «очередной партий-

¹⁹⁵ Там же. С. 82.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же. С. 116, 125.

¹⁹⁸ См.: Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М., 1967; Селецкий В. Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996; Вишневский Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1994; Он же. Капитал и власть в России. Политическая деятельность прогрессивных предпринимателей в начале XX века. М., 2006.

¹⁹⁹ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы 1906–1917 гг. С. 261–262.

ный ярлык» (имелась в виду выработка определенной программы и определенной организационной структуры), а наоборот, она будет стремиться всячески «демонстрировать» терпимость «к индивидуальным воззрениям и теоретическим мнениям» как своим, так и примкнувшим к партии элементам. «Когда вопрос идет не о проведении радикальных реформ, а о создании самых основ нового политического строя, – заявил Ефремов, – нечего спрашивать о теоретических идеалах и отвлеченных мечтаниях возможных союзников. При таких условиях нельзя дробить силы, нужно делить избирателей только на две группы: сторонников старого абсолютизма, застоя и реакции, с одной стороны, а с другой – сторонников правового конституционного государства и неуклонного движения вперед по пути свободного развития интеллектуальных и творческих сил русского народа»²⁰⁰. Такое идеологически «всеядное» и организационно широкое «внепартийное объединение» позволит, по мнению Ефремова, заключать предвыборные соглашения и «с существующими партийными организациями», и «с беспартийными элементами, заслуживающими доверие на местах». При этом, наивно думал Ефремов, прогрессисты смогут сохранить свою «самостоятельность» и «независимость» от партий, с которыми они собираются заключать предвыборные соглашения.

Считая разработку партийной программы делом малоэффективным, Ефремов предлагал ограничиться подготовкой избирательной платформы, которая в перспективе может трансформироваться в партийную программу. По его мнению, эта платформа должна включать в себя такие общие требования, как «внутреннее единство и внешняя мощь России», «защита конституции от посягательств реакционеров»; «защита народно-хозяйственных интересов от поглощения их чрезмерно централизованным государством»; «осуждение “националистической” политики последнего времени», направленной «на угнетение других народностей, населяющих Россию». Под такие «гуттаперчевые» формулировки можно было «подогнать» любые программные требования. В истории формирования либеральных партий это было нечто новенькое.

Разумеется, Ефремов, не будучи теоретиком, прекрасно понимал, что избиратель на такую «наживку» едва ли клюнет. Поэтому, помимо «общих задач», он предлагал включить в избирательную платформу и конкретные требования, которые позволят «подвести фундамент под представительный строй», упрочат «новые законодательные учреждения». Однако перечислять эти требования Ефремов не захотел, ограничившись заявлением, что прогрессисты будут опираться на «организованное общественное мнение», что позволит им установить «живую духовную связь между народным представительством и гражданами», сознающими «свое право и свою обязанность» выражать «свое мнение по поводу всего происходящего в стране»²⁰¹.

Однако, как ни пытались лидеры прогрессистов продемонстрировать свою «внепартийность» и «широту взглядов» в ходе избирательной кампании в IV Думу, все же и они вынуждены были заняться разработкой структурированной программы и приступить к созданию организационных партийных структур²⁰². В ноябре 1912 г. прогрессисты провели свой съезд, на котором утвердили программу, тактику думской и внедумской деятельности, организационную структуру и избрали руководящие органы. Едва ли можно сомневаться в том, что на ноябрьском съезде прогрессисты конституировались в партию.

²⁰⁰ Там же. С. 265.

²⁰¹ Там же. С. 267–268.

²⁰² В состав Петербургского отделения ЦК прогрессистов вошли П. О. Гукасов, И. Н. Ефремов, В. Д. Кузьмин-Караваев, граф А. А. Уваров, И. К. Бекман, В. П. Энгельгардт, А. А. Федоров, М. М. Федоров, Н. Д. Шубин-Позднеев, В. А. Янович, граф И. И. Толстой, граф А. П. Толстой, А. Н. Брянчанинов, Н. Н. Львов, А. М. Масленников, М. М. Ковалевский, М. Д. Калугин, Д. П. Кандауров. В состав Московского ЦК вошли кн. В. М. Голицын, кн. Г. Е. Львов, кн. М. В. Голицын, кн. Е. Н. Трубецкой, Д. Н. Шипов, Н. В. Давыдов, Я. И. Лисицын, Л. Н. Новосильцев, С. И. Четвериков, А. И. Коновалов, В. П. Рябушинский, П. П. Рябушинский, С. Н. Третьяков, Н. Д. Морозов, С. С. Ермолаев-Зверев, граф С. Л. Толстой, Ю. И. Поплавский, А. В. Киселев.

Таким образом, с октября 1905 по ноябрь 1912 г. не прекращался процесс формирования либеральных партий. Это свидетельствовало, как уже отмечалось в первой главе, о незавершенности процесса размежевания и самоопределения в либеральной среде, в том числе и на уровне партийного самоопределения. Причем процессы размежевания и самоопределения переплетались друг с другом в двух плоскостях – между либеральными партиями и внутри каждой из них.

Сложность и противоречивость процесса формирования и функционирования либеральных партий выразилась, во-первых, в кратковременности бытования партии демократических реформ и партии мирного обновления, не выдержавших конкуренции с более крупными и генетически родственными с ними партиями – кадетами и октябристами; во-вторых, в предельной «рыхлости» «Союза 17 октября» и его фактическом распаде во время Первой мировой войны (прекращение деятельности в 1915 г. его ЦК, закрытие официального органа «Голос Москвы», распад думской фракции); в-третьих, появление партий типа прогрессистов, скорее напоминающих «избирательный штаб», чем настоящую политическую партию.

Крайне противоречивым оставалось и внутреннее состояние либеральных партий. Фактически в каждой из них были свои правое и левое крылья, а также «центр». Между ними не наблюдалось согласованности, что заставляло центральное руководство этих партий постоянно вырабатывать некую «среднюю линию», которая в конечном счете не только не обеспечивала должной консолидации партийных рядов, но, наоборот, все больше обособляла представителей внутрипартийных фракций. Единственной партией, которой с известными оговорками удалось до конца своего существования в России сохранить единство и окончательно не распасться, была партия кадетов. Хотя на протяжении всей ее истории на ее правом и левом флангах имели место «переходы» отдельных элементов в другие партийные структуры, тем не менее кадетские лидеры все же сохраняли единство партии и смогли сделать ее ведущей общероссийской политической либеральной организацией.

В целом же либеральная оппозиция в России ментально и организационно была неспособна к консолидации, что сказалось на низкой эффективности ее практической деятельности и стало одной из причин ее политического поражения.

2. Динамика численности и состава

Проблема численности и состава либеральных партий как самостоятельная проблема стала разрабатываться в отечественной литературе с середины 1980-х гг.²⁰³, и только с этого времени прочно вошла в контекст исследований по истории российских политических партий. В данном разделе ограничусь приведением агрегированных данных, показывающих динамику численности и состава либеральных партий за весь период их существования в России.

Основными документами, определяющими основные принципы членства в партиях, были их уставы, анализ которых позволяет понять и используемую в них терминологию (например, «член партии»), а также уяснить их политическую и организационную нагрузку. От степени разработанности уставных положений той или иной партии, а также применимости их на практике зависела прочность ее организационной структуры, идейно-политическая консолидация ее членов и в конечном счете эффективность ее деятельности. Отмечу, что анализ содержания уставов либеральных партий, а главное их практической применимости позволяет сделать общий вывод о том, что между тем и другим имел место зияющий «зазор». Ни одна либеральная партия в России уставные нормы не только не выполняла, но, как правило, их игнорировала. Складывается впечатление, что уставы либеральных партий скорее предназначались для предъявления их в соответствующие регистрационные органы, чем для повседневного партийного употребления. К слову, зарегистрированными властями были лишь две либеральные партии – «Союз 17 октября» и мирного обновления.

На фоне всех либеральных партийных уставов наибольшей основательностью отличается Устав кадетской партии. «Членами партии, – говорилось во втором его параграфе, – могут быть лишь лица, принявшие партийную программу и согласные подчиняться партийной дисциплине, установленной уставом партии и партийными съездами»²⁰⁴. Право принятия в члены партии принадлежало ЦК и губернским комитетам, а также лицам, уполномоченным ЦК. Причем те, кто был принят по решению ЦК, в состав местных групп не входили. Члены партии, «действующие прямо или косвенно во вред интересам партии», подлежали исключению из ее состава. Исключение производилось либо ЦК, либо партийным съездом. Члены партии обязаны были платить ежегодные взносы в кассу партии, размеры которых определялись общепартийными съездами. Сумма этих взносов в разные периоды существования партии колебалась в пределах от 60 коп. до 1 руб. 20 коп. Подчеркну, что данная уставная норма членами партии кадетов в реальной жизни никогда не выполнялась, несмотря на неоднократные напоминания ЦК и местных руководящих партийных органов. Не случайно проблема финансового обеспечения партии не сходилa с повестки дня партийных съездов и конференций, но так и не была решена. Фактически ЦК и местные комитеты существовали на взносы своих состоятельных членов или меценатов, сочувствующих кадетам и вносившим время от времени значительные пожертвования в фонд партии. Другими источниками пополнения бюджета кадетской партии являлись издательская деятельность, лекционная пропаганда, проценты с банковских вкладов, зарубежные «спонсорские» вливания.

Согласно Уставу, руководящими органами кадетской партии являлись общепартийные и региональные съезды. Вся текущая деятельность партийных организаций контролировалась ЦК и губернскими комитетами. Съезды должны были созываться ЦК не менее одного раза в

²⁰³ См.: Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. Сборник статей. М., 1987; Киселев И. Н., Корелин А. П., Шелохаев В. В. Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (Количественный анализ) // История СССР. 1990. № 4. С. 71–88; Постников Н. Д. Территориальное размещение и численность политических партий России в 1907–1917 гг. (По материалам Департамента полиции). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

²⁰⁴ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1905–1907 гг. Т. 1. С. 338.

год. На них выносились вопросы, касавшиеся коррекции программы и уставных документов, определялась тактика на текущий момент, проводились выборы ЦК, утверждался его отчет, смета доходов и расходов. Необходимо также отметить, что и эта уставная норма на практике не выполнялась. Хотя за время деятельности кадетской партии в России состоялось 10 общепартийных съездов, однако, начиная с 1908 и вплоть до 1916 г., партийные съезды вообще не проводились, их заменяли периодически созываемые конференции. По моим подсчетам, с июня 1908 по март 1914 г. состоялись 11 партийных конференций. В связи с тем, что съезды были заменены, по выражению самих партийных лидеров, их «суррогатами» – партийными конференциями, в течение всего этого времени не переизбирался состав ЦК, что было одной из постоянных причин недовольства местных партийных организаций.

Согласно Уставу, в губерниях образовывались губернские комитеты, которые, как и ЦК, избирались на один год губернским партийным съездом. Губернским комитетам предоставлялось право организовывать уездные и другие «порайонные комитеты», поддерживать с ними регулярные связи. На этом организационном уровне уставные нормы также не выполнялись.

Общий вывод сводится к тому, что в организационном смысле «кадетское хозяйство» находилось если не в полном, то в значительном «запустении», что ослабляло организационный потенциал кадетской партии.

В отличие от кадетского Устава, который хотя бы как-то выстраивал организационную структуру кадетской партии, Устав партии «Союз 17 октября» был еще более аморфным. Так, в «Союз 17 октября» могли входить «все партии и лица», которые «примыкают к основным положениям программы»²⁰⁵. Характерно, что Устав допускал «параллельное членство в других партиях и организациях». Едва ли нужно доказывать, что эти «партии и лица» разделяли далеко не все положения программы, не говоря уже о выполнении уставных норм. Поэтому говорить о каком-то организационном единстве «Союза 17 октября» вообще не приходится: члены партии не «обременяли» себя выполнением каких-либо партийных поручений, считали себя свободными от уплаты ежегодных партийных взносов, которые, кстати, были мизерны (50 коп. в год).

Вступавшие в «Союз 17 октября» партии и организации продолжали сохранять свою автономию, т. е. имели собственные центральные органы, программы, самостоятельную сеть местных организаций. Единственное ограничение в Уставе сводилось к тому, что в «Союз 17 октября» не могли входить «те лица и партии», которые выступали за сохранение неограниченного самодержавия или, напротив, требовали созыва Учредительного собрания и создания демократической республики²⁰⁶.

Безмерная «широта» и неопределенность уставных формулировок привела к тому, что «Союз 17 октября» в буквальном смысле слова был наводнен не только разношерстными в политическом отношении элементами, но и элементами с сомнительной моральной репутацией. Ситуацию усложняло и то обстоятельство, что фактически запись в ряды «Союза» производилась без каких-либо рекомендаций, чаще на основании устной просьбы одного из членов местного отдела. В результате «Союз 17 октября» напоминал скорее дискуссионный клуб, чем партию единомышленников.

На первых порах к «Союзу 17 октября» «на автономных» началах присоединилось 23 партии и организации. Управлять таким разнородным «хозяйством» октябристскому руководству оказалось не по силам. Оба отдела ЦК – Московский и Петербургский, а также городские советы были вынуждены затрачивать огромные усилия на бесконечное согласование программных положений и тактических установок, на выработку избирательных платформ. Однако это не давало весомых результатов, не удовлетворяло пеструю массу автономных

²⁰⁵ Устав общества под названием «Союз 17 октября». М., 1906. С. 2.

²⁰⁶ Там же. С. 4–5.

организаций и разношерстных элементов, наводнивших на первых порах низовые партийные отделы. С самого начала и до конца своего существования «Союз 17 октября» был раздираем противоречиями, склоками и скандалами.

Еще более расплывчатыми были уставы партии демократических реформ и партии мирного обновления. Так, лидеры партии демократических реформ считали, что любая жесткая организационная структура, строгая партийная дисциплина сковывают «свободу личности» и мешают «свободе проведения внутрипартийных дискуссий». В Уставе партии демократических реформ вообще не регламентировался ни порядок приема в члены, ни их выход из организации, а также не фиксировался размер партийных взносов.

Примерно в таком же духе был составлен Устав партии мирного обновления, согласно которому прием в члены партии производился ЦК или местным комитетом на основании письменного или устного заявления. Общее руководство партией осуществлял ЦК, избираемый партийным съездом.

Даже краткое ознакомление с уставными документами либеральных партий показывает, что их лидеры являлись противниками создания организаций централистского типа, ибо, по их мнению, такой тип партии нарушает права и свободы личности. Идеалом либеральных идеологов являлись западноевропейские партии парламентского типа, которые через систему разветвленных организационных связей осуществляли подготовку к избирательным кампаниям в парламент, а через своих фракционных депутатов и органы печати поддерживали связи с избирателями. Однако в России партии западноевропейского типа являлись малоэффективными, поскольку они формировались и действовали в принципиально иной исторической обстановке. В ведущих европейских странах формирование политических партий происходило в период, когда в основном завершился переход к гражданскому обществу и правовому государству. Принципиально иная ситуация была в России, где еще предстояло совершить такой переход. Поэтому перед образующимися политическими партиями стояла весьма ответственная задача – принять активное участие в формировании гражданского общества и правового государства. А для этого им нужно было прежде всего разработать и презентовать обществу собственные варианты его преобразования, убедить общественное мнение в их обоснованности и эффективности, не прекращая при этом острейшую конкурентную борьбу с политическими соперниками и противниками.

Таким образом, можно резюмировать: политические партии в России, включая либеральные, формировались и действовали на «марше» перехода от традиционного к современному гражданскому обществу и правовому государству. Именно этим объясняется сложный и противоречивый процесс формирования либеральных партий, который также носил переходный характер, обусловивший их особенности, в том числе и организационного характера. Более того, создание либеральных партий происходило в условиях революционной «раскачки» массового сознания, когда различные слои российского общества определялись с «выбором» своих политических и партийных предпочтений. Незавершенность этого выбора определяла неустойчивость элементов, входящих в либеральные партии, их частные переходы из одной партии в другую. Эти процессы наблюдались не только на низовом уровне, но и на «средних» и «высших» партийных этажах.

Как уже отмечалось, пик партийного строительства либеральных партий приходился на период Первой российской революции, точнее – на конец 1905 и 1906 г. По моим подсчетам, в этот период возникли 370 кадетских организаций (губернских, областных, уездных, сельских), общая численность членов партии достигла примерно 70 тыс. человек. Преобладающее число кадетских организаций (296) находилось в столичных, губернских, областных и уездных городах, и только 74 организации были созданы в сельской местности.

В ноябре 1905 г. начался процесс конституирования партии «Союз 17 октября». По моим подсчетам, в конце 1905 и 1906 г. открылись 260 отделов этой партии. Основное количество

отделов (227) также возникло в столичных, губернских, областных и уездных городах, и только 33 отдела были созданы в сельской местности. Общая численность «Союза 17 октября» в этот период колебалась в пределах от 70 тыс. до 80 тыс. человек.

До определенного момента, до осени 1906 г., численность кадетов и октябристов была примерно равной. Однако с осени 1906 г. в рядах «Союза 17 октября» начался раскол, участились случаи выхода из партии, значительная часть ее членов переметнулась к правоконсервативным организациям, небольшая часть перешла в партию мирного обновления.

На порядок меньшей была численность отделов партии демократических реформ и партии мирного обновления. По данным Н. Б. Хайловой, в 1906–1907 гг. отделы партии демократических реформ действовали в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Тотьме, Юхнове, Симферополе, Дорогобуже, Красном, Вильно и других городах, общая численность их членов колебалась в пределах 1–2 тыс.²⁰⁷. Что касается партии мирного обновления, то, по данным В. М. Шевырина, в 1906–1908 гг. в 12 городах (Петербург, Москва, Киев, Одесса, Смоленск и др.) возникли 25 отделов, насчитывавших около 2 тыс. членов партии²⁰⁸.

Таким образом, подавляющее число организаций либеральных партий концентрировалось в столичных, губернских и уездных городах, ориентируясь на более мобильные и культурные средние слои населения, заинтересованные в назревших политических, экономических и социальных переменах. Средние городские слои являлись той социальной опорой, на которую делали ставку идеологи и политики либеральных партий. В сельской местности организаций либеральных партий (прежде всего кадетов и октябристов) было мало. Более того, после роспуска I и II Дум их число свелось к минимуму, и они ничем не проявляли себя в практической деятельности. Если на выборах в I Думу и на первом этапе ее деятельности крестьянские депутаты еще как-то проявляли интерес к либеральным фракциям, то ознакомление с их аграрными разделами программ вызвало у них полное разочарование. В сознании крестьянских депутатов либеральные фракции воспринимались как «господские», с которыми им не по пути.

После революции 1905–1907 гг. кривая общей численности либеральных партий резко пошла вниз. По моим подсчетам, число кадетских организаций в 1908–1909 гг. сократилось с 370 до 100, в 1913–1914 гг. – до 80. Причем наиболее интенсивно сокращались уездные и особенно сельские организации²⁰⁹. В результате численность кадетской партии накануне Первой мировой войны не превышала 10–12 тыс. человек, т. е. сократилась по сравнению с периодом революции 1905–1907 гг. в пять раз²¹⁰. Та же участь постигла и партию октябристов. Число ее отделов в 1908–1909 гг. уменьшилось до 127, общая численность партии сократилась в несколько раз. После раскола октябристской фракции в IV Думе развал октябристской партийной периферии приобрел уже необратимый характер²¹¹.

Весьма невелико было число местных организаций партии прогрессистов. Исследователям удалось выявить наличие комитетов этой партии в 13 городах (Петербург, Москва, Киев, Казань, Харьков, Саратов, Тула, Тамбов, Самара, Екатеринослав, Вильно, Одесса, Тифлис) и в Области Войска Донского. Однако эти комитеты фактически выполняли функции не собственно партийных, а избирательных комитетов, целью которых была организация избирательной кампании по выборам в IV Думу, а затем поддержание связей с думской фракцией и избирателями.

²⁰⁷ См.: Хайлова Н. Б. Партия демократических реформ. Дис. ... канд. ист. наук.

²⁰⁸ См.: Шевырин В. М. Рыцарь российского либерализма. Граф Петр Александрович Гейден. С. 214.

²⁰⁹ См.: Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907–1914 гг. М., 1991. С. 10.

²¹⁰ Там же. С. 12.

²¹¹ Там же. С. 13–15.

В условиях нарастающего организационного кризиса, охватившего не только нижние, но и средние и даже верхние «этажи» либеральных партий, шел довольно интенсивный процесс разрушения коммуникаций между их центральными и низовыми структурами. Так, в 1907–1914 гг. кадетам, прогрессистам и октябристам удалось созвать только по одному партийному съезду. Отмечу, что в отличие от прогрессистов и октябристов кадетское руководство все же принимало настойчивые меры к сохранению контактов со своими низовыми (прежде всего губернскими) организациями. В этот период основной формой организационной связи ЦК и думской фракции с представителями местных комитетов стали партийные конференции. Была нарушена и регулярность заседаний ЦК кадетской партии, которые более или менее постоянно посещали 10–15 человек, т. е. около трети состава ЦК.

Еще более слабыми оказались организационные связи ЦК октябристов с местными отделами. Фактически единственной формой коммуникации между ними являлась переписка. В отличие от кадетов, октябристские лидеры в 1907–1911 гг. вообще не утруждали себя частым проведением заседаний ЦК, предпочитая решать тактические вопросы либо в Бюро думской фракции, либо в кулуарах. Однако в 1912–1914 гг. организационная деятельность ЦК октябристов несколько активизировалась. Если с сентября 1912 по октябрь 1913 г. состоялись 15 заседаний ЦК, то с октября 1913 по 19 июня 1914 г. – уже 23. В ноябре 1913 г. ЦК провел свою последнюю партийную конференцию, решения которой послужили детонатором раскола сначала думской фракции, а затем и партии в целом²¹². В письме к А. И. Гучкову от 15 марта 1914 г. К. Э. Линдеман писал: «“Союз 17 октября”, очевидно, разрушается. По поводу съезда мною дважды были разосланы доклады и циркуляры в провинцию по всем отделам и частным лицам, в числе около 250 экз. каждый, ответов (за три месяца) получено не более 25. Два отдела ответили даже, что они не существуют.

Московские отделы собираются так: Замоскворецкому было послано 150 пригласительных повесток – собралось всего 6 человек; Мещанскому отделу было послано 75 повесток – прибыло 3 человека. Вчера Пречистенскому отделу было послано 40 повесток, а собралось всего 2 человека. Газеты у нас нет, ибо “бывшая” уходит влево и похожа больше на кадетскую»²¹³. Письмо К. Э. Линдемана П. В. Каменскому от 27 января 1915 г. было предельно лаконичным и одновременно трагичным: «У нас полный застой и прекращение всякой жизни. В ЦК не бывает никого, и писем там не получают и не отправляют»²¹⁴.

На фоне организационного кризиса кадетской и особенно октябристской партий стал набирать силу (крайне медленно и робко в 1908–1909 гг., а затем все более интенсивно и целенаправленно с 1912 г.) процесс политической консолидации прогрессистски настроенных элементов. Опыт пятилетней работы III Думы убедительно показал широким общественным кругам, что если так будет продолжаться и впредь, то Россию ждет вторая революция. Формирующаяся в стенах III Думы фракция прогрессистов поставила перед собой задачу перехватить лидерство у кадетов и октябристов и предложить обществу собственную модель преобразований. Не случайно съезд прогрессистов, состоявшийся 11–13 ноября 1912 г., принял программу, избрал ЦК, наметил думскую тактику, в основу которой была положена давнишняя идея «либералов-центристов» создать в Думе «конституционный центр», который должен стать настоящим «мотором» эффективного законодательного творчества.

Появление на политической арене нового партийного конкурента, щедро подпитываемого представителями промышленных и финансовых кругов, заставило «зашевелиться» кадетов и октябристов, заняться организационным укреплением своих рядов, активизировать свою

²¹² Там же. С. 16–17.

²¹³ См.: Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 393.

²¹⁴ Там же. С. 425.

думскую и внедумскую деятельность. Однако если кадетам в общем и целом удалось преодолеть организационный хаос и мобилизоваться, то октябристы конкуренции с прогрессистами не выдержали. Примечательно, что многие представители бывших партий демократических реформ и мирного обновления «перебежали» в ряды партии прогрессистов, рассчитывая в перспективе на ее лидирующие позиции в IV Думе.

Начавшаяся Первая мировая война явилась фактором, ухудшившим организационное состояние либеральных партий. Так, летом 1915 г. окончательно прекратил свою деятельность ЦК партии октябристов. Единственно, что сохранилось от «Союза 17 октября», это его расколовшаяся на три части думская фракция, раздираемая внутренними противоречиями и личными склоками ее лидеров. Думские фракции октябристов (прежде всего фракция земцев-конституционалистов во главе с М. В. Родзянко) продолжили поддерживать в общественном сознании веру в то, что октябризм как либеральное политическое течение еще рано списывать со счетов, что оно при благоприятных условиях еще может сыграть свою историческую роль. Но это была наивная вера в чудо. Трезво смотрящий на дальнейшие перспективы октябристов К. Э. Линдеман писал 7 мая 1915 г. В. С. Отрадинскому: «Думается мне, что нам после войны придется создать новую партию, так как «Союз 17 октября» уже слишком развалился и ждать от него ничего нельзя»²¹⁵.

Партия кадетов в период Первой мировой войны потеряла еще 30 региональных организаций. С июля 1914 по март 1917 г. в стране действовали 50 (26 губернских, 13 городских, 11 уездных) комитетов. В отличие от распавшейся партии октябристов и прогрессистов, утративших значительное число своих отделов, кадетам удалось провести один общепартийный съезд (февраль 1916 г.), две общепартийные конференции (июнь 1915 и октябрь 1916 г.), а также областные съезды в Москве, Киеве, Самаре и Саратове.

Единственное, что оставалось в распоряжении либеральной оппозиции в годы войны – это думские партийные фракции. Их лидеры стремились к консолидации партийных структур, дабы совместными усилиями противостоять натиску консервативных сил, воспользовавшись экстремальной ситуацией войны и рассчитывавших взять реванш. Думским либеральным фракциям удалось реализовать идею создания Прогрессивного блока, который, с одной стороны, должен был стать «плотиной» против натиска правоконсервативных сил, с другой – сыграть мобилизующую роль в проведении через Думу ряда важных реформ. Однако это была запоздалая попытка, ибо Прогрессивный блок, сумевший на умеренной программе объединить большинство думских фракций, действовал в пределах исключительно парламентского пространства и, естественно, не мог контролировать, а тем более осуществлять руководство общественным движением в стране. В условиях предельного обострения всей совокупности противоречий (политических, национальных, экономических, социальных) Прогрессивный блок, хотел он того или нет, сам становился одним из факторов обострения системного кризиса в стране. Начавшаяся в России Февральская революция, став очередным экзаменом на выживаемость либеральных политических партий, подвела окончательную черту под историей многих из них.

Испытание новой революцией выдержала лишь одна кадетская партия, которой в сравнительно короткие сроки удалось восстановить свою организационную структуру и увеличить численность своих рядов. В феврале – марте 1917 г. число кадетских организаций достигло цифры 380, поднявшись до уровня 1906 г. Общая численность партии даже несколько увеличилась по сравнению с 1906 г. и составила более 100 тыс. человек. Следует отметить, что возрождение кадетских организаций произошло в тех же регионах, где они впервые конституировались в годы Первой русской революции. Это свидетельствовало о сохранившейся преемственности и устойчивости их адептов к восприятию либеральной идеологии и политики.

²¹⁵ Там же. С. 427.

Крайне важным для понимания социальной природы либеральных политических партий представляется рассмотрение их социального состава. В новейшей историографии эта проблема, так или иначе, затрагивалась в ряде работ, посвященных истории либеральных партий. Более обстоятельно эта тема раскрыта применительно к истории кадетской партии. Выявленные исследователями на данный момент сведения говорят о том, что кадетская партия представляла собой весьма сложный и изменчивый социальный организм, причем удельный вес составляющих его элементов не был величиной постоянной. В зависимости от политической ситуации в стране, расстановки партийных сил в том или ином регионе социальный состав кадетских организаций стремительно менялся. Если на первых порах в ряде промышленных центров кадетам удалось привлечь в свои ряды рабочих (сравнительно небольшое число), то после роспуска I Думы они стали покидать ряды кадетских организаций. Эта тенденция с нарастающей силой проявилась и в дальнейшем. Впоследствии Милюков вынужден был признать, что «рабочий класс сам настолько связал себя с партией социал-демократов, что доступ в его ряды партии кадетов был совершенно прегражден»²¹⁶.

При вербовке в свои организации крестьян кадеты поначалу добились определенных успехов. Характерно, что большинство сельских кадетских организаций находилось в промышленных и торговых селах, где была сравнительно велика доля зажиточного и грамотного крестьянства. На заседаниях ЦК неоднократно отмечалось, что кадетской аграрной программой довольны прежде всего зажиточные крестьяне и казаки. Однако и эти элементы крестьянства не стали прочной социальной опорой кадетов в деревне. По сути, выход из кадетских рядов представителей широких народных масс – рабочих и крестьян – означал провал первоначальных надежд кадетского руководства на то, что их партия будет по своему составу «крестьянско-рабочей»²¹⁷.

Несколько сложнее обстояло дело с другими категориями лиц наемного труда (служащие, чиновники). В партию кадетов входили высокооплачиваемые слои служащих общественных структур (главным образом земских и городских самоуправлений), частных заведений (административный персонал фабрик, заводов, торговых контор), государственных учреждений (администрация железнодорожных и почтово-телеграфных управлений, государственно-административного аппарата, банков, судов и т. д.). Их привлекала предложенная кадетами альтернатива решения политических и социальных вопросов парламентским путем, «широта» кадетской программы, отсутствие жесткой дисциплины, а также респектабельность этой партии, включавшей цвет российской интеллектуальной элиты, видных деятелей земского и городского самоуправления, передовых представителей бизнеса. Что же касается средних и особенно низших слоев служащих и чиновников, то их в партии кадетов было сравнительно немного.

Однако и удельный вес служащих и чиновников в кадетской партии не был константой. Стоило правительству издать 14 сентября 1906 г. указ о запрещении чиновникам государственных учреждений состоять членами политических партий и союзов, как подавляющая часть чиновников покинула ряды кадетской партии. Этот указ был распространен и на служащих земских и городских самоуправлений. В результате в кадетской партии осталась весьма незначительная часть чиновников и служащих.

Значительный удельный вес в составе кадетской партии средних городских слоев (ремесленники, кустари, владельцы средних и мелких торговых заведений и контор) объясняется прежде всего их недовольством архаичностью законодательства, мешавшего раскрыть в полной мере их творческие потенции и реализовать личные устремления. В их представлении реализация кадетской программы позволяла снять эти препоны, создать условия для развития мелкого и среднего бизнеса. Не случайно эти социальные группы в 1906 г. в буквальном

²¹⁶ Милюков П. Либерализм, радикализм, революция // Современные записки. Париж, 1935. Т. 57. С. 295.

²¹⁷ Полярная звезда. 1906. № 7. С. 446.

смысле слова хлынули в кадетскую партию, существенно пополнив ряды местных партийных организаций. Однако эта социальная опора была также весьма шаткой.

Что касается пребывания в рядах кадетской партии крупной и средней буржуазии, то, как показано в монографии Ф. А. Селезнева, ее удельный вес был невелик²¹⁸.

Более прочной опорой кадетской партии являлись широкие слои либеральной и отчасти демократической интеллигенции, которая присутствовала на всех «этажах» кадетской партийной структуры. В кадетскую партию входили высокооплачиваемые слои интеллигенции: профессора, приват-доценты, адвокаты, врачи, инспекторы народных училищ, преподаватели гимназий, инженеры, редакторы газет и журналов, видные литераторы, ученые. Значительная часть интеллигенции сочетала занятия чисто интеллектуальным трудом с активной общественной деятельностью в земском и городском самоуправлении и управлении. В кадетскую партию вошла и чисто «деловая» интеллигенция, обслуживавшая крупную капиталистическую собственность: директора и управляющие банков, высокооплачиваемые инженеры, юрисконсульты, члены правлений промышленных и страховых обществ, банков и т. д.

Относительно возрастного ценза следует отметить, что в партию кадетов, как правило, входили лица в возрасте 35–45 лет, т. е. те, кто уже достиг на профессиональном поприще значительных результатов и определился с выбором мировоззренческой и жизненной позиции.

Весьма показательным является социальный состав ЦК кадетов. Среди членов ЦК, избранных и кооптированных в 1905–1907 гг., было 44 представителя интеллигенции и 11 крупных помещиков. В 1907–1914 гг. в составе ЦК кадетов произошли некоторые изменения. По моим подсчетам, в этот период среди 45 членов ЦК было 13 крупных землевладельцев и 8 домовладельцев. 18 членов (40 %) в той или иной степени были связаны с различными отраслями промышленного производства, книгоиздательством и банковским делом. Два члена ЦК (Н. И. Астров и М. В. Челноков) являлись крупными московскими капиталистами. Широкий диапазон промышленной и финансовой деятельности был у А. И. Каминки, М. Г. Комиссарова, Ф. А. Головина, Н. Н. Кутлера, А. Р. Ледницкого, В. Д. Набокова, И. Я. Пергамента и Н. Н. Щепкина. Значительно улучшили свое материальное положение П. Б. Струве, В. А. Маклаков, С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев, А. А. Мануйлов, П. Н. Милюков и др.²¹⁹.

Разумеется, деление на интеллигентов и помещиков носит весьма условный характер. Все лица, вошедшие в рубрику «помещики», имели университетское или специальное высшее образование, в течение многих лет занимались общественной, научной и педагогической деятельностью, публиковались во многих центральных и местных печатных органах. В свою очередь, многие интеллигенты владели крупной земельной собственностью, а некоторые одновременно занимались промышленным производством и бизнесом.

Значительная часть членов ЦК кадетов имела многолетний опыт активного участия в земском и городском самоуправлении, довольно разветвленные семейные и личные связи друг с другом, а также с представителями других социальных страт и общественно-политических кругов. Кроме того, интеллектуалы, вошедшие в состав ЦК кадетской партии, имели связи с международным научным сообществом, зарубежными общественными, политическими и культурными кругами.

Ведущую роль в кадетской партии играли князья Рюриковичи – Павел Д., Петр Д. Долго-руковы и кн. Д. И. Шаховской; всемирно известный ученый академик В. И. Вернадский; крупнейшие специалисты в области гражданского и уголовного права – профессора С. А. Муромцев, И. В. и В. М. Гессены, Л. И. Петражицкий, С. А. Котляревский; крупные историки – П. Н. Милюков, А. А. Корнилов, А. А. Кизеветтер; экономисты и публицисты – П. Б. Струве, А. С.

²¹⁸ См.: Селезнев Ф. А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2006.

²¹⁹ См.: Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907–1914 гг. С. 207–211.

Изгоев, А. В. Тыркова; крупный специалист по национальному вопросу приват-доцент Ф. Ф. Кокошкин; крупные специалисты-аграрники – А. А. Кауфман, Н. Н. Кутлер, Н. Н. Черненко; популярные адвокаты – М. М. Винавер, А. Р. Ледницкий, В. А. Маклаков, М. Л. Мандельштам, Н. В. Тесленко; видные земские и общественные деятели – И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, А. М. Колубакин, А. А. Муханов, Д. Д. Протопопов, А. И. Шингарев, М. Г. Комиссаров, Н. М. Кишкин, Н. Н. Щепкин и др. Призванным лидером кадетской партии, ее теоретиком и стратегом по праву можно считать П. Н. Милюкова.

Приведенные сведения о руководящем «ядре» кадетской партии убедительно свидетельствуют о том, что кадеты являлись партией нового поколения интеллектуальной элиты (дворянской, разночинной, «деловой»), предложившей рациональную модель перехода России к гражданскому обществу и правовому государству, которая отвечала объективным потребностям ее общественного развития на ближайшую историческую перспективу. С этой точки зрения кадетская партия выражала общенациональные интересы развития страны, а не узкоклассовые интересы российской буржуазии, в целом консервативной и политически инертной. Не случайно после Февральской революции 1917 г. партия кадетов стала центром притяжения общественных кругов, заинтересованных в отстаивании этих общенациональных интересов.

Если проблему социального состава кадетской партии в современной историографии можно считать основательно изученной, то этого нельзя еще сказать о социальном составе «Союза 17 октября». В результате многолетних изысканий мне удалось выявить сведения о социальном составе целого ряда столичных, губернских, городских и уездных отделов октябристов, которые позволяют дать обобщающую характеристику социальной природы «Союза 17 октября»²²⁰.

Во-первых, в составе октябристских организаций практически отсутствовали представители рабочих и крестьян. В конце 1905 г. под вывеской «Союза 17 октября» были образованы «Рабочая партия» и «Крестьянский союз», которые так и не стали массовыми организациями. Например, «Рабочая партия», созданная по инициативе и усилиями кн. А. В. Оболенского в Петербурге, прекратила свое существование сразу же после выборов в I Думу. Такая же участь постигла «Рабочую партию» в Сормове. Имеются весьма скудные сведения и о наличии в рядах октябристов представителей крестьянства. По признанию Ю. Н. Милютина, товарища председателя ЦК «Союза 17 октября», «низшие слои населения относятся к “Союзу” недоверчиво»²²¹.

Несколько сложнее обстояло дело с представителями средних городских слоев. Наибольший процент в партии октябристов составляли торгово-промышленные служащие. Однако, в отличие от кадетов, в «Союз 17 октября» входили главным образом высокооплачиваемые слои этих служащих, которые, как правило, занимались управленческой деятельностью, были тесно связаны с владельцами торгово-промышленных предприятий, выступая в роли доверенных лиц или агентов. В «Союзе 17 октября» состояло немало и таких служащих, которые были «записаны» в эту партию по указке своих хозяев или даже под угрозой увольнения с работы.

Вместе с тем в партию октябристов довольно охотно вступали чиновники различных рангов (тайные советники, действительные статские советники, статские советники, надворные советники и т. д.), которые были (в прошлом или настоящем) тесно связаны с госаппаратом или местной администрацией. Примечательно, что, несмотря на указ 14 сентября 1906 г., «выбывший» из состава нелегализованной кадетской партии многих чиновников и служащих, правительство в целом не препятствовало участию чиновников в официально зарегистрированной партии октябристов.

Из числа военных в партию октябристов вошли генерал-майоры, генерал-лейтенанты, контр-адмиралы, вице-адмиралы, полковники в отставке; из представителей интеллигенции

²²⁰ См.: Шелохаев В. В. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987. С. 41–51.

²²¹ Слово. 1906. 30 января (12 февраля).

– консервативно настроенные профессора, приват-доценты, преподаватели духовных семинарий, гимназий, реальных училищ; «модные» врачи, являющиеся владельцами клиник или занимающиеся частной практикой, крупные адвокаты. В рядах партии октябристов было немало представителей «деловой» интеллигенции: директора и управляющие промышленными предприятиями, торговыми фирмами, банками, конторами; высокооплачиваемые инженеры, члены правлений промышленных и торговых обществ, банков; юрисконсульты и т. д.

Весьма показательным является социальный состав ЦК партии октябристов. Все 33 основателя «Союза 17 октября» принадлежали к торгово-промышленным и финансовым кругам, к крупным помещикам, высшим слоям интеллигенции и чиновникам²²². В ЦК вошли известные общественные деятели: граф П. А. Гейден, Д. Н. Шипов, М. А. Стахович, кн. Н. С. Волконский, Н. А. Хомяков, А. И. Гучков; профессора, адвокаты, деятели науки и культуры – В. И. Герье, В. И. Сергеевич, Н. С. Таганцев, Ф. Н. Плевако, М. В. Красовский, Л. Н. Бенуа; издатели и журналисты – Н. Н. Перцов, А. А. Столыпин, Б. А. Суворин; крупные представители торгово-промышленного мира и банковских кругов – Н. С. Авдаков, граф В. В. Гудович, Ф. И. Енакиев, Г. А. Крестовников, С. И. Четвериков, братья П. П. и В. П. Рябушинские. Лидером «Союза 17 октября» являлся А. И. Гучков.

В 1907–1914 гг. социальный состав ЦК претерпел некоторые изменения. По моим подсчетам, среди 108 членов ЦК было 76 дворян (более 70 %) и 24 потомственных почетных гражданина. 15 членов ЦК принадлежали к высшей титулованной знати, причем 9 из них имели придворные звания, 36 являлись тайными, действительными статскими и статскими советниками, 3 – мануфактур- и коммерц-советниками. Однако из 76 дворян «чистых» помещиков было лишь 13, а 23 человека самым непосредственным образом были связаны с промышленной, финансовой и издательской деятельностью, 17 являлись профессорами, приват-доцентами и преподавателями высших учебных заведений, 9 присяжными поверенными, 7 чиновниками различных министерств, 4 директорами-попечителями, 3 человека врачами.

Более 50 членов ЦК октябристов, т. е. почти половина, владели торгово-промышленными предприятиями, банками и торговыми домами. Многие члены ЦК октябристов являлись директорами, председателями и сопредседателями, членами правлений различных акционерных обществ и банков. Среди них назову имена Н. С. Авдакова, В. К. фон Анрепа, К. П. Бахрушина, А. И., К. И., Ф. И. Гучковых, Ф. Е. Енакиева, Г. А. Крестовникова, Г. Г. Лерхе, барона Е. Е. Тизенгаузена²²³.

По возрастному составу октябристы были несколько старше кадетов: их средний возраст колебался от 45 до 50 лет. Вполне можно согласиться с общей оценкой социальной природы «Союза 17 октября», данной отечественным исследователем Д. Б. Павловым. По его мнению, «Союз 17 октября» представлял собой партию «служивого дворянства (еще не полностью порвавшего, однако, с традиционными дворянскими занятиями) и крупной, частично “одворяненной” торгово-промышленной и финансовой буржуазии»²²⁴. Это был некий «симбиоз» крупных помещиков и крупных буржуа, с одной стороны, еще прочно связанных со всей системой традиционных отношений пореформенного периода, а с другой – начавших ощущать необходимость объективно назревших перемен во всех сферах политической, экономической и социальной жизни страны. Не случайно партия октябристов, взявшая в качестве своего знамени Манифест 17 октября, оказалась, как и вся созданная Манифестом политическая система, в крайне сложном положении. И все же оба социальных элемента октябризма были заинтересованы в утверждении в России гражданских и политических свобод, без чего уже не могла нор-

²²² См.: Шелохаев В. В. Партия октябристов в период первой российской революции. С. 50–51.

²²³ См.: Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907–1914 гг. С. 25–26, 212–226.

²²⁴ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. Т. 1. С. 9.

мально функционировать современная капиталистическая система, и рассчитывали в рамках «октроированной конституции» реализовать собственный проект преобразования страны.

Относительно социального состава партии демократических реформ и партии мирного обновления имеющиеся сведения весьма скудны. Н. Б. Хайловой удалось собрать данные о 73 членах партии демократических реформ. Среди них было 10 редакторов и членов редакций газет и журналов; 15 профессоров и преподавателей учебных заведений; 14 частных присяжных поверенных и их помощников; 5 мировых судей, 5 чиновников государственных учреждений; 5 инженеров; 7 членов акционерных обществ, управляющих промышленными предприятиями; 4 торговца, 1 податной инспектор, 1 врач, 3 литератора, 2 художника, 1 театральная деятель²²⁵. Комментируя эти данные, Хайлова подчеркивает наличие в составе партии демократических реформ значительного числа лиц с высоким образовательным цензом, деятельность которых была связана с интеллектуальным трудом. Так, в Организационный комитет этой партии, а затем и в ее Центральное бюро вошли профессора Петербургского политехнического института (М. М. Стасюлевич, В. Д. Кузьмин-Караваев, К. П. Боклевский, А. Г. Гусаков, И. И. Иванюков, А. П. Македонский, Н. А. Меншуткин, М. И. Носач), адвокат Д. В. Стасов, историк и социолог М. М. Ковалевский. Недаром в общественных кругах эту партию называли «профессорской».

Весьма солидным был возраст руководящего «ядра» партии: М. М. Стасюлевич – 80 лет, В. Д. Стасов – 78, К. К. Арсеньев – 69, И. И. Иванюков – 62 года, А. С. Постников – 61 год. Однако большая часть членов партии находилась в возрасте от 41 года до 50 лет. Как видим, социальную основу этой партии составляли люди, имевшие большой жизненный и практический опыт и проникнутые, по словам М. М. Ковалевского, «сознанием, что всякий прогресс есть результат поступательного хода истории»²²⁶.

Как было показано ранее, в партии мирного обновления, «отпочковавшейся» от «Союза 17 октября», по преимуществу находились представители земского и городского самоуправления, прошедшие большую школу общественно-политической борьбы с высшим и региональным административным аппаратом за конституцию и гражданские права.

Сложнее обстоит дело с определением социального состава партии прогрессистов. К сожалению, в исследованиях по истории формирования и функционирования этой партии данная проблема фактически не рассматривается. Как правило, историки ограничиваются перечислением состава руководящих органов партии, многие из которых перешли в нее из «Союза 17 октября», партий демократических реформ и мирного обновления. Впрочем, в исследованиях отмечается высокий процент представителей промышленности и бизнеса в руководящих органах прогрессистов. Действительно, в общественных кругах эту партию считали партией «настоящей буржуазии», открыто отстаивавшей на политической арене интересы капитала и выступающей за проведение активной внешней политики.

Как мне представляется, картина выглядит все же не столь однозначной. По выявленным мной данным, из 39 членов ЦК партии прогрессистов к дворянам принадлежали 29 человек, к потомственным почетным гражданам 9, сословная принадлежность одного члена ЦК неизвестна. Из 29 дворян 9 человек принадлежали к высшей титулованной знати, из них 4 имели придворные звания; 8 были тайными, действительными статскими и статскими советниками. 14 дворян являлись землевладельцами, из них 11 крупными. Из 9 потомственных граждан было 7 домовладельцев и один крупный землевладелец. 12 членов ЦК так или иначе были связаны с различными сферами торгово-промышленной и финансовой деятельности²²⁷.

²²⁵ См.: Хайлова Н. Б. Партия демократических реформ. Дис. ... канд. ист. наук. Приложение и таблица № 1.

²²⁶ Цит. по: Хайлова Н. Б. Партия демократических реформ // Политическая история в партиях и лицах. М. 1994. С. 63.

²²⁷ См.: Шелохаев В. В. Прогрессисты // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 51; Он же. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907–1914 гг. С. 27, 226–229.

Скорее всего, это был «союз» представителей помещиков, стремившихся сохранить свою частную собственность, но желавших так или иначе модернизировать ее применительно к современным условиям, а также представителей мира промышленности и бизнеса, которые делали ставку прежде всего на собственные «таланты и капиталы» и в меньшей мере рассчитывали на поддержку государства.

Делая ставку на победу на выборах в IV Думу и создание в ней «прочного конституционного центра», прогрессисты решились конституировать собственную партию на «широкой» платформе и с не менее «широким» охватом разнородных элементов. По их мнению, это должна была быть типичная парламентская партия. Предполагалось, что их партия, в отличие от кадетов, будет «свободна» от «интеллигентских иллюзий» и одновременно «очистится» от «наследия» традиционного «помещичьего либерализма». Однако на практике прогрессистским лидерам удалось создать такую «организационную конструкцию», которая мало чем отличалась от партийных конструкций октябристов и кадетов. Прогрессистским лидерам пришлось «работать» с тем же социальным материалом, который был в распоряжении других либеральных партий, ибо другого просто не было.

Опыт революции 1905–1907 гг. убедительно показал, что «господские» классовые партии не могут претендовать на лидерство в освободительном движении. Такой шанс имела лишь кадетская интеллигентская партия, стремившаяся к выражению и отстаиванию общенациональных интересов развития страны. Эта позиция кадетской партии, внедряемая либеральными идеологами и политиками в сознание широких общественных кругов, ориентированных на ближайшие перспективы капиталистического развития России, позволила ей удержаться «на плаву» и в бурные дни Февральской революции 1917 г., и даже в кратковременный период пребывания у власти.

3. Либеральные думские фракции

Важной составляющей либерального организационного поля являлись думские фракции, которые, с одной стороны, выполняли самостоятельную функцию, обусловленную спецификой парламентской деятельности, а с другой – являлись частью общей структуры либеральных партий, находились под контролем их центральных органов. При всей декларируемой лидерами думских фракций независимости они действовали в едином русле общепартийного политического курса. В условиях организационного кризиса думские фракции нередко брали на себя роль хранителей затухающего «общепартийного костра». Они делали это и путем ярких выступлений с думской трибуны и при помощи непосредственных контактов со своими избирателями. Думские фракции взяли на себя весьма трудоемкую работу по подготовке и изданию ежегодных отчетов, их систематической рассылке избирателям. Пользуясь депутатским иммунитетом, члены фракций совершали регулярные поездки для встречи со своими избирателями, во время которых подробно рассказывали о положении дел в Думе вообще и собственном участии в разработке законопроектов, работе в думских комиссиях и т. д. в частности.

Специальный анализ состава думских либеральных фракций позволяет исследователям корректировать свои представления о социальной природе соответствующих политических партий.

В отечественной историографии проблема состава думских либеральных фракций находилась в центре внимания многих исследователей (С. М. Сидельников, В. В. Светлакова, Е. Д. Черменский, Л. М. Спирин, В. А. Патентов, В. А. Козбанеко, Д. Б. Павлов, В. Ю. Карнишин и др.). Из зарубежных исследователей эта тема получила отражение в работах Т. Эммонса, Ш. Галая, Б. Ц. Пинчука, Дж. Уэста и др. При этом историки использовали, как правило, различную методику при обработке сведений о депутатах, чем и объясняются некоторые разночтения, встречающиеся в отечественной и зарубежной литературе.

При подготовке третьего издания энциклопедии «Государственная дума Российской империи. 1906–1917 гг.» (Челябинск, 2013) отечественным исследователем В. А. Деминым впервые была произведена обработка сведений о депутатах по единой методике. Это позволило ему воссоздать более объективную картину состояния всех думских партийных фракций и групп, включая и либеральные, на всем протяжении деятельности Думы. На мой взгляд, эти данные (дифференцированные по фракциям и думским сессиям, а также итоговые данные за весь период деятельности Думы) представляются на данный момент наиболее репрезентативными.

Опираясь на результаты работы, проделанной Деминым, а также на итоги собственных изысканий, в данном разделе сосредоточу внимание на рассмотрении вопросов динамики численности и состава думских либеральных фракций, их организационных связях с центральными органами соответствующих партий. Такой комплексный подход представляется важным для осмысления единства деятельности этих структур как единого партийного организма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.